

Феликс Гра

Марсельцы

Глава первая БЕДНЫЕ ЛЮДИ

Жили мы в Гарди, в жалкой хижине на опушке леса. И хижина и лес принадлежали маркизу д'Амбрену. Отец собирал желуди с дубов. Господскую долю сбора он сдавал на скотный двор – там ее скармливали свиньям. Из своей доли мы делали муку, примешивая к желудям немного ржи и бобов, которые росли на крохотном участке земли, прилегавшем к нашей хижине.

Раз в год, после сбора урожая, отец и мать отправлялись в Мальмор на мельницу. Возвратившись домой, они месили тесто из всей муки: хлеб у нас пекли только один раз в год. Свежего хлеба мы не ели: его слишком много уходило. Через месяц черные бруски хлеба приобретали крепость камня. Возле нашей двери стоял чурбан; на нем по утрам отец нарубал топором дневную порцию для всей семьи. К концу года лезвие топора сплошь покрывалось зазубринами: так черств был наш хлеб.

Первый кусок свежего белого хлеба я съел, когда мне исполнилось тринадцать лет. Моя сверстница, мадемуазель Аделина, дочь маркиза д'Амбрена, протянула мне однажды ломоть булки.

– Что ты делаешь, Аделина? – закричала на нее мать. – Зачем давать белый хлеб этому бездельнику? Не надо баловать крестьян, не то в один прекрасный день они вырвут у тебя кусок изо рта. Ступай прочь, попрошайка, или я спущу на тебя собак!

Крепко зажав в руке драгоценный подарок, я бросился со всех ног домой.

Этот ломоть был самым вкусным из всего, что я до тех пор ел, но злые слова маркизы были к нему горькой приправой.

В другой раз я уныло брел домой, огорченный тем, что не нашел ни одного яйца в сорочьих гнездах. Было уже десять часов утра, а я еще ничего не ел, и голод меня мучил нестерпимо. Я шел мимо хлева и овчарни замка и вдруг заметил валяющуюся в пыли капустную кочерыжку. У меня слюнки потекли изо рта. Я бросился поднимать ее. Но на мою беду свинья, шествовавшая по дороге, также заметила кочерыжку и одновременно со мной побежала к ней. Свинопас маркиза, злой и жестокий человек, увидев, что я потянулся за кочерыжкой, так хватил меня палкой по руке, что у меня дух захватило от боли. Я оставил кочерыжку свинье и бросился бежать со всех ног.

Убегая, я слышал, как, высунувшись из окна замка, маркиз д'Амбрен кричал:

– Так ему и надо! Какой наглец! Слыханное ли дело, грабить моих свиней? Мужичье проклятое... Дай им только волю, и они слопали бы нас самих живьем!

В тот день еще одна капля горечи запала в мое сердце. С тех пор я краснел со стыда и сжимал кулаки в бессильной ярости, когда мой старик-отец и старуха-мать падали на колени и отвешивали низкие, до самой земли, поклоны, встретив маркиза д'Амбрена, его жену или его сына – офицера королевской гвардии.

– Сопляк, – кричал мне отец, поднимаясь с колен, когда господа проходили, – я научу тебя кланяться нашему доброму барину!

Простодушие отца, его упреки только увеличивали бешенство, душившее меня.

Из всего семейства маркиза лишь одной мадемуазель Аделине я кланялся охотно и с уважением. Но чем старше становилась Аделина, тем реже она улыбалась мне. Впрочем, может быть, я и ошибался, и в глазах ее светилась все та же ласка, но только я не осмеливался больше глядеть в них.

Однажды вечером мы сидели всей семьей за столом и ели бобовую похлебку, последнюю в этом году, потому что больше бобов не осталось. Отец сказал мне:

– Завтра, сынок, мы отправимся с тобой на берег Неск, собирать желуди. Надо готовить запасы на зиму. Она будет суровой нынче. Не знаю, что случилось, но мне рассказывали, что в Авиньоне люди убивают друг друга ни за что, ни про что; в Париже – революция. Господин маркиз со всем своим семейством отправляется туда, на помощь нашему королю, которому грозит большая опасность.

Впервые в жизни я услышал о существовании французского короля. Но тотчас же мне в голову пришла мысль, что король – это враг, раз маркиз готовится защищать его.

На другой день я и не вспоминал об этом разговоре.

Заря еще не занималась, когда мы вышли из дому за желудями.

Стояла ненастная погода. Мы шагали в глубоком мраке по промерзшей земле. Холодный ветер швырял нам в лицо мириады колючих снежинок. Начинало светать, когда мы пришли к реке. Берега Неск были окаймлены высокими дубами. Ветер шевелил пожелтевшую листву деревьев. Все кругом было серо: небо, поля, гора, видневшаяся на горизонте. Над землей низко нависла темная туча. От края до края она покрывала унылую местность, словно пологом из грубой шерсти. Стайки коноплянок, малиновок, овсянок слетели с горы на равнину. Птички порхали над самой землей, жались друг к другу и как будто искали приюта в жнивье. Это был самый верный признак приближения больших холодов.

Попробуйте собирать окоченевшими руками желуди... Они валяются среди гладких и скользких камешков, устилающих берег реки, и сами они гладкие и скользкие, как гальки. За полдня упорной работы мы вдвоем едва набрали одну корзину. Как сейчас, вижу своего отца: бедняга присел на корточки и шарит среди камней. На нем короткая грубошерстная куртка, из-под которой на спине вылезает поношенная рваная рубаха; узкие, до колен штаны со штрипками; чулки с прорванными пятками, сквозь которые виднеется морщинистая кожа; тяжелые деревянные сабо, устланные изнутри сухой травой.

Одежда не защищала старика от пронизывающего холода, от свирепого ветра,

кружившего в воздухе желтую листву, свистевшего в ивняке и грозно завывавшего в расщелинах скал.

Я кутался в худую овечью шкуру и мечтал о том счастливом мгновенье, когда мы, наконец, сможем укрыться от непогоды за холмом и отец позволит мне съесть ломоть хлеба, который он перед уходом отрубил топором.

Мы работали в полном молчании, ибо бедняки, истые бедняки, скупы на слова. Вдруг я услышал собачий лай, доносившийся откуда-то со склона горы. Какое зрелище может доставить ребенку большее удовольствие, чем травля зайца собаками? Я увидел вдали охоту. Легкий, как дымок, заяц несся по косогору. Он намного опередил собачью свору. Время от времени зайчик останавливался, приседал на задние лапки, поводил ушами, но тотчас же снова вскакивал и бежал дальше. Вот он уже спустился к самому берегу Неск.

Собаки иступленно лаяли. Они неотступно бежали по заячьему следу. Там, где заяц останавливался, чтобы прислушаться к шуму погони, они лаяли еще яростнее. Вся воющая и рычащая свора растянулась вдоль косогора.

Впереди мчались черные и огненно-рыжие гончие с длинными, отвислыми ушами. Ни рвы, ни высокий кустарник не могли остановить их: одним прыжком они переносятся через любое препятствие; за ними менее проворные борзые; совсем позади маленькие таксы, низкорослые, коротконогие; они не в состоянии перепрыгнуть не только через ров, но и через обыкновенный булыжник. Однако таксы незаменимы, когда нужно поднять зайца из поры.

Заяц бежал прямо на нас. Я затаил дыхание: сейчас он пролетит мимо... Я схватил камень. Но не тут-то было! Хитрец увидел меня, скакнул в сторону, одним прыжком изменил направление, и вот он уже далеко, он несется вверх, в гору. Прощай, зайчик! В мгновение ока он скрылся в лесу. Собаки на секунду потеряли след, но сразу же вновь нашли его, и через мгновение вся свора – гончие, борзые, таксы – с громким лаем исчезла в лесу.

Отец, равнодушный ко всему на свете, даже не поднял головы и продолжал собирать желуди окоченелыми руками.

Внезапно позади нас раздался грохот скатывающихся камней. Я живо обернулся и увидел графа Роберта, сына маркиза д'Амбрена. Держа ружье в одной руке и плетку в другой, он бежал прямо к нам, разъяренный, словно дикий вепрь (другого сравнения я не нахожу).

Завидев молодого офицера, отец, по своему обыкновению, опустился на колени и отвесил низкий поклон; но жестокий человек, ни слова не говоря, с такой силой хватил старика плетью по лицу, что несчастный замертво повалился на землю.

Видя это, я бросился бежать. Сбросив мои сабо, цепляясь руками, ногами, ногтями за каждую трещину в скале, я быстро карабкался на гору, и все время меня преследовал свист плетки и раздраженный голос, кричавший отцу:

– Вот тебе! Вот тебе! Скотина! Грязное животное! Я покажу тебе, как портить мне охоту!

Тем временем телохранитель маркиза д'Амбрена догнал своего молодого господина. Это был человек исполинского роста, говоривший на каком-то ломаном

наречии. Кажется, он был немец. Мы звали его Сюрто¹, так как настоящего его имени никто не мог выговорить.

Сюрто стал избивать отца с еще большей жестокостью. У бедного старика уже не было силы кричать; он только дергался на земле под градом сыпавшихся на него ударов, как раздавленный червяк.

Стоя на вершине скалы, я видел, как эти два негодяя истязали свою беззащитную жертву. Я не выдержал. Схватив булыжник величиной с человеческую голову, я с силой бросил его прямо в мучителей. Камень слегка задел Сюрто и всей своей тяжестью угодил прямо в ногу графу Роберту. Тот вскрикнул от боли, поднял голову и, увидев меня, тотчас же вскинул ружье к плечу. Бац! Бац! – прозвучали два выстрела. Зи! Зи!.. – засвистела над моей головой дробь, изрешечивая листву деревьев. Я юркнул в лес, под прикрытие толстых стволов.

В то время я был еще ребенком. Мне было лет четырнадцать-пятнадцать, но все же я понимал, какая опасность грозит мне, и не решался вернуться домой, пока было еще светло. До наступления ночи я прятался в чаще леса. Каким долгим показался мне этот день!

Спрятавшись в непроходимом кустарнике, дрожа от страха и коченея от холода, я съел свой завтрак. Хлеб был так черств, что мне пришлось сперва раздробить его острым камнем на маленькие кусочки.

Я не мог удержать слез при мысли, что злодеи, быть может, убили моего отца... А моя бедная мать?.. Что подумает она, видя, что я не возвращаюсь домой? Что с ней будет, когда соседи принесут труп ее мужа?.. И слезы снова и снова катились по моим щекам и падали на твердый, как камень, хлеб...

Наконец, наступили сумерки. Зимой они быстро переходят в ночь. Ветер стал завывать еще яростнее. Далеко на горизонте красная полоса осветила серую завесу туч. Солнце садилось. Небо, горы, долина, весь день казавшиеся серыми под пасмурным небом, приобрели теперь лиловатый оттенок, а деревья и сухой кустарник, сплошь покрывавший скалы, внезапно озарились красным светом; ветер стих на мгновение, как бы в честь солнечного заката. Где-то внизу послышался визг лисицы, и внезапно тьма окутала землю.

Я выполз из кустов и стал пробираться по лесной тропинке. Взобравшись на вершину холма, я услышал у своих ног такой шум, словно кто-то опрокинул на землю тачку с камнями. Это был выводок куропаток, которых я нечаянно спугнул. Я успокоился и, весь синий от холода, спустился, наконец, в долину.

Поминутно я останавливался. За каждым деревцом, за каждым кустом мне мерещилась засада: страшный Сюрто, подстерегающий меня с ружьем в руках. Этого человека я боялся больше всех волков на свете. Шорох камешков под моими осторожными шагами казался мне адским грохотом, способным заглушить даже дикое завывание ветра.

На небе не было ни звезды. Все та же плотная завеса туч покрывала его от края до края. Ночь была непроглядно темная, но это не мешало мне уверенно подвигаться

¹ Имя телохранителя Surto по-французски звучит так же, как: surtaut, что значит непосильный, обременительный налог.

вперед; местность с детства была знакома мне.

Сильный холод заставил пастухов загнать все стада в хлевы, поэтому я никого не встретил на своем пути. Когда я подошел к холму на берегу Неск, откуда рукой подать до замка, я услышал хрюканье свиней и увидел мелькающие огоньки фонарей на скотном дворе.

Едва несколько шагов отделяли меня теперь от той скалы, с верхушки которой я бросил камень в графа Роберта. Мне не терпелось поскорее добраться до этого места, чтобы узнать, наконец, жив ли еще отец или он испустил дух под ударами своих палачей.

Затаив дыхание, я чуть слышно подвигался вперед. Но все же при каждом моем шаге осыпались камешки, и этот шум заставлял меня вздрагивать и надолго замирать на месте. Тогда я пополз на четвереньках. Добравшись до вершины скалы, я поднял голову над пропастью и попытался разглядеть, не лежит ли тело отца на берегу. Но, сколько я ни таращил глаза, я не видел ничего, кроме черной и белой полос, огибающих подножие горы. Черная полоса – это гигантские дубы, окаймлявшие Неск, белая – высохшее ложе реки, устланное круглыми белыми камешками.

Убедившись, что бедного отца не оставили на съедение волкам, я бесшумно пополз назад.

Я спускался в долину, продираясь сквозь колючие заросли высокого кустарника и стараясь избегать проторенных дорожек, чтобы не натолкнуться на Сюрто. Порывы ветра заглушали хруст сухих листьев, по которым я ступал, треск колючек остролистника, цеплявшихся за мою одежду, и шум камешков, катившихся у меня из-под ног.

Дойдя до берега Неск, я снова забился в кустарник и осмотрелся: не заметив ничего подозрительного, я осмелел и бегом помчался по пашне, перескакивая через изгороди, пока не добрался до оливковой рощи. Здесь я умерил шаг и пошел спокойнее, по-прежнему, однако, избегая проезжей дороги и проторенных тропинок. С каждой минутой я все дальше и дальше уходил от замка Ла Гарди, окна которого светились за моей спиной. Неожиданно собаки во дворе замка залились отчаянным лаем. Испугавшись, что они учуяли меня, я опять побежал и уже не останавливался, пока не вышел за пределы владений маркиза д'Амбрена.

Теперь опасность миновала. Замок Ла Гарди остался далеко позади. Но так же далеко была теперь и наша хижина... Осмелюсь я вернуться домой, меня непременно схватили бы, если не нынче ночью, то уж никак не позже завтрашнего утра. Несмотря на это, я решил во что бы то ни стало повидаться с отцом и утешить мать. Бедная женщина! Мне все время чудилось, что она тоскливо зовет меня. «Паскале! Паскале!..»

Как ни темна была ночь, я различал на холме Ла Гарди приземистую лачугу. Это была наша хижина. Мысленно я представил себе ее: тесная, маленькая каморка с двумя набитыми ржаной соломой ящиками вместо постелей; у задней стены грубый очаг, посреди которого висит на крюке котелок; возле двери чурбан – он служит обеденным столом, и на нем же по утрам отец рубит топором хлеб.

Как мне хотелось вернуться под родной кров!.. Но страх перед Сюрто пригвождал меня к месту.

Однако, после долгих колебаний, я решился.

Зажав в каждой руке по увесистому булыжнику, не разбирая дороги, я двинулся напрямик к хижине. От времени до времени я останавливался и настороженно прислушивался. Переходя от межи к меже, я добрался, наконец, до задворков нашей лачуги. Я подполз к дыре, заменявшей окно, – по обыкновению, она была заткнута охапкой сухой травы, – выбил эту охапку ударом кулака и, просунув голову в отверстие, тихо позвал:

– Мать, мать!..

Никто не отзывался. Хижина была пуста!

Я почувствовал, как кровь закипела во мне. Я решил, что злодеи убили и мать. Я бегом помчался к двери. Она была распахнута настежь.

Мгновенно я позабыл обо всех своих страхах и закричал, как бешеный:

– Отец, мать, где вы? Откликнитесь, это я, Паскале!

Но никто не отзывался.

Пораженный горем, я бросился ничком на землю. Я рыдал, кричал, колотился головой о стены битых два часа.

Наконец, обессилив, я поднялся на ноги. Я чувствовал себя несчастным и разбитым. От сознания, что я мал и слаб и не могу отомстить виновникам своего несчастья, кулаки мои сжимались в бессильной ярости.

Вдруг у меня мелькнула в голове мрачная мысль. Поблизости был большой пруд, до краев наполненный водой. Всего месяц тому назад я видел, как из него вытаскивали труп двадцатилетней девушки, красавицы Огюстины. Бедняжка, доведенная так же, как и я, до крайнего отчаяния, утопилась.

Простерши вперед руки, словно раскрывая кому-то объятия, я стрелой понесся к пруду.

Когда я увидел сверкание воды, мне почудилось, что передо мной распахнулись ворота рая. Я подбежал к берегу пруда, закрыл глаза и бросился головой вниз...

Глава вторая ГОСПОДИН РАНДУЛЕ

Со всего размаха я шлепнулся животом на что-то твердое: пруд замерз! Поверхность воды покрылась толстой коркой льда.

Оглушенный падением, испытывая нестерпимую боль во всем теле, я кое-как поднялся на ноги, выполз на берег и в каком-то горестном оцепенении несколько мгновений неподвижно стоял на покрытой инеем траве.

Что делать дальше? Куда идти ребенку без отца, без матери, без пристанища, беспомощному и всеми покинутому среди голого поля в темную зимнюю ночь?.. Бежать в горы? Но там меня съедят волки. Остаться в опустевшей хижине? Но здесь меня завтра же убьют граф Роберт и злой Сюрто...

Внезапно я вспомнил о приходском священнике деревни Мальмор, господине Рандуле. Мальморский кюре всегда был добр ко мне. Он часто посещал замок маркиза д'Амбрена, но принадлежал к другой породе людей, чем маркиз. Кюре дружески разговаривал с крестьянами; при встрече здоровался с моим отцом за руку, спрашивал о здоровье, передавал приветы жене и сынишке, добродушно похлопывал отца по плечу. По всему видно, что он был добрый и отзывчивый человек.

Я подумал, что мальморский кюре поможет мне. Достаточно было вспомнить про существование этого добряка, чтобы я сразу почувствовал себя бодрее.

Подстегиваемый пронизывающим тело ветром, я зашагал по направлению к Мальмору. Дорогой я представлял себе облик кюре Рандуле: его круглое благообразное лицо, серые глаза и густые седые волосы, его пухлые руки, тонкий, как будто женский голос, его черную рясу и башмаки с серебряными пряжками. Уверенность, что он не оставит меня в беде, согревала и подбадривала меня.

Когда я пришел в Мальмор, было уже далеко за полночь. На улицах не видно было ни души; все огни уже давно погасли. Мертвую тишину нарушало только завывание ветра, хлопанье неплотно прикрытых ставней да монотонное журчание струйки воды, льющейся в наполненный до краев и окаймленный зубчатой бахромой из сосулк бассейн.

Я прошел прямо к церковному дому, где жил добрый кюре, но у самой двери меня снова обуял страх. Что-то скажет мне кюре? Что, если он отведет меня в замок к Сюрто? Нет, не может быть! Господин Рандуле всегда улыбался мне при встрече, и лицо его светилось такой добротой. Нет, нет, этот человек не мог никому причинить зла! Он никогда не выдаст меня врагам!

Я смело схватил дверной молоток и постучал. Тук-тук! Молчание. Я постучал еще раз. Сильнее. По-прежнему никто не отозвался на стук. Я обежал вокруг дома, заглядывая во все окна, – ни в одном из них не было света. Тогда я вернулся к дверям и снова поднял дверной молоток. Продержав его несколько секунд в руках, я, наконец, набрался смелости и постучал в третий раз. Тук-тук-тук!

В то же мгновение послышался голос господина Рандуле:

– Жанетон, Жанетон! Мне кажется, что кто-то стучится в дверь.

Жанетон из другого этажа ответила:

– Вы ошибаетесь: это ставни скрипят от ветра.

Услышав этот разговор, я забыл всякий страх и постучал еще раз. Опять раздался голос кюре:

– Слышишь, я был прав! Поди взгляни, кто там.

В одном из окон дома зажегся свет, и вскоре на лестнице раздался стук деревянных башмаков Жанетон. Прежде чем открыть, она крикнула в замочную скважину:

– Кто там?

– Это я.

– Кто это – я?

– Паскале, сын Патины.

Дверь отворилась, и свет лампы ослепил меня.

– Входи, – недовольно проворчала старушка. – Зачем ты пришел в такой поздний час? Господин кюре спит. Говори, что тебе нужно от него?

Сердитые слова Жанетон смутили меня. Я не знал, что сказать ей в ответ, и, дрожа от страха и холода, повторял только:

– Мне нужно видеть господина кюре. Я должен с ним поговорить...

– Нечего сказать, нашел подходящее время! В два часа пополуночи зимой людей не будят для разговоров.

И Жанетон взяла меня за плечо, намереваясь вытолкнуть на улицу.

На мое счастье кюре слышал весь наш разговор. Он закричал из своей комнаты:

– Впусти его, Жанетон,пусти скорее маленького Паскале. Да разведи огонь, чтобы он мог согреться. Я сейчас выйду.

Жанетон не возразила ни слова. Тук-тук – застучали по ступенькам ее сабо.

Я последовал за нею.

Мы вошли в теплую кухню, где еще вкусно пахло ужином господина кюре: соусами и кофе. Казалось, один этот запах мог наполнить мой пустой желудок, – каким же сытным и вкусным должно было быть само кушанье! Такой запах я ощущал, только проходя мимо открытых окон кухни в замке маркиза д'Амбрена.

Жанетон, скорчив недовольную гримасу, разломала о колено несколько щепочек и развела огонь. Дрожащие язычки пламени весело запрыгали в очаге. Вскоре послышалось шлепанье туфель господина кюре.

Закутанный в халат, с повязанной клетчатым фуляром головой, он был неузнаваем, и, только услышав знакомый тонкий голос, я понял, что передо мной действительно сам мальморский священник.

– Это ты, Паскале? Храбрый мальчик, ты хорошо сделал, что пришел ко мне. Не бойся ничего, я отведу тебя к отцу. Он весь истерзан, но я уверен, что все кончится

благополучно и он поправится.

Говоря это, кюре притянул меня к себе и ласково погладил по голове своими пухлыми руками.

Меня очень удивило, что и без моего рассказа господин кюре знал обо всех событиях этого дня.

– Где мой отец? – робко спросил я.

– Он в больнице; твоя мать ухаживает за ним. Я отведу тебя к нему, но, конечно, не сейчас. Я уверен, что ты весь день ничего не ел. Жанетон, не найдется ли чего-нибудь съестного в буфете?

– Что у меня тут, харчевня, что ли? – заворчала Жанетон, открывая, однако, дверцы стенового шкафа. – Остался только один фаршированный помидор.

С этими словами она поставила передо мной на стол маленькую мисочку, в которой лежало что-то круглое и красное, величиной с кулак.

У меня слюнки потекли изо рта.

– По вкусу ли тебе это? – спросил меня кюре. – Ешь же, не стесняйся, ешь все! Вот хлеб. Тебе дадут еще стакан вина, а потом пойдешь спать. Утром я отведу тебя к отцу в больницу.

При мысли, что отец жив и что мать ухаживает за ним, что добрый кюре защитит меня от Сюрто, я почувствовал, как блаженное спокойствие охватило все мое существо. Я пытался есть, но горло мое сжимала спазма, во рту пересохло, и кусок не лез в глотку. Я столько пережил за этот день, так измучился, что страх и усталость не могли сразу уступить место покою и довольству. Мне стало дурно, и я чувствовал, что вот-вот потеряю сознание. Кюре заметил, в каком состоянии я нахожусь.

– Выпей-ка стаканчик вина, и у тебя живо появится аппетит, – сказал он мне.

Он взял красивый бокал на тоненькой ножке и наполнил его до краев красным вином.

Осушив до дна бокал, я мгновенно почувствовал себя лучше и стал жадно есть, проглатывая сразу огромные куски хлеба.

Я уже не смущался и болтал с господином кюре с живостью, свойственной ребенку моих лет. Я рассказал ему обо всем, что пережил в течение дня: о том, как граф Роберт избивал отца плетью, как я швырнул булыжник в своего врага и как сам бросился в пруд...

Господин кюре слушал меня, грея руки у очага; когда я, наконец, замолчал, он снова налил вина в бокал и сказал: «Мой мальчик, ты отлично сделал, что пришел ко мне», и отвернулся, чтобы скрыть слезы, выступившие на глазах. Потом, глядя на меня, он гневно заговорил, обращаясь неведомо к кому:

– Безумцы! Безумцы! – восклицал он. – Сегодня вы властвуете, но завтра сами станете слугами! Вы отказываете голодным в куске хлеба – настанет день, когда эти же голодные разрушат ваши замки, и вместо музыки вы будете слышать только звон набатов. Безумцы! Опомнитесь, или вы дождетесь того, что из фонтанов во дворах ваших замков вместо воды будет хлестать кровь!..

Успокоившись, господин кюре ласково взял меня за руку и повел в спальню. Жанетон светила нам. Мы прошли через большую красиво обставленную залу. В глубине ее находилась высокая дверь. Кюре открыл эту дверь и ввел меня в комнату, где стояла огромная кровать под балдахинном.

– Ты будешь спать здесь, – сказал он, ласково потрепав меня по щеке, и ушел к себе, оставив меня наедине с Жанетон.

Я стоял посредине комнаты, не зная, куда мне девать руки, и не осмеливаясь ни до чего дотронуться. Но едва лишь кюре вышел за дверь, Жанетон сердито встряхнула меня и сказала:

– Ну, что ты уставился на меня? Сбрасывай скорее свои лохмотья и ложись. Да, смотри, не грязни мне здесь ничего, не вздумай плевать на пол или сморкаться в простыню, слышишь ты?

С этими словами она вышла из комнаты и заперла за собой дверь, оставив меня одного в темноте.

Я быстро скинул блузу, штаны и чулки, ощупью взобрался на широкую мягкую, как пух, постель и мгновенно потонул в ней. Мне, который всю свою жизнь спал на тощей подстилке из соломы, кишасей паразитами, эта кровать со свежесмытым благоухающим бельем казалась верхом роскоши. Я чувствовал себя в ней, как птенчик в теплом гнезде. Через минуту я уже спал, как убитый.

Мне снилось, что я летал в воздухе и прилег отдохнуть на пушистое облачко. Внезапно в эти блаженные грезы ворвался извне какой-то противный звук – не то визг свиньи, которую режут, не то скрип несмазанного, заржавелого блока, поднимающего ведро из колодца. Потом над самой моей головой оглушительно прозвенело: бум! бум! бум! Три удара колокола. Обливаясь холодным потом, я привскочил на постели. Снова раздался тот же отвратительный визг, и снова мощно загудели колокола: бум! бум! бум! Только тогда я понял, что означает этот шум, и успокоился: ведь я в церковном доме, и колокольня расположена как раз над моей головой. Это звонят к заутрене.

Едва отзвучал последний удар колокола, как послышался стук башмаков Жанетон. Дверь открылась, и старая служанка предстала передо мной в сером свете дня; она положила на кровать какой-то узел и пробурчала:

– Вставай, мальчуган, нечего валяться! Ты оденешь эти штаны, рубашку и куртку... и эту шляпу и эти башмаки, слышишь?..

Она раскладывала вещи на кровати. Я смотрел на нее, разинув рот, и не верил своим глазам. Неужели эта ослепительно-новая одежда предназначалась мне?

Я не успел выговорить и слова, как Жанетон уже повернулась на каблуках и ушла. Из-за двери она крикнула мне:

– Вставай скорее! Не заставляй господина кюре ждать!

Нет, я не заставлю господина кюре ждать себя!

Я немедленно вскочил с постели, надел белую рубашку, новые штаны, куртку, крепкие, целые чулки, красивые башмаки с пряжками и треугольную шляпу. В этом великолепном наряде я чувствовал себя стесненным в каждом движении. Осторожно ступая, чтобы не поскользнуться и не упасть на сверкающем скользком паркете, я пошел на кухню.

Господин Рандуле сидел уже за столом. Перед ним на столе дымилась чашка какого-то черного напитка. Увидев меня, добряк не мог удержаться от улыбки.

– Ого, какой ты стал нарядный! Ну, кто бы поверил, глядя на тебя, что маленький Паскале не сын состоятельного горожанина? Садись, Паскале, ты любишь вот это?

И кюре подвинул мне большую чашку напитка.

– Пей, – добавил он, – это согреет тебя.

Кроме того, он дал мне еще большой сладкий сухарь.

Я глядел на все эти яства с изумлением, не притрагиваясь к ним. Только увидев, как кюре обмакивает сухарь в жидкость, я осмелился последовать его примеру.

Только много лет спустя я узнал, что этот черный отвар был кофе.

– Ну, что же, – спросил кюре, вытирая губы, – понравился тебе завтрак?

– Да, господин кюре.

– Хочешь теперь пойти к отцу?

– Да, господин кюре.

– Тогда идем, уже пора. Застегни куртку: на дворе холодно.

Мы вышли на улицу.

Было уже совсем светло. Когда мы пересекали церковную площадь, господин Рандуле увидел на земле лужу крови.

– Ах, несчастные! – вскричал он. – Они дерутся, они готовы перегрызть друг другу горло. Дети одного народа, они едят один и тот же черствый хлеб, они скованны одной и той же цепью и страдают в одном и том же аду каторжного труда. И они не находят ничего лучшего, как проливать кровь друг друга, к выгоде своих тиранов и палачей!

Больница находилась в двух шагах от церковной площади, на улице Басс.

Дом призрения всегда открыт. Мы вошли не постучавшись. На самом верху лестницы, с левой стороны, помещалась комната для больных.

Господин Рандуле вошел первым. Сестра Люси, бывшая в это утро дежурной, отвесила ему глубокий поклон. Вдоль стен большой комнаты стояли белые кровати. Четыре из них справа от входа были заняты ранеными, за которыми ухаживали их жены и дети. В глубине комнаты, с левой стороны, я увидел мою бедную мать, склонившуюся к изголовью постели. Одним прыжком я очутился в ее объятиях. Рыдая, она прижала меня к своей груди и поцеловала. Бедняки обычно скупы на ласки, они редко целуют своих детей. Этот материнский поцелуй заставил меня как бы вновь пережить всю свою жизнь. Сердце сжалось у меня от радости.

Я склонился к постели и оросил слезами лицо моего старого отца, который взволнованно, чуть слышным голосом повторял:

– Паскале, Паскале, это ты, мой славный Паскале!..

Только поднявшись с колен и отерев слезы, я разглядел, что сделали с моим старым отцом граф Роберт и Сюрто. Лоб и щеки отца были исполосованы красными рубцами толщиной с палец. Рубцы вздулись, и на них темной коркой запеклась кровь.

Левый глаз был выбит, и глазница превратилась в сплошную кровавую дыру. Отец харкал кровью – негодяи били его сапогами в грудь, топтали ему каблуками живот. Образ искалеченного старика заставил меня задрожать от бешенства, кровь хлынула мне в голову, краска негодования залила мое лицо. Я скрежетал зубами, я судорожно сжимал пальцы, готовые вцепиться в горло врагу, мне хотелось поджечь замок, отравить воду в его колодце!.. Но я был слаб, я мог только рыдать в бессильной злобе и повторять: «О, когда я вырасту большой...»

Отец пытался сдернуть с себя простыню и одеяло, в которые он был закутан.

– Зачем ты раскрываешься? – спросила мать, вновь натягивая на него одеяло.

– Я хочу тебе что-то сказать, – чуть слышно прошептал отец. – Патина, нагнись ко мне, и ты, Паскале... Я хотел бы также, чтобы и господин Рандуле слышал меня. Теперь, когда Паскале вернулся, он должен вдвоем с матерью отправиться в замок, повидать там нашего сеньора маркиза и графа Роберта... Он должен сказать им, что, как только я поправлюсь, я вымолю у них прощенье. Слышите, вы должны броситься к ногам нашего господина и молить его о милосердии к нашей семье... Мы все находимся в его власти. Ты слышишь, жена? Ты слышишь, Паскале?

Господин Рандуле прервал его:

– Нет, нет, Паскале, теперь не время для этого. Когда вы совсем оправитесь, мы потолкуем о том, как поступить. Поверьте мне, мы что-нибудь придумаем.

– О боже, боже! – воскликнул мой отец. – Но что подумают о нас наши добрые господа? А господин Роберт, уж у него-то во всяком случае следовало бы просить прощенья. Однако, если господин кюре находит, что сейчас еще не время...

– Нет, нет, говорю вам, что еще не время. Я улажу все это, будьте покойны. Паскале, вечером приходи ночевать ко мне.

– Да, господин кюре, – отвечал я, глядя на него с обожанием.

Но едва лишь кюре отошел от нас к другим раненым, я вспомнил слова отца: «Надо идти просить прощенья!»

Мне просить прощенья?!

Вся кровь снова закипела в моих жилах.

Признаюсь, отец вдруг стал гадок мне. Нет, я не послушаюсь его, ни за что! Я убегу из дому, если он попытается принудить меня...

Я недолго предавался этим тягостным размышлениям: стоны и плач женщин, ухаживающих за своими ранеными мужьями, отвлекли мое внимание.

Одному осколком бутылки разрезали щеку, так что все зубы были обнажены; другому переломили обе ноги железным брусом. У третьего на спине большая кровавая рана, ему воткнули нож по самую рукоятку. Четвертый... О, этот четвертый! Ему распорили живот лемехом от плуга. Несчастный, поддерживая руками вываливающиеся внутренности, прошел несколько шагов и почти бездыханным свалился у самого порога церкви.

– Боже мой, боже ты мой! – восклицал кюре. – Как это случилось с вами? Кто эти негодяи, совершившие подобные преступления?

– Никто ничего не знает! – с отчаянием вскричали хором все четыре женщины. – Никто ничего не знает или не хочет сказать!

– Говорят, что это паписты² так отделали их за крамольные речи... Ох, если бы можно было узнать всю правду! – вздохнула одна женщина.

– Много бы тебе помогла эта правда! – ответила ей другая. – Богачи, это – богачи, они никогда не бывают виноватыми.

– Полно, – возразил кюре, – никакое богатство тут ни при чем – никому не позволено убивать людей, как мух!

– Поговорите об этом с Сюрто, когда будете в замке. Он-то кое-что знает... Ох, если бы камни могли говорить, недолго бы ему оставалось носить голову на плечах!..

– Значит, все эти зверства были совершены из-за споров с папистами? – спросил кюре.

– Только из-за этого... Вы ведь знаете нас, господин кюре, мы мирные люди и неспособны на злое дело...

– Нет, нет, голубушки, я не хотел этого сказать. Ухаживайте же хорошенько за этими несчастными. Я позабочусь о вас и о ваших детях. Вы не будете нуждаться ни в чем.

Господин Рандуле, прежде чем уйти, попытался было вытянуть хотя бы слово у кого-нибудь из раненых, но боль, лихорадка и отчаяние, в которое все они были погружены, не позволяли им ни слушать, ни отвечать.

Имя Сюрто, произнесенное одной из женщин, заставило меня задрожать от страха. Этот негодяй, видно, был способен на всякое преступление. Я боялся его больше всего на свете. Я знал, что разбойник разыскивает меня, чтобы отомстить за своего господина, графа Роберта, которому я, быть может, искалечил ногу камнем.

Я был еще мальчишкой, но я отлично понимал, чем все могло для меня кончиться. Попадись я в руки к этим палачам, они будут бить и пытаться меня и в конце концов повесят на высоком дубе в одной из аллей замка.

Целый день я не выходил из больницы. Здесь я считал себя в безопасности. Кто осмелится оторвать меня от постели больного отца? Тут мне нечего бояться. Так, по крайней мере, я думал.

Однако, оказалось, что именно здесь я подвергался наибольшей опасности.

Когда совсем стемнело и погасили все огни, я собрался отправиться ночевать к доброму господину Рандуле.

Но вдруг внизу, в конце улицы Басс, послышался звон колокольчика: динь! динь! и церковное песнопение. Сестра Люси подошла к окну, прислушалась и тотчас же закрыла его.

– Это несут причастие какому-то больному, – сказала она. – Но кто эти люди в белых одеждах кающихся?

Звон колокольчика все приближался и приближался. Процессия подошла уже к

² Паписты – приверженцы папы – главы римско-католической церкви.

дверям больницы. Здесь пение прекратилось, и на лестнице послышались тяжелые шаги. Дверь палаты распахнулась, и мы увидели шесть замаскированных мужчин. Это были великаны, укутанные с ног до головы в белые балахоны, в масках с черными дырами вместо глаз... Они были похожи на привидения. Один из замаскированных людей посмотрел на меня сквозь дыры в маске. Я в ужасе юркнул в проход между кроватью отца и стеной и здесь притаился, чуть живой от страха.

Вдруг замаскированные люди вытащили кинжалы, подошли к четырем раненым и, не говоря ни слова, стали наносить им удар за ударом. Кровь потекла на пол. Женщины рыдали и призывали: «На помощь! на помощь!» Сестра Люси кидалась от одного палача к другому, пытаюсь удержать их, но самый высокий, видимо предводитель, ударил ее ногой с такой силой, что бедная женщина отлетела прямо к постели моего отца. Мать бросилась ко мне, пытаюсь прикрыть меня своим телом, но тут же потеряла сознание. Все это совершилось в одно мгновение.

Все четверо раненых были мертвы. Убийцы в окровавленных одеждах один за другим направились к выходу. Лишь предводитель чего-то медлил. Он подошел к кровати отца, наклонился и заглянул под нее. Я увидел в отверстиях маски его сверкающие, словно раскаленные угли, глаза. Он сунул руку под кровать и вытащил меня оттуда. Я отчаянно кричал, но вокруг меня были одни мертвецы и беспомощные женщины... Никто не мог прийти мне на помощь. Страшный белый призрак потащил меня за собой на лестницу, а оттуда на улицу. Волей-неволей я принужден был следовать за ним. Его рука сжимала мою, словно клещами. Напрасно я кричал: «Спасите! Спасите!» Когда какое-то окошко открылось, мы были уже далеко. Измученный бесплодной борьбой, полуживой от страха, я поплелся за своим палачом, как собака, которую ведут на веревке к мосту, чтобы утопить в реке.

Чего хотел от меня этот человек? Я догадался об этом, только когда мы свернули на дорогу, ведущую к замку Гарди. Человек, чья рука, обогренная кровью беспомощных раненых, сжимала мое плечо, был Сюрто!

Я понял, что он ведет меня на смерть... Некому было заступиться за меня на пустынной дороге, среди полей. Справа и слева виднелись стога сена, пустыри да голые деревья и ничего больше. Что мне было делать?..

Глава третья В АВИНЬОНЕ

Напрасно я пробовал вырваться от своего мучителя. Он подавлял малейшую попытку сопротивления жестокими ударами или с таким бешенством дергал меня за руку, что, казалось, хотел оторвать ее от плеча.

Смерть витала надо мной...

Вдали уже виднелась дубовая аллея, ведущая к замку.

В эту грозную минуту меня осенила счастливая мысль: если бы Сюрто хоть на четверть секунды выпустил мою руку, я мог бы еще спастись: один прыжок – и я в поле. В темноте этому огромному, грузному человеку не угнаться за мной, тем более, что я знал каждую кочку и каждую ямку в этих местах. Сколько раз – днем и ночью – я бегал по этим тропинкам, кустарникам, полям и оврагам! Я проскользну, как ящерица, там, где он споткнется, увязнет, заплутается...

Но для этого прежде всего надо было заставить Сюрто хоть на секунду отпустить меня!

Сначала я решил прокусить ему палец, но тут же отказался от этой мысли. Другая идея, поистине спасительная, пришла мне в голову: я вспомнил, как, будучи еще совсем маленьким, я часто ловил для забавы разных насекомых: кузнечиков, божьих коровок, жуков, стрекоз.

Часто случалось, что пойманные букашки, как только я к ним прикасался, притворялись мертвыми; они лежали неподвижно, не шевеля ни ножкой, ни усиком. Я пробовал переворачивать их на спинку, на брюшко, дул на них, кричал – ничто не помогало. Однако стоило мне сделать вид, что я перестал интересоваться ими, как букашка сразу оживала и фрууу! – поминай, как звали!

Последовать примеру хитрых насекомых – эта мысль показалась мне чудесной! Недолго думая, я привел ее в исполнение: упал на землю и замер.

Но мучитель в белом балахоне и не подумал отпустить меня. Он изо всей силы толкнул меня ногой в бок, крича:

– А, ты не хочешь больше идти!

Я не издал ни звука. Сюрто повернул меня раз, другой: я не пошевелился.

Скрежеща зубами от бешенства, он ударил меня кулаком в лицо с такой силой, что челюсть хрустнула. Я молча выдержал и эту пытку.

Однако, великан не выпускал моей руки. Можно было подумать, что он догадался о моей хитрости. Он попытался было волочить меня за собой; это показалось ему трудным. Через десять шагов он с проклятьями взвалил меня к себе на плечи.

– Я тебя принесу живым или мертвым, – пробормотал он сквозь зубы.

Но тащить меня на плечах тоже оказалось неудобным: длинный белый балахон с широкими рукавами и капюшоном стеснял Сюрто. Он остановился и попробовал

одной рукой развязать завязки у капюшона. Это ему не удалось. Обманутый моей неподвижностью, он положил меня на землю и стал снимать стеснительное одеяние. Это был подходящий момент для бегства. Одним прыжком я вскочил на ноги, перешагнул через придорожную канаву и помчался по полю.

– Проклятье! Ах ты, маленький негодяй! Я сейчас словлю тебя! – завопил Сюрто, пускаясь в погоню за мной.

Но я уже успел намного опередить его. Я несся по чистому полю, как стрела, выпущенная из лука. Голос Сюрто доносился все глуше и глуше. Он, кажется, звал собак из замка. Но меня это уже не страшило – вот уже первые дома Мальмора! Я был спасен!

Было далеко за полночь, когда я вернулся в деревню. Однако, во всех окнах горел свет. Улицы были полны людей: убийство четырех поселян вызвало всеобщее возмущение. Проходя по улице Басс, я слышал вопли жен несчастных убитых и ропот народа, собравшегося у дверей больницы.

Еще не оправившись от пережитого испуга, я не посмел замешаться в толпу и направился прямо к церковному дому.

При первом же ударе молотка Жанетон – она, очевидно, еще не легла – подошла к дверям.

– Кто там?

– Это я, Паскале.

– Как! – вскричала старуха, открывая дверь. – Это ты? Значит, убийца отпустил тебя?

– Я убежал от него возле замка Гарди.

– Что он от тебя хотел?

– Он хотел убить меня!

– Ах, негодяй! Знаешь ли ты, кто это был?

– Да, я знаю, это был Сюрто.

– Телохранилитель господина маркиза?

– Он самый.

– Не может быть! Молчи! Не смей этого говорить! Ступай скорее спать. Ты ужинал?

– Да.

– Отлично, постарайся поскорее уснуть. Господин кюре в больнице, с женами этих несчастных. Когда он вернется, он разбудит тебя, если найдет нужным.

С этими словами Жанетон отперла дверь комнаты, где я провел прошлую ночь, впустила меня туда и повернула за мной ключ в замке.

Ощупью, в темноте, я нашел кровать и, раздевшись, лег. Я долго не мог уснуть. Перед моими глазами неотступно стояла высокая фигура в белом балахоне. Поминутно я вскакивал с постели, обливаясь холодным потом, – мне казалось, что белое привидение стоит в ногах кровати. Если усталость превозмогала страх и я

погружался в дремоту, то тотчас же с криком просыпался: мне снилось, что убийца навалился на меня и душит окровавленной рукой мое горло или хватает меня за ногу и тащит с постели... Вот он выхватил из рукава длинный нож, он хочет проткнуть меня насквозь, как тех несчастных, в больнице...

Внезапно с громким скрипом растворилась дверь комнаты, и луч света из фонаря на мгновение ослепил меня.

– Кто там? – в ужасе вскричал я.

Это был кюре.

– Не бойся, Паскале! – сказал он. – Это я. Вставай, скоро день. Тебе надо уходить. Ничего не бойся, я не дам тебя в обиду!

– Я не хочу идти в больницу! – захныкал я. – Там убийцы... Я боюсь их!

– Ты не вернешься в больницу. Подымайся же скорее: надо, чтобы ты успел скрыться до наступления дня!

Не возражая более, я быстро оделся. Но где же моя треугольная шляпа?

– Ты ищешь свою шляпу? Вот она, ты оставил ее в больнице.

И кюре отвел меня на кухню, где Жанетон уже разводила огонь. Старуха суежилась, бегала по комнате взад и вперед, поминутно вздыхая.

– Господи, что еще нам суждено пережить! – шептала она.

Она сложила в маленький мешочек из голубого полотна хлебец, две горсти сушеных винных ягод, горсть миндаля, несколько яблок и фляжку вина. Когда все было готово, господин Рандуле притянул меня к себе.

– Дитя мое, – сказал он, – мы переживаем тяжелые времена... Люди ополчились друг на друга, они грызутся между собой, словно волки, земля красна от пролитой крови. Нет более ни родных, ни соседей, ни друзей, каждый готов убить каждого. Тебя, дитя мое, тоже ищут, чтобы погубить. Но ты храбрый мальчик. Послушайся меня, отправляйся в Авиньон. Авиньон далеко, тебя не станут искать там. Возьми этот мешочек с провизией и фляжку с вином. Здесь достаточно еды на два дня. Вот тебе еще письмо к канонику³ Жоссерану, спрячь его хорошенько. Когда ты придешь в Авиньон, иди прямо к канонику, мое письмо все объяснит ему. Он устроит тебя на работу, и ты сможешь добывать себе на пропитание.

Тронутый до слез, я мог только отвечать:

– Благодарю вас, господин Рандуле. Но...

– Что ты хочешь сказать?

– Но мать моя... Кто позаботится о ней?

– Не беспокойся об этом. Твоя мать и твой отец ни в чем не будут нуждаться.

С этими словами добрый кюре сунул мне в руки мешочек с провизией и фляжку с вином.

– Пойдем, – сказал он, – я выведу тебя на дорогу.

³ Каноник – духовное лицо.

И он первым спустился по неосвещенной лестнице.

На улице было темно, и звезды еще не успели погаснуть. Кругом не было ни души. Вчерашние волнения улеглись, и деревня крепко спала. Тишину ночи нарушал только несмолкающий ропот водяных струй в бассейне и на площади.

Мы миновали спящую деревню и вышли на авиньонскую дорогу.

Господин Рандуле обнял меня и сказал:

– Я позабочусь о твоих родных. Каноник Жоссеран поможет тебе устроиться в Авиньоне. Смотри, не потеряй моего письма к нему, слышишь? А теперь ступай. Когда взойдет солнце, ты будешь уже на полдороге к Авиньону, а к вечеру увидишь крыши папского дворца⁴.

С этими словами добрый кюре снова крепко обнял меня. Мне показалось, что он опустил что-то в карман моей куртки, но я был слишком взволнован прощанием, чтобы тут же это проверить. Запинаясь, я мог только пробормотать: «О, спасибо, спасибо, господин кюре!» и зашагал по дороге в Авиньон.

О, эта пустынная дорога, чуть белеющая в густом мраке ночи, – я никогда не забуду ее! Сторожевые псы на гумнах еще издали чуяли мое приближение и заливались громким лаем. Они яростно бросались на меня, когда я проходил мимо. Сколько раз, дрожа от страха, я останавливался, не решаясь продолжать путь. Ведь я был еще ребенком, и темнота, рычание псов, унылые крики совы – все пугало меня. Но вот снова воцарялась тишина, и снова я робко шагал по дороге.

Наконец, стало светать. Верхушки Крепильонских холмов загорелись нежным розовым светом.

Вместе с темнотой рассеялись и мои страхи. Я бодро зашагал вперед. Я любовался собой, глядя на бегущую впереди меня тень. «Неужели это ты, Паскале, – думал я, – такой высокий, нарядный, в крепких башмаках и треугольной шляпе? Ты стал уже совсем взрослым мужчиной!»

Вдруг я вспомнил, что на прощанье кюре сунул мне что-то в карман куртки. Я нащупал там сложенную вчетверо бумажку. В пакетик были завернуты три новеньких серебряных экю по три франка! Какое богатство! Я еще более вырос в своих глазах. В эту минуту, кажется, я не испугался бы самого Сюрто.

Поднявшись на пригорок, я увидел невдалеке большой город с башнями и высокими домами. Бесчисленные окна отражали лучи солнца.

– Уже Авиньон? – радостно воскликнул я. – Как скоро я дошел до него!

Заметив невдалеке старого крестьянина, копавшего что-то на своем огороде, я подбежал к нему и спросил:

– Это Авиньон виднеется там вдали?

– Авиньон? – удивленно повторял он. – Видно, вы не здешний, молодой человек.

⁴ В начале XIV века, потерпев поражение в борьбе с французским королем Филиппом IV, папа Климент V вынужден был из Рима переехать в город Авиньон, принадлежавший тогда графу Прованскому, но фактически бывший в зависимости от французского короля. Во время этого так называемого «авиньонского пленения» (1309–1377) папы построили там замечательный дворец.

Никакой это не Авиньон! Это Карпантра. А Авиньон, благодарение богу, далеко отсюда; если вы прошагаете весь день без остановки, может быть, дойдете туда к ночи.

Старик воткнул заступ в землю, оперся на него локтями и пристально поглядел на меня.

– Не советовал бы я вам, молодой человек, идти в Авиньон. Говорят, там сейчас творятся страшные дела... Если можете, вернитесь-ка лучше домой! Авиньонцы всегда были бедовыми – это сплошь забияки, буяны и пьянчуги. Ох, ох, дурная слава у авиньонцев! – Понизив голос до шепота и наклонившись к самому моему уху, старик продолжал: – Это воры, поджигатели и убийцы! Все они на стороне революции, на стороне Франции и против папы.⁵ Эти разбойники дважды осаждали Карпантра. Ну, мы им, конечно, показали, где раки зимуют! Больше я вам ничего не скажу, молодой человек, и этого достаточно! Прощайте!

И он снова занялся своим делом.

Когда я отошел на несколько шагов, он снова окликнул меня:

– Эй, вы, я дал вам хороший совет, возвращайтесь-ка туда, откуда вы пришли!

Солнце высоко поднялось в небе, затем стало склоняться к закату, а я все шагал и шагал то по узеньким тропинкам, проложенным среди болот, то по пустырям, то продираясь сквозь заросли кустарника и дошагал, наконец, до папского города.

Сперва я увидел Рону. Это самая большая река из всех, какие я знаю. Впоследствии мне пришлось видеть Рейн, Дунай, Березину, но ни одна из этих рек не может сравниться с Роной.

Зачарованный величественным зрелищем полноводной красавицы-реки, неторопливо катящей свои воды к морю, я не сразу даже заметил Авиньон.

Город был виден с того места, где я находился, как на ладони. На берегу Роны, на самой верхушке отвесной скалы, стоял замок с высокими башнями. У подножья дворца, построенного папами, теснились бесчисленные здания. Они простирались во все стороны, сколько видел глаз, так близко сходясь черепичными кровлями, что улицы казались только узкими щелями.

До города оставалась по крайней мере еще целая миля, а я уже слышал какой-то глухой шум, доносившийся оттуда. Я не мог разобрать, были ли это крики, или пение, музыка, стрельба, или грохот рушащихся домов. Я вспомнил предупреждение старика-крестьянина и почувствовал словно какую-то тяжесть на сердце. Что ждет робкого мальчика из глухой деревушки в этом большом городе?

Я ведь так одинок! Я чувствовал себя несчастнейшим из всех людей на земле. Чтобы подбодрить себя, я нащупал в кармане письмо мальморского кюре. Оно было на месте. Когда я дотронулся до письма, мне показалось, что я пожал руку самому господину Рандуле. Это снова вернуло мне спокойствие и уверенность в счастливом исходе моих приключений.

Радостный и гордый, я подошел к городским воротам. Это была застава св. Лазаря. Что я там увидел!

⁵ Со времени «авиньонского пленения» (с 1348 г.) город Авиньон находился во владении пап. Только во время французской революции, в 1791 г., он был присоединен к Франции.

Навстречу мне из ворот катился людской поток. Люди пели, плясали, кричали, смеялись, пожимали друг другу руки, обнимались. Можно было подумать, что весь город сошел с ума. Совершенно неожиданно я очутился в самой гуще толпы.

– Фарандолу! – раздался внезапно чей-то крик.

Застучал тамбурин, засвистели дудки, оборванцы в лохмотьях и степенные купцы, ремесленники и франты с косичками в шелковых сетках, дети и солдаты, женщины в высоких прическах, молодые девушки, прачки, рыночные торговки, носильщики, дамы в кружевных платьях, взявшись за руки, закружились в бешеном хороводе. Среди пляшущих я увидел даже капуцина в рясе цвета красного перца, двух священников, трех монахинь! Все они пели, прыгали, скакали под радостные звуки тамбуринов и дудок. Когда музыканты останавливались, чтобы перевести дыхание, толпа кричала: «Да здравствует нация!», и тотчас же пение и пляски возобновлялись.

Я бежал вслед за другими и вместе со всеми кричал: «Да здравствует нация!»

Хоровод растянулся такой длинной лентой, что голова его уже возвращалась в город через Лимберскую заставу, в то время как хвост еще не миновал заставы св. Лазаря.

Никогда в жизни я не видел такого скопления людей! Здесь их было больше, чем пчел в рою.

Словно замороженный, я следовал за пляшущей и поющей толпой.

Войдя в город через Лимберские ворота, хоровод свернул на Колесную улицу. Странная эта была улица! Узкая, мощенная булыжником проезжая часть ее примыкала непосредственно к берегу реки Сорг. Течение реки приводило во вращение колеса многочисленных ситценабивных и красильных фабрик.

Ради праздника в этот день фабрики не работали. Улица была разукрашена полотнищами самой причудливой раскраски. Красные, желтые, синие, зеленые, цветистые ткани развевались на шестах, свисали с протянутых между домами веревок, словно гирлянды разноцветных флагов. Морозный ветер шевелил полотнища, лучи заходящего солнца играли на них, и улица сверкала и переливалась всеми цветами радуги.

Блеск ярких красок, пение и крики возбуждённой толпы, уносившей меня, как вихрь уносит сухой лист, бешеный ритм тамбуринов, пронзительный свист дудок, журчание реки, монотонный скрип фабричных колес – все это сливалось в какой-то немолчный гул, от которого у меня кружилась голова.

В тесных городских улицах толпа сбилась в плотную кучу, и танцорам уже не было прежнего раздолья. Время от времени какой-нибудь неугомонный плясун пытался снова попасть в такт рокочущим тамбуринам и устало хрипевшим дудкам, но фарандолы не получалось.

Так шествовали мы, сбившись в тесную кучу, вдоль всей улицы Красильщиков, вдоль улицы Вязальщиков, вдоль Красной улицы, пока не вышли на площадь Башенных часов, перед городской ратушей. На просторе площади толпа рассеялась во все стороны, и снова в бешеной фарандоле закружились пузатые купцы и бородатые капуцины, три монашенки и солдаты, священники и базарные торговки, прачки и нарядные дамы, ремесленники и оборванцы. Весь Авиньон плясал фарандолу.

Большой барабан вторил тамбуринам, отбивая такт пляски. Гул пушечных салютов смешивался с неумолкающими возгласами: «Да здравствует нация!»

От ратуши мы двинулись к Дворцовой площади, где должно было происходить народное пиршество. Посредине площади на особом возвышении уже заняли места три комиссара Национального собрания⁶, прибывшие накануне из Парижа, чтобы провозгласить присоединение Авиньона к Франции. Все окна, балконы, даже крыши были усеяны людьми. Фарандола гигантским кольцом оцепила обе площади – Дворцовую и Башенных часов. Народ посредине этого живого кольца приплясывал и хлопал в ладоши. Раздавались крики: «Да здравствует Франция!», «Да здравствует нация!», «Долой папского легата⁷!»

Но вот комиссары поднялись с мест и знаками стали призывать всех к тишине. Дудки и тамбурины мало-помалу затихли, плясуны разомкнули круг, толпа замолчала. Тогда один из комиссаров прочел декрет Национального собрания, провозглашавший присоединение Авиньона и Венессенского графства к Франции.

И ответ народ снова восторженно закричал: «Да здравствует нация!», «Долой легата!»

Представители Национального собрания обернулись к папскому дворцу и подали знак рабочим, стоявшим между зубцами его башен. Крики мгновенно смолкли, и наступила торжественная тишина. Рабочие – кузнецы и слесари – приблизились к колоколенке, возвышавшейся посредине дворца, и сняли с крюка маленький серебряный колокол, звонивший только в честь пап. Затем они привязали его к длинной веревке и осторожно спустили вниз на площадь.

Глава четвертая БРИГАДИР ВОКЛЕР

⁶ Национальное собрание – речь идет о Национальном законодательном собрании, созданном 1/X 1791 г. и просуществовавшем по 20/IX 1792 г.

⁷ Легат – папский посол. В Авиньоне легат был одновременно и высшей духовной и высшей светской властью.

Спуск колокола означал конец папской власти над Авиньоном. Народ приветствовал этот символический жест восторженными криками. Тамбурины и флейты вновь заиграли, пение и пляски возобновились. В это время на площадь принесли праздничное угощение. Носильщики сгибались под тяжестью корзин, наполненных доверху свежим белым хлебом и тяжелыми горшками с маслинами. Они тащили также корзины с орехами и гроздьями золотистого винограда. Все эти припасы были разложены на помосте. Каждый мог подойти и получить ломоть хлеба, семь маслин, шесть орехов и большую кисть винограда.

Нелегко было пробраться к помосту. Мне едва не отравили все пальцы на ногах. Все же в конце концов я получил свою долю и стал искать местечко, где можно было бы присесть и спокойно полакомиться угощением. На ступеньках дворца я уселся рядом с бравым национальным гвардейцем,⁸ который пришел на празднество с женой и ребенком. Гвардеец потеснился немного, чтобы дать мне место. У него были длинные светлые усы, голубые глаза и розовые щеки, какие редко можно встретить у южан. Вначале он не обращал на меня внимания, но, увидев, что я щелкаю орехи зубами, он не выдержал и вскричал:

– Вот так челюсти! Настоящие клещи!

Сам он колот орехи булыжником.

Я хотел улыбнуться и как-нибудь ответить на эту шутку, но, не найдя слов, покраснел и потупил глаза в землю. Да и не удивительно: этот солдат был так великолепен в своем синем мундире на красной подкладке, на шляпе его красовался такой пышный султан, а длинная изогнутая сабля так сверкала, что всякий на моем месте смутился бы. В эту минуту я ничего не пожалел бы за право назваться его сыном, братом, на худой конец даже просто знакомым!

Внезапно красавец-гвардеец поднялся с места.

– Ага, – сказал он, – уже открывают винные бочки!

Он обернулся к жене; та подала ему манерку. Солдат поглядел на мою фляжку и спросил:

– А твоя наполнена? Если она пуста, давай, я заодно и тебе принесу вина!

Я безмолвно протянул свою фляжку. Гвардеец стал протискиваться в толпе к месту, где раздавали вино. Там была невероятная толчея. У самой стены дворца над головами возвышались шесть огромных бочек. Бочки только что просверлили, и весь народ хлынул к ним. Легко себе представить, что творилось вокруг. Первые несколько мгновений я видел, как национальный гвардеец, работая локтями, прокладывал себе дорогу к бочкам; потом я следил за мелькавшим над толпой красным султаном и, наконец, вовсе потерял его из виду среди моря голов.

Через четверть часа гвардеец вернулся, неся доверху наполненные вином котелок и фляжку. Усы у него были влажны от вина.

⁸ Национальная гвардия – народное войско с выборным начальством, возникшее стихийно в начале революционных событий 1789 г.

В 1791 г. доступ в Национальную гвардию был ограничен гражданами, обладавшими избирательными правами по конституции 1791 г. Дальнейшее углубление революции не дало, однако, буржуазии возможности устранить из Национальной гвардии демократические элементы.

– Отец! – вскричал мальчуган, завидев отца. – Я хочу еще винограда.

– Винограда больше нет, хочешь, выпей глоток вина?

– Нет, я хочу винограда.

– Да ведь тебе говорят, нет винограда.

– Выпей вина, мое сокровище, – уговаривала мальчика мать, поднося к его рту полный котелок. – Оно вкусное.

– Нет, я хочу винограда.

Я не успел еще съесть свою порцию винограда. Протянув ее ребенку, я сказал:

– Возьми, ешь.

И снова почувствовал, что краснею до ушей.

– Это очень мило с твоей стороны, – сказала мне мать.

– О, – сказал национальный гвардеец, – вы оба потакаете этому маленькому лакомке. Не надо его баловать!

– Позвольте ему съесть этот виноград, – попросил я. – Он славный малыш.

– Ладно, только пусть он поблагодарит тебя.

И, возвращая мне фляжку, гвардеец добавил:

– Ты как будто не здешний, паренек? Откуда ты?

– Я из Мальмора.

– А что ты делаешь здесь?

– Я не знаю... Мне дали письмо к канонику Жоссерану, который должен помочь мне устроиться на работу. Если бы вы могли указать, где находится его дом...

Солдат нахмурил брови и сурово взглянул на меня. Он повторил:

– Письмо к канонику Жоссерану? Значит, ты аристократ, папист?

– Я? Я не знаю. Нет, я не папист.

– Тогда зачем же тебе нужен каноник Жоссеран?

– Мне сказали, что он устроит меня на работу.

– Ты, что же, не знаешь, что каноники – это аристократы и что они дают работу только папистам! Впрочем, ты ничем не рискуешь, если сходишь к нему. Но так как ты славный парень, вот что я тебе предложу: если случится так, что тебя не очень-то ласково встретят, разыщи меня в кордегардии⁹ при городской ратуше, на площади Башенных часов; я найду для тебя местечко в Национальной гвардии. Ты будешь служить у меня в батальоне. Сколько тебе лет?

– Должно быть, шестнадцать.

На всякий случай, я прибавил себе целый год.

– Очень хорошо, что тебе уже шестнадцать лет. Мы сможем принять тебя на

⁹ Кордегардия – помещение для военного караула.

службу. Итак, это решено, не правда ли? А теперь я расскажу тебе, как найти дом каноника. Ты спустишься вот по этой улочке и повернешь налево; там, на углу, ты увидишь дом с балконом, в этом доме и живет каноник Жоссеран.

Солдат обернулся к своей жене, и я успел заметить, как он лукаво подмигнул ей. Молодая женщина, улыбаясь, подошла и, отколов от своего чепчика трехцветную кокарду¹⁰, протянула ее мне.

– Ты добрый патриот, – сказала она, – и так как ты ненавидишь папистов, я дарю тебе свою кокарду.

И она приколола трехцветную ленточку к моей шляпе.

– Мальчик, видно, смысленый, – добавила она, обращаясь к мужу. – Из него выйдет славный национальный гвардеец!

Солдат похлопал меня по плечу.

– А ну-ка, – сказал он, – крикнем вместе: «Да здравствует нация! Долой папского легата!»

Мы закричали в один голос:

– Да здравствует нация! Долой папского легата!

– А теперь ступай к своему канонику, да не забудь, что я тебе сказал. Ты знаешь, где меня найти? Спросишь бригадира Воклера...

– Спасибо, я ничего не забуду, поверьте мне.

И я удалился, сам не понимая, отчего так бьется у меня сердце: от радости или от страха.

Мне стоило большого труда пересечь Дворцовую площадь и прорваться через цепь танцующих фарандолу. Но когда я добрался до указанной Воклером улочки, меня уже никто не толкал. Навстречу мне попала одна лишь кошка, переходившая через дорогу. Это был аристократический квартал. Все двери и ставни здесь были на запоре. Однако, из-за плотно закрытых ставней доносились звуки голосов, и слышно было, как молились женщины.

Наконец, я увидел на правой стороне дом с балконом. Я постучал. Окошечко над дверью открылось, но едва я успел поднять голову, как его уже снова захлопнули. Вслед за этим где-то в глубине дома захлопали двери, потом раздались шаркающие шаги, заскрипели засовы, ключ два раза повернулся в замке, щеколда поднялась, и дверь слегка приоткрылась.

– Кто вам нужен?

– Господин каноник Жоссеран.

Дверь открылась шире. Но едва я успел ступить на порог, как сморщенная старуха, открывшая дверь, пронзительно завизжала:

¹⁰ Трехцветный (синий, белый и красный) флаг стал национальным флагом Франции с октября 1789 г. Желая подчеркнуть свое «примирение» с народом, Людовик XVI присоединил к белому цвету королевского знамени синий и красный цвета – цвета герба города Парижа и третьего сословия.

Трехцветная кокарда стала внешним отличием революционера. Странники же восстановления неограниченной власти короля (роялисты) носили белые кокарды.

– Помогите! Иисус! Мария! Разбойник забрался к нам! Бандит! Помогите, люди добрые!

Ни на секунду не переставая вопить, эта ведьма сорвала кокарду с моей шляпы и разодрала ее в клочки своими крючковатыми пальцами. Она плюнула на мою шляпу и швырнула ее на мостовую, а кусочки кокарды стала топтать ногами, приподняв края юбки, словно ей грозил скорпион.

В конце концов старуха вытолкала меня на улицу, убежала в дом и с шумом захлопнула дверь перед самым моим носом.

Ошеломленный и растерянный, я нагнулся, чтобы поднять шляпу с мостовой. Я так и не понял, что вызвало этот внезапный взрыв бешенства.

Между тем окна в соседних домах открылись, и из них слышались женские крики:

– Разбойник! В Рону его! В Рону!

Я недоуменно оглядывался, ища глазами разбойника, как вдруг в меня со всех сторон полетели цветочные горшки, куски штукатурки, булыжники, черепицы.

Не раздумывая больше, я бросился бежать и остановился только тогда, когда странная улица осталась далеко позади.

Я грустно поплелся на Дворцовую площадь, едва не плача от досады. Я никому не причинил зла, а между тем меня вышвырнули на улицу и побили камнями. За что? Что я сделал этой женщине в доме каноника? Почему она закричала, что я разбойник? Почему содрала с меня кокарду? Тщетно я искал ответа на эти вопросы.

Мне стало еще тяжелее при взгляде на пляшущую фарандолу толпу. У всех этих людей был кров, всех ждала постель! Только один я не знал, где проведу ночь. Видно, я родился неудачником... Что же будет со мной дальше?

Наступил уже вечер. Дворцовая площадь постепенно пустела. Никто не плясал больше фарандолы, и только откуда-то издали доносились еще звуки тамбурина. Мимо меня прошла монашенка об руку с двумя солдатами. Несколько пьяниц еще теснились у опустевших бочек, выцеживая из них последние капли вина.

Я спустился на площадь Башенных часов. Там также царил мрак. С наступлением ночи поднялся сильный ветер. Поеживаясь от холода, люди торопливо расходились по домам.

Я бродил по улицам, не решаясь спросить, где казарма Национальной гвардии. Мне стыдно было показаться Воклеру без подаренной его женой кокарды. Но никого другого в Авиньоне я не знал, и, кроме того, Воклер сам сказал, чтобы я разыскал его, если меня постигнет неудача у каноника.

Я стал вглядываться в освещенные окна домов в надежде увидеть знакомую фигуру национального гвардейца, как вдруг неожиданно для себя вышел к самой ратуше. Я долго стоял у подъезда, не осмелившись зайти в дверь, покамест привратник не подошел ко мне и не спросил:

– Что ты здесь делаешь? Кто тебе нужен?

– Я ищу господина Воклера. Он здесь?

– Здесь нет никаких господ! Слышишь ты, отродье аристократов?

Привратник вцепился, как клещами, в мое плечо и поволок меня к двери крича:

– Бригадир Воклер! Эй, бригадир Воклер!

Застекленная дверь дома открылась, и я увидел моего бравого национального гвардейца без шляпы, с трубкой в зубах.

– Что случилось?

– Да вот, – сказал привратник, – знаете ли вы этого плута? По-моему, это шпион аристократов. Он спрашивал господина Воклера.

– О! Да это ты, малыш! Поздно же ты пришел, однако! – воскликнул Воклер. – Видно, каноник неласково тебя встретил? Что ж, тебе будет гораздо лучше с нами. Ступай за мной, мы тебя живо завербуем, и да здравствует нация!

Воклер повел меня в дом. Привратник неохотно пропустил нас и подозрительно глядел мне вслед.

Но мы уже вошли в кордегардию. Это была длинная и узкая комната. Посредине ее помещалась пышущая жаром печь. По стенам были расставлены лавки, на них, покуривая трубки, разлеглись национальные гвардейцы. С потолка свешивался кинкет¹¹ под зеленым абажуром. В глубине комнаты на походную кровать были свалены в кучу ружья и сабли; стены кордегардии были испещрены какими-то надписями (не зная грамоты, я не мог прочитать их) и рисунками углем, изображавшими кавалеристов на конях, пехотинцев на карауле, артиллеристов у пушек и т. д. Помещение было жарко натоплено, и табачный дым в нем висел густым облаком.

Направо от входа стоял маленький стол; у стола, опустив голову на руки, спал какой-то гвардеец.

Воклер сказал:

– Товарищи, я привел к вам нового защитника революции. Мы примем его в наш батальон. Согласен, дружок?

Сняв шапку и выпрямившись во весь рост, я крикнул:

– Да здравствует нация! Свобода или смерть!

И национальные гвардейцы повторили за мной:

– Свобода или смерть!

Крики разбудили дремавшего гвардейца. Он заворочался на стуле, протирая глаза.

– Кто там пришел? Что случилось?

– Это наш новый доброволец, – сказал ему Воклер. – Надо записать его в список нашего батальона.

Гвардеец обернулся ко мне.

– Гражданин, как тебя зовут?

¹¹ Кинкет – масляная лампа (название произошло от фамилии фабриканта ламп).

– Паскале, сын Паскаля.

– Где ты родился?

– В деревне Мальмор, графство Венессен.

– Отлично! Подпиши теперь свое имя.

Я потупился. Мне стыдно было признаться, что я не умею ни читать, ни писать.

– Ничего, – утешил Воклер, пожимая мне руку. – Ничего, что ты не умеешь писать черными чернилами, мы скоро научим тебя писать красными. Где сержант Бериго?

– Здесь, бригадир!

– Бериго, отведите новобранца к каптенармусу; надо поглядеть, какой у него будет вид в форме национального гвардейца.

Один из лежавших на лавках гвардейцев поднялся, выколотил трубку, засветил у печки фонарь и сделал мне знак следовать за собой.

По узкой и крутой лесенке мы взобрались на самую верхушку старинной башни и пришли в большую квадратную комнату, сверху донизу набитую солдатской одеждой и амуницией. Повсюду были разложены шапки, ружья, сабли, мундиры.

Сержант смерил меня взглядом и стал перебирать ворох одежды, лежавшей на полу. Наконец, он вытащил один мундир и подал его мне со словами:

– Кажется, как раз будет тебе по росту. Примерь-ка...

Мундир был поношенный, но какое это могло иметь значение? Он был сшит из темно-зеленого сукна. Широкий красный воротник и большие золотые пуговицы заставили меня тотчас же забыть и про длинные фалды доходившие чуть не до пят, и про необъятную ширину мундира. Я только подвернул слишком длинные рукава красной подкладкой наружу, и вышли отличные обшлага такого же цвета, как воротник.

Таким образом с одеждой дело было быстро покончено. Но шапка! Вот с ней-то пришлось порядком повозиться. Я перемерил штук двадцать-тридцать, но все они упорно лезли мне на глаза. Наконец, сержант Бериго потерял терпение.

– Бери этот красный колпак! – воскликнул он. – Будет копать-то!

Я послушно надел колпак, верхушка которого свисала чуть не до плеча, и приколот к нему большую трехцветную кокарду.

Сержант дал мне также голубые штаны и пару белых гетр, сказав:

– Это не нужно мерить: брюки и гетры всегда всем впору... Теперь остается только выбрать ружье и саблю, этого добра у нас много!

Выбрать! Легко сказать – выбрать. Я взял первое подвернувшееся мне под руку ружье. Но сабли здесь были только короткие и кривые, а мне так хотелось найти длинную изогнутую саблю, такую, как у бригадира Воклера.

Видя, что я до завтра готов ворошить кучу оружия, сержант сказал:

– Разве ты не видишь, что все сабли похожи одна на другую, как горошины в одном стручке? Всякая из них станет острее бритвы, когда поточишь ее. Бери любую,

и идем отсюда! Ну, живей!

Я смутился и взял первую попавшуюся саблю. Бериго запер дверь, и мы пошли обратно в кордегардию.

Нагруженный до отказа амуницией, я раз двадцать споткнулся во время спуска по узкой лесенке: то ружье задевало за стену, то сабля путалась в ногах.

В кордегардии меня тотчас же окружили гвардейцы. Каждый считал своим долгом высказать свое мнение.

– Колпак ловко сидит на нем! – заметил один.

– Да, а вот в мундире-то, пожалуй, вторая фалда лишняя: он мог бы закутаться весь в первую! – сказал другой.

– Не беда, – ответил Воклер, заметив мое огорчение, – было бы из чего кроить! Ты пойдешь ко мне ночевать, Паскале, и за ночь жена приведет все это в порядок. Завтра я научу тебя владеть ружьем и саблей, и... да здравствует нация! А теперь ступай спать, должно быть, ты очень устал.

Воклер снова навьючил мне на плечи ружье, саблю, гетры, – словом, всю мою амуницию, и мы вышли из ратуши. Мы долго шагали по темным улочкам, пока не дошли до чистенького домика на углу площади и улицы Палафарнери. В окнах домика не было света. Воклер крикнул:

– Лазули, Лазули!

Никто не ответил.

– Зайдем, – сказал Воклер, – жена, должно быть, еще в клубе.

Мы поднялись на второй этаж по крутой винтовой лесенке. Я ощупью находил дорогу в темноте, спотыкаясь на каждой ступеньке и задевая ружьем за стену. Наконец, мы попали в маленькую комнату, служившую одновременно кухней.

Воклер не без труда разжег светильник. Он разыскал в углу фитиль из пеньки, обмакнул его в горшок с серой, потом высек искру из кремня, зажег трут и, раздув огонек, окунул фитиль в блюдце с маслом. При этом он все время ворчал на отсутствующую жену, которой-де давно пора было вернуться из клуба.

– Скажи хоть ты, Паскале, бабье ли это дело? Кажется, мы, мужчины, достаточно сильны, чтобы и без помощи жен защитить свободу и революцию.

Направ на свою любимую тему, Воклер совершенно позабыл про Лазули.

Он горячо продолжал говорить:

– Франции нужна республика, народ мечтает о ней, и республика у нас будет! А этому предателю Капету¹² мы докажем, что долгие обманывать народ ему не удастся! Кто теперь поверит, что, когда Капета задержали на границе, он хотел выехать из Франции, чтобы завербовать нам союзников¹³? Знаем мы этих союзников!

¹² Капет – имя родоначальника королевского дома Капетингов – Бурбонов, к которому принадлежал Людовик XVI. Презрительная кличка «Капет», данная королю народом после революции 1789 г., была официально закреплена за ним при свержении королевской власти (Людовик был судим и казнен под именем Людовика Капета).

¹³ В июне 1791 г. Людовик XVI пытался тайно уехать с семьей за границу, чтобы оттуда вернуться во Францию во главе иностранных армий и подавить революцию. В местечке Сен-Менсиль король случайно выглянул из окна кареты и

Просто он хотел стать во главе врагов нации! Этого проклятого короля следует укоротить... на голову. И если парижане побоятся сделать это, что ж, мы, патриоты-южане, сами пойдем в Париж и схватим тирана за горло! А гордую Австриячку¹⁴ прокатим на осле по всему Парижу лицом к хвосту! И приспешников Капета – баронов, графов, князей и прочую шваль – никого не забудем, каждый получит свое!

Не переставая говорить, Воклер хлопотал, накрывая стол к ужину. Он поставил блюдо с жарким, которое вытащил из теплой еще печи, кувшин с вином и три тарелки. Убедившись, что сын спокойно спит в соседней комнатухе, Воклер сказал мне:

– Не стоит дожидаться жены, садись и ешь, а после ужина сейчас же ложись спать. Завтра мы встанем раненько утром...

Но едва мы сели за стол, как пришла Лазули.

– Не сердись на меня, голубчик Воклер... Я возвращаюсь из клуба. Если бы ты знал, что там произошло!

– А что! – с интересом спросил Воклер.

Но в этот момент Лазули заметила меня.

– А, вот как! Да у тебя здесь товарищ! Уж не тот ли это маленький горец, что сидел с нами на Дворцовой площади? Какой славный национальный гвардеец! Только мундир слишком широк для него. Ну, не беда, мы это живо поправим. Что ж ты стоишь, дружок? Ты у себя дома! Кушай, а я расскажу вам обо всех событиях.

– Рассказывай, Лазули! – сказал Воклер, нарезая нам по ломтю хлеба и накладывая на тарелки жаркое. – Рассказывай же скорее, что там такое случилось.

– Ничего хорошего. Нам прочли в клубе письмо патриота Барбару¹⁵ марсельским федератам. В нем говорится о том, что в Париже контрреволюционеры подняли голову, что король не разрешает собраться в столице батальонам федератов¹⁶ из провинции. Барбару пишет, что парижане, того и гляди, изменят и снова примкнут к партии короля, а тогда погибла наша революция! Он пишет еще, что Национальная гвардия в Париже совершенно разложилась, что ей нельзя доверять ни на грош и что необходимо красным южанам – горцам, санкюлотам¹⁷, федератам – вооружиться и

был узан (по сходству профиля с рельефным портретом, выбитым на золотых монетах) почтмейстером Друэ. Патриот Друэ поскакал кратчайшей дорогой в городок Варенн и там ударил в набат. Прибывший через некоторое время в Варенн король был здесь задержан и возвращен в Париж под конвоем.

¹⁴ Австриячка – так называли в народе жену Людовика XVI, королеву Марию-Антуанетту, дочь австрийского императора Франца I.

¹⁵ Барбару Шарль-Жан-Мари (1767–1794) – деятель французской буржуазной революции. Будучи сыном богатого марсельского купца, он был в 1792 г. послан в Законодательное собрание со специальным мандатом города Марселя. В Париже Барбару сделался одним из видных деятелей партии торгово-промышленной буржуазии, получившей позднее название жирондистов. Как активный деятель жирондистской контрреволюции Барбару был казнен 25 июня 1794 г.

¹⁶ Федераты – так называли себя во время Французской революции добровольцы отправлявшиеся на фронт революционных войн. Федераты были сторонниками объединения Франции на основе революционного братства коммун (федераций) вместо существовавшей до революции системы разделения Франции на провинции, подчиненные власти короля.

¹⁷ Санкюлоты – название крайних революционеров, применявшееся к наиболее активным элементам городской

двинуться на Париж с лозунгом: «Свобода или смерть!»

Пока Лазули рассказывала, Воклер трижды до краев наполнял вином мой стакан.

Услышав слова «Свобода или смерть!», я вскочил с места и, размахивая ножом, закричал:

– Свобода или смерть! Патриот Барбару прав! Я за красных южан, за санкюлотов, за федератов! И я пойду в Париж! Я должен отомстить д'Амброну, который стегал кнутом моего отца и чуть не убил меня самого! Этот аристократ отправился в Париж, на защиту короля? Ничего, мы тоже пойдем туда! И у меня теперь есть ружье! Свобода или смерть!

– Bravo, bravo! – воскликнул Воклер. – Из тебя выйдет хороший патриот, Паскале!

Не помню хорошо, что было дальше. Кажется, мы пели старинные провансальские песни и, взявшись за руки, плясали вокруг стола бешеную фарандолу.

Потом Лазули отвела меня в соседнюю комнату и уложила на постель рядом с своим сыном. Не успел я опустить голову на подушку, как заснул мертвым сном.

Глава пятая МАРСЕЛЬСКИЙ БАТАЛЬОН

Спал я, как убитый. Однако, едва лишь забрезжила заря и бледный рассвет заглянул в окно маленькой комнаты, я открыл глаза.

Первой моей мыслью было, что все события вчерашнего дня не что иное, как сон. Но, оглядевшись, увидев незнакомую комнату, я понял, что это были не грезы, а действительность.

Дверь в кухню была приоткрыта; я увидел там Лазули за работой. Она держала на

бедноты. Это слово происходит от двух французских слов: sans (без) и culotte (короткие, доходящие до колен штаны). Короткие штаны – кюлот – обычно носили аристократы и крупная буржуазия. Беднейшие же мелкие буржуа и полупролетарии – санкюлоты – носили длинные, до пят, штаны.

коленях мой мундир и перешивала его. Блестящая длинная игла так и мелькала у нее в руках.

Воклер, сидя рядом с женой, возился с моим ружьем: он менял в нем кремень. Муж и жена, видимо, старались производить как можно меньше шума, чтобы не разбудить меня. От времени до времени Лазули показывала мужу складку, сделанную ею на обшлаге рукава или на полах мундира, и Воклер одобрительно кивал головой, как бы говоря: «Да, да, так будет в самую пору». И Лазули снова бралась за шитье.

Из робости я долго не решался дать понять этим добрым людям, что я уже не сплю.

Наконец, я кашлянул.

– Пойди погляди, не проснулся ли он, – сказала мужу Лазули.

Воклер на цыпочках подошел к двери комнатухи, где я спал, и, заглянув в нее, увидел, что я лежу с широко открытыми глазами.

– Ах, ты, маленький плут, – сказал он, – да ты уже не спишь! Хочешь встать и примерить мундир?

Хочу ли я?! Одним прыжком я вскочил на ноги.

Едва успев натянуть мундир, я объявил, что он сидит на мне, как кольцо на пальце.

Лазули, улыбаясь, вертела меня во все стороны и рукой приглаживала складки.

– Не жмет ли подмышками? – спросила Лазули.

– Нет, нет, уверяю вас, – повторял я, боясь, как бы она не заставила меня снять мундир.

Воклер протянул мне желтую перевязь с саблей. Затем торжественно принес и водрузил мне на голову красный колпак с трехцветной кокардой. Отойдя на шаг назад, чтобы полюбоваться результатами своей работы, он всплеснул руками и воскликнул:

– Вот теперь ты настоящий санкюлот, Паскале! Такому не стыдно показаться и в Париже!

Опорожняя карманы старой куртки, я нашел письмо господина Рандуле к канонику Жоссерану. Вспомнив прием, оказанный мне его служанкой, я разорвал это письмо на мелкие клочки.

Три новеньких, блестящих экю, подаренных мне мальморским кюре, я побоялся оставить при себе. Я отдал деньги Лазули.

– Сохраните их для меня, – сказал я ей.

Лазули заперла деньги в сундук, где хранились все ее сокровища.

– Когда тебе понадобятся деньги, скажи мне, и ты тотчас же их получишь, – сказала мне добрая женщина.

С этого дня я обрел свой дом.

Обучившись военному строю и обращению с оружием, я вместе с другими федератами теперь ежедневно нес караул то у входа в папский дворец, то у дверей

городской ратуши, то у переправы через Рону, то, наконец, у телеграфа¹⁸, высившегося на скале над рекой. Телеграф я мог разглядывать часами, разинув от изумления рот. Каждый раз я находил что-то новое и интересное в двух черных планках. Они то переплетались между собой, то расходились в разные стороны, вытягиваясь в одну прямую, то снова складывались, словно гигантская бритва.

Мы несли караул днем и ночью, в любую погоду – в дождь и в снег, на ветру и под палящим солнцем.

Чего я только не насмотрелся за эти дни! Сколько было горя и радостей, побед и поражений, трудов и празднеств – не перечить! А что творилось вокруг! Звуки церковных псалмов переплетались с бодрыми народными песнями, погребальные процессии – с вихрем бешеной фарандолы. Я видел сверкание поднятых ножей и горячие объятия, убийства из-за угла и самоотверженную дружбу.

То одна, то другая сторона брала верх. Сегодня победителями были красные, добрые патриоты, завтра – белые, приспешники аристократов, и нам всегда приходилось быть настороже.

По деревням непрерывно звучали колокола набата.

Но когда бы мы ни возвращались в казарму, днем ли, ночью ли, с учения или с караула, с праздника или с побоища, каждого из нас ждал дневной рацион – полфляжки вина и три унции сухарей. Таким образом все время мы были сыты. По вечерам, если мы не были заняты в карауле, мы проводили вечера в клубе.

Было бы утомительным и скучным передавать со всеми подробностями все, что я видел и делал за эти пять-шесть месяцев пребывания в Авиньоне.

Перейду поэтому прямо к рассказу о том, как Воклер и я поступили в батальон марсельских федератов и вместе с ними предприняли поход на Париж.

Вот как это случилось.

В конце июня, в самый разгар жатвы, я стоял на часах у переправы через Рону. В воздухе с шумом носилось бесчисленное множество стрекоз. Я старался поймать одну из них для маленького Кларе, сына Лазули, как вдруг услышал звуки набата, доносившиеся с колокольни церкви св. Августина.

В этот момент я увидел бледного, насмерть перепуганного человека, который бежал со всех ног и кричал:

– Прячьтесь! Запирайте окна и двери! Мы погибли! Пришли марсельские разбойники! Это банда каторжников и убийц!

Среди прачек, стиравших белье в Роне, поднялся отчаянный переполох. Они побросали где попало белье, веревки, передники, лохани, корзины и, как стайка испуганных воробьев, рассеялись по улицам и переулкам. В течение нескольких минут во всех кварталах, прилегающих к Роне, слышен был лишь скрип задвигаемых засовов да скрежет ключей, поворачивающихся в замках.

¹⁸ Во время Французской революции получил широкое распространение известный еще в древности так называемый оптический телеграф, конечно, не имеющий ничего общего с современным, электрическим. Сигналы передавались при посредстве подвижных планок, установленных на столбах или на высоких местах.

Между тем с противоположного берега Роны доносились радостные звуки песни, веселые восклицания, аплодисменты, дробь тамбуринов и топот ног, пляшущих фарандолу.

«Что же там происходит? Надо взглянуть», – сказал я себе. Сказано – сделано. Раз! Два! Ружье на плечо! Шагом марш! И я побежал к зданию кордегардии, к ратуше, на площадь Башенных часов.

Какое оживление, какой шум! Под палящими лучами солнца на площади собралась огромная толпа. У двери ратуши Воклер выстраивает в шеренги национальных гвардейцев, сбежавшихся сюда на шум набата. Они полуодеты, шапки болтаются на головах, но каждый гвардеец держит в руках ружье и саблю. Люди одеваются на ходу, за многими бегут жены, нагруженные забытой впопыхах амуницией...

Никто толком не понимает, что же собственно происходит. Одни говорят:

– Это белые из Карпантра, сторонники папы и короля...

Другие отвечают:

– Нет, это крестьяне из Гадань, которые восстали против своего господина, взяли его в плен и привели сюда с собой...

Я слышал все эти разговоры в толпе и не знал, кому верить.

Воклер встретил меня криком:

– Что же ты мешкаешь, Паскале? Занимай свое место в рядах, да поживее!

– Что случилось? – спросил я его, поспешно становясь в строй.

– Что случилось? А то, что король Франции – изменник.

И, обернувшись лицом к толпе, Воклер поднял саблю и крикнул:

– Слышите, король – изменник!

Затем, обращаясь к национальным гвардейцам, он добавил:

– Батальон марсельских федератов, идущий в Париж, сейчас прибудет в Авиньон. Мы пойдем навстречу этим добрым патриотам. Да здравствуют храбрые федераты! Да здравствует нация!

– Да здравствует нация! – в один голос ответили гвардейцы.

– Да здравствует нация! – подхватила толпа.

Выстроившись в правильные ряды, наш отряд по команде Воклера тронулся с места и зашагал навстречу марсельцам.

Мужчины, женщины, дети, юноши и старики толпой провожали нас. По меньшей мере десятитысячная толпа запрудила улицу. Наш отряд, возглавлявший шествие, вступил в узкие улочки Вязальщиков и Колесную. Что тут творилось, трудно передать словами.

В воздухе переплетались звуки песен с криками: «Да здравствуют марсельцы!»

Оборачиваясь назад, я видел тысячи открытых ртов, взволнованных лиц, возбужденно горящих глаз.

Когда весь людской поток вылился, наконец, через Лимберские ворота, мы уже успели выстроиться в две шеренги на городском валу, чтобы с почетом встретить марсельский батальон.

Почти тотчас же послышались крики:

– Они идут! Они идут!

Вскоре на повороте дороги показались два человека в шляпах с красными султанами; это были майор Муассон и капитан Гарнье.

Завидев нас, они выхватили из ножен свои длинные изогнутые сабли, отсалютовали и, обернувшись лицом к следовавшему за ними батальону, крикнули:

– Да здравствует нация!

И в ответ им федераты грянули хором:

Вперед, вперед, сыны отчизны,
Для нас день славы наступил!
Против нас тиранов стая
С кровавым знаменем идет!

Мы сделали на-караул. Марсельские федераты прошли перед нашим строем, не переставая петь. Мы впервые услышали боевую песню марсельских батальонов, и слова ее потрясли нас до глубины души.

Какое волнующее зрелище представляли эти пятьсот человек! Все, как один, черные, опаленные солнцем; глаза у них сверкали, словно раскаленные уголья, из-под посеревших от дорожной пыли густых бровей. Одни в треуголках с красным плюмажем, другие в красных колпаках с трехцветными кокардами, но на всех зеленые мундиры на красной подкладке и с красными отворотами, такие же, как у меня. И у каждого к дулу ружья прикреплена ветка тополя или ивы для защиты от палящих лучей солнца.

Нельзя было без дрожи и волнения глядеть на эти мужественные лица, на эти широко раскрытые белозубые рты, из которых вырывался пламенный припев «Марсельезы»¹⁹:

К оружию, граждане! Равняйся, батальон!
Марш, марш вперед, чтоб кровью их
Был след наш напоен!

¹⁹ «Марсельеза» – сочинена саперным капитаном Руже де Лилем. Свое название получила от марсельских федератов, впервые пропевших ее на улицах Парижа 30 июля 1792 г. «Марсельеза» является национальным гимном французской республики. Перевод марсельезы М. А. Гершензона.

Два барабанщика бьют сигнал: «В атаку!» Мерная тяжелая поступь тысячи ног вторит барабанной дробь. Батальон проходит мимо потрясенной толпы и исчезает под темным сводом Лимберских ворот.

В арьергарде четыре человека волокут телегу с пушкой. Несмазанные колеса скрипят. Металл лязгает и гудит на ухабах дороги. Люди изнемогают, по их пыльным лицам грязными ручьями стекает пот.

За первой пушкой следует вторая, а дальше еще одна телега. На ней большой котел, горн, кузнечные мехи, щипцы, клещи, огромные молотки и мешки с глиной для отливки форм. Это походная кузница, которая льет ядра для пушек.

В эту телегу также впряжены четыре человека. Перегнувшись надвое, чуть не касаясь руками булыжников мостовой, спотыкаясь на каждом шагу, они с огромным трудом волокут свой тяжелый груз. Но, проходя мимо нас, люди выпрямляются, разом поднимают головы и прерывающимся от усталости хриплым голосом кричат:

– Да здравствует нация!

Салютуя им в ответ саблей, я, Паскале, пятнадцатилетий деревенский парень, не мог удержать слез. И мне не было стыдно, потому что плакали все мои товарищи, плакала вся многотысячная толпа.

Когда телеги с пушками и походной кузницей въехали в Лимберские ворота, мы вскинули ружья на плечо и двинулись вслед за батальоном марсельских федератов.

Впереди колонны два барабанщика по-прежнему били дробь атаки, марсельцы, не переставая, пели свою боевую песню, и мы все вместе подхватывали уже ставший нам знакомым припев:

К оружию, граждане! Равняйся, батальон!

Марш, марш вперед, чтоб кровью их

Был след наш напоен!

Мы миновали Колесную улицу, пересекли Торговую площадь и площадь Башенных часов, прошли мимо стен папского дворца и подходили уже к углу улицы Бонастри, на которой помещался клуб авиньонских патриотов. Но тут колонна вдруг остановилась.

Воклер, я и еще несколько человек поспешили вперед, чтобы узнать, что случилось, и помочь восстановить порядок.

Вот что задержало колонну: один из марсельских федератов нес на пике вместо флага плакат, на котором красными буквами был написан текст «Декларации прав человека и гражданина»²⁰. Всех, кто недостаточно быстро снимал шапку или просто

²⁰ «Декларация прав человека и гражданина» были приняты Национальным Собранием 26/VIII 1789 г. и включена в Конституцию 1791 г. В «Декларации» провозглашается, что источником верховной власти является нация. Этим отвергается принцип неограниченной королевской власти и авторитета католической церкви. В основу политического и социального строя «Декларация» кладет принципы священной собственности, свободы личности и равенства перед законом. Эти основы буржуазного порядка провозглашаются в качестве «естественных» и неотчуждаемых прав человека. Декларация была актом революционной буржуазии в ее борьбе с феодальным строем.

косо на него смотрел, марселец заставлял целовать плакат.

На углу улицы св. Екатерины этот патриот заметил старого каноника, возвращавшегося домой из своего прихода. Увидев «Декларацию», каноник отвернулся, лицо его сморщила гримаса, и он с отвращением плюнул в сторону плаката.

Марселец, взбешенный таким поступком, схватил оскорбителя за шиворот, бросил его на мостовую и, поднеся плакат к самым его губам, потребовал, чтобы каноник поцеловал «Декларацию». Но священник брезгливо отворачивал свое сморщенное лицо, а сопровождавшая его старая служанка, завизжав, бросилась на федерата.

Толпа закричала:

– В Рону паписта! В Рону врага народа!

Мы подошли как раз в тот момент, когда марселец сунул тощего каноника себе подмышку и понес его, не обращая внимания на то, что тот барахтался в воздухе и извивался, как лягушка в клюве у цапли.

Батальон снова пошел вперед с пением «Марсельезы». Во главе шагал тот же федерат с плакатом в одной руке и брыкающимся священником в другой. За ним, путаясь в длинных юбках и изрыгая проклятия, бежала старая служанка.

Я узнал в ней ту самую ведьму, которая сорвала с меня трехцветную кокарду в день моего прихода в Авиньон. Следовательно, сморщенный старичок-священник и был тем самым каноником Жоссераном, к которому меня направил добрый мальморский кюре! Я был немало удивлен такой странной встречей.

Наконец, мы пришли в клуб патриотов, помещавшийся в часовне монастыря капуцинов. Федерат швырнул каноника на ступеньки главного алтаря, в глубине часовни, а сам вместе с Воклером уселся на алтаре, свесив ноги вниз. Мы, национальные гвардейцы, и несколько авиньонских жителей окружили его тесным кольцом.

В дверях часовни была невероятная давка – каждый хотел пробраться внутрь. От барабанного боя, криков, пения, возгласов тесная часовня вся дрожала от фундамента до черепиц на крыше. Но сквозь этот оглушительный шум, не умолкая, звучал припев «Марсельезы»:

К оружию, граждане! Равняйся, батальон!

Марш, марш вперед, чтоб кровью их

Был след наш напоен!

Федерат, который нес плакат с «Декларацией прав человека», встал во весь рост на алтаре. Это был высокий и худой человек, с густыми темными бровями и всклокоченной бородой. Он был одет в такой же, как у меня, зеленый с красными отворотами мундир и в короткие штаны, не доходившие до колен и оставлявшие ноги голыми. Сняв треуголку с огромным султаном, он напялил ее на лысую голову каноника Жоссерана, который сидел на ступеньках алтаря, едва живой от страха.

Потом, вытерев рукавом мундира пот со лба, он сделал знак, что сейчас начнет читать «Декларацию». Барабаны умолкли, постепенно воцарилась мертвая тишина, и федерат стал переводить на наш язык²¹ основной закон революции.

– Да здравствует нация! – закончил свое чтение федерат.

– Да здравствует революция! Да здравствуют марсельцы! – кричала толпа, бурно аплодируя.

Федерат сошел с алтаря, снова схватил каноника за шиворот и силой прижал его губы к плакату. Но злобный старик, едва лишь марселец его отпустил, плюнул на плакат. Тогда взбешенный патриот поддал ему такого пинка в зад, что каноник в мгновение ока перелетел из алтаря прямо в толпу. Там он закружился, как волчок, то взлетая над головами, то исчезая в массе людей; при этом его отбрасывали все дальше и дальше от алтаря. Так продолжалось до тех пор, пока его не вышвырнули в открытую дверь. Полумертвый от страха, он покатился по мостовой на самую середину площади.

В клубе между тем никто уже и не думал о канонике. Воклер в свою очередь взобрался на алтарь и прочитал указ папского легата, чтобы народ лучше понял, какие неопределимые блага принесла ему революция:

«Всякий, кто не заплатит податей, будет отправлен на галеры.

За ношение ножа или пистолета простолюдины будут предаваться смертной казни через повешение.

За непочтительные разговоры о папском легате виновные будут ссылаться на галеры вместе с ворами и убийцами, в том, однако, случае, если легат не сочтет преступника достойным смертной казни. Такое же наказание ждет каждого, кто оскорбит легата в письме или рисунке.

За сопротивление чиновникам или полиции, взыскивающим подати в пользу легата, виновные будут наказаны смертной казнью и конфискацией всего имущества».

Чтение Воклера прервали негодующие возгласы толпы.

– Это еще не все! – крикнул Воклер. – Жителям Авиньона воспрещено выходить из дому после наступления темноты. Кто выйдет из дому с потайным фонарем, будет подвергнут пыткам и после этого подлежит выселению из графства, если только легат не сочтет возможным помиловать его. За сочинение, распространение или исполнение политических песен – десять лет каторжных работ и конфискация половины имущества!

Толпа зарычала, как один человек.

²¹ То есть на провансальский язык, на котором говорит население юга Франции и по сей день. Этот язык, образовавшийся из латинского, имеет только отдаленное сходство с французским. Нужно отметить, что Гра написал свой роман «Марсельцы» («Le gouge di Miejour») на новопровансальском языке.

– И это еще не все! – продолжал Воклер. – Знаете ли вы, что, если бы папский легат властвовал сегодня в Авиньоне, все мы были бы схвачены и повешены, ибо в указе сказано, что «все участники сборищ и собраний подлежат повешению без суда, если этого пожелает легат»...

Воклеру не дали кончить чтение указа. Вся толпа в один голос закричала:

– Да здравствует освободившая нас революция! Да здравствует нация!

Женщины кричали даже громче мужчин. Я видел, как прачки, ткачихи, ковровщицы, кружевницы со слезами на глазах обнимали и целовали марсельских федератов.

Воклер, сорвав с головы треуголку и подняв ее кверху на острие сабли, закричал:

– Я записываюсь добровольцем в батальон марсельских федератов! Да здравствуют «Права человека и гражданина»! Долой тирана!

Трах-та-та-тах-тах! Это барабанщики раскатами дроби выражают свое удовлетворение поступком Воклера. Толпа машет руками, кричит, аплодирует. Марсельцы также аплодируют Воклеру и кричат:

– Да здравствуют добрые патриоты-авиньонцы!

– Да здравствуют славные марсельские федераты! – отвечает толпа.

Я не в силах устоять на месте, мне кажется, что все завертелось у меня перед глазами. Не помню, как я очутился на алтаре, рядом с Воклером. Еще секунда, и мой красный колпак, надетый на дуло ружья, взлетает высоко и воздух, и я кричу во всю силу своих легких:

– Смерть тирану! Я также иду волонтером в марсельский батальон!

И снова бьют барабаны, и снова раздаются крики:

– Да здравствуют авиньонские патриоты! Да здравствуют федераты!

Там внизу, в толпе, я увидел Лазули с малышом на плече. Они аплодировали и кивали мне. Я понимал, что они хотят сказать: «Браво, Паскале, браво!»

Когда я спустился с алтаря, майор Муассон прижал меня к груди и крепко поцеловал.

Трам-там-там! – загудели барабаны.

Собрание закрыто.

Батальон снова выстроился в ряды. Телеги с пушками и походной кузницей заняли свои места в арьергарде, и мы пошли в речной порт, где для всех было приготовлено обильное угощение: вино, хлеб, маслины, орехи и чеснок.

В течение многих часов народ ел, пил, плясал и пел, а барабанщики продолжали выбивать фандолу на своих барабанах.

Глава шестая НА КРАЮ ГИБЕЛИ

Невозможно передать словами, как горд и счастлив был я своим вступлением в батальон марсельцев. Вместо того чтобы танцевать, петь и веселиться с толпой, я степенно, как подобает настоящему мужчине, беседовал с новыми товарищами, заводил знакомства, чокался и выпивал стаканчик вина то с одним, то с другим.

Меня смущало только одно: все мои новые знакомые непременно начинали с того, что спрашивали:

– Сколько тебе лет? И как тебя зовут?

– Меня зовут Паскале, – отвечал я им и, становясь на цыпочки, чтобы казаться выше, добавлял: – Мне уже минуло шестнадцать лет!

При этом я с независимым видом пощипывал воображаемые волоски над верхней губой.

Но, увы, кожа на моем лице была в то время гладкая, как яичная скорлупа. Проклятые усы не росли, да и только! Сколько раз я украдкой проводил языком по верхней губе в надежде ощутить хоть какой-нибудь признак растительности – напрасно!

Стараясь как можно более походить на марсельцев, я воткнул ивовую ветку в дуло своего ружья и хорошенько запылил свои башмаки, чтобы придать им походный вид. Да, я готов был весь вывалиться в пыли!

Неожиданно я вспомнил, что уже несколько часов не видел Воклера. Куда он девался? Я стал искать его в толпе.

Вдруг позади себя я услышал хлопанье бича и звон бубенцов. Обернувшись, я увидел карету, которую, с трудом прокладывая себе путь в толпе, шагом везли две лошади. Я посторонился, чтобы дать экипажу дорогу и... что же я увидел! Это была карета маркиза д'Амбрена. Великан Сюрто в костюме кучера правил лошадьми. Рядом с ним сидел... мой отец! Лицо старика было исполосовано красными рубцами; он казался жалким и несчастным; с изумлением, смешанным с испугом, отец глядел на

поющую и пляшущую толпу...

Карета медленно проехала мимо меня. В глубине ее я еще успел разглядеть маркизу д'Амбрен с сыном и дочерью и самого маркиза. Переводя снова взгляд на козлы, я увидел, что Сюрто заметил меня. Его злобные глаза впились в меня и, казалось, говорили: «Ты в моих руках!»

Карета проехала. Толпа снова сомкнулась за ней. Пляска и пенье возобновились. Я стоял, как замороженный, и не знал, что предпринять. Мой отец проехал мимо меня, и я не сказал ему ни слова, не спросил даже, как живет старушка-мать! Побегать за каретой? Но ведь глаза Сюрто достаточно ясно сказали, что ждет меня, если я попаду к нему в руки...

Не зная, что делать, я снова стал искать Воклера. Если он будет со мной, я не побоюсь подойти к отцу. При Воклере Сюрто не посмеет и пальцем тронуть меня!

Но Воклер словно сквозь землю провалился. Я решил пробраться к паперти собора, чтобы оттуда посмотреть, не мелькает ли среди моря голов красный султан моего друга. Но в этот самый момент тяжелая рука опустилась на мое плечо и сдавила его, как тисками. Я живо обернулся: это был Сюрто, а с ним мой отец... Оказывается, едва лишь карета выбралась из толпы, Сюрто передал вожжи графу Роберту, а сам вместе с отцом отправился разыскивать меня. Наивный старик искренно обрадовался, что нашел меня!

Я сделал попытку вырваться из рук своего мучителя. Но не тут-то было! Пальцы его, словно железные крюки, цепко держали мое плечо.

– Пойдем, – сказал он. – Твой отец хочет, чтобы ты вернулся домой.

– Я не хочу! Я свободный человек, я вступил добровольцем в марсельский батальон! – закричал я и снова отчаянно рванулся из его рук. Но Сюрто продолжал тащить меня к майору Муассону, который стоял невдалеке. Отец, прихрамывая, ковылял сзади и ласково говорил:

– Ты должен вернуться домой, сынок. Этого хочет сам господин маркиз.

Заметив, что мы о чем-то спорим, майор Муассон сам подошел к нам.

– Что случилось? – спросил он.

– Этот сорванец убежал из дому. Отец разыскал его и хочет заставить вернуться домой, к матери, которая едва не умерла от горя...

– Так вот оно что! – сказал майор и, обернувшись ко мне, сурово нахмурил брови: – Зачем же ты огорчаешь своих стариков? Ступай, гражданин, ступай домой. Нация еще не нуждается в тебе. Позже, когда у тебя вырастет борода, мы снова примем тебя в марсельский батальон.

И, не слушая моих возражений, майор повернулся на каблуках и удалился.

Отец бормотал ему вслед слова благодарности. Сюрто же снова грубо схватил меня за руку и поволок прочь от толпы. Отец не поспевал за ним и скоро отстал.

Я понял, что погиб! Один Воклер мог освободить меня, так как только он один знал мою историю. Но его не было поблизости! Должно быть, он вместе с Лазули собирал снаряжение для дальнего похода.

О, если бы при мне были мое ружье и сабля! Но я оставил оружие в кордегардии... Беспомощный и незащитный, я больше не пытался сопротивляться Сюрто и только тоскливо поглядывал по сторонам, не покажется ли где-нибудь спасительный султан Воклера...

Сюрто потащил меня по пустынным улицам аристократического квартала. Скоро мы пришли к воротам авиньонского дома маркиза д'Амбрена. Карета стояла посреди двора. Но вместо того, чтобы распрягать лошадей, вокруг кареты суетились слуги, нагружая ее под наблюдением графа Роберта и Аделины чемоданами и корзинами со снедью. Увидев меня, молодой граф захохотал:

– Поймали тебя, наконец, маленький разбойник! Отлично! Сюрто! Посадить его в подвал! Да гляди в оба, чтобы он не убежал!

Отец по своему обыкновению опустился на колени и благоговейно поцеловал руку этому извергу. Аделина, услышав слова брата, стиснула руки и отвернулась; чтобы не видеть меня. Я внашал ей жалость, но, очевидно, она не смела за меня вступить.

Сюрто втокнул меня в дом. Он поднял откидную крышку люка в полу посредине прихожей, и я увидел лесенку, ведущую в подвал. Сюрто заставил меня спуститься вниз по темному ходу.

В глубине подвала Сюрто открыл ключом маленькую дверцу и швырнул меня на каменный пол какой-то мрачной и темной каморки.

– Вот твои апартаменты. Если проголодаешься, можешь грызть собственную руку, а другую не забудь приберечь назавтра.

Я пробовал разжалобить Сюрто, но палач был неумолим. Пинком ноги он оттолкнул меня и сказал, заикаясь от ярости:

– У тебя слишком длинный язык. Ты видел больше, чем следует! Помнишь, как ты притаился на верхушке дуба в Гарди? Помнишь вечер в больнице! Мне невыгодно, чтобы ты говорил об этом! Но теперь я спокоен: тебе придется волей-неволей держать язык за зубами!

С этими словами он вышел и повернул ключ в замке.

Я слышал его шаги по лестнице. Потом с грохотом пушечного выстрела захлопнулась крышка люка. Я остался один в темноте, среди могильного холода и тишины.

Меня ждала голодная смерть! Никто не мог прийти ко мне на помощь! Чем я заслужил такое страшное наказание? Неужели мой отец допустит это? Неужели он предаст меня?

Нет, отец не знает, какая судьба ждет меня... Несчастный и не подозревает, какое зло он мне причинил... Хоть бы смерть освободила меня от этих мук... Скорее бы она пришла! Я вспомнил слова Сюрто о дубе в Гарди. Однажды – это было очень давно – я вскарабкался на самую верхушку дуба, чтобы достать сорочье гнездо, где только что вывелись птенцы. Я собирался переложить их в шапку, как вдруг услышал у подножья дерева чьи-то голоса. Сквозь листву я разглядел маркизу д'Амбрена и Сюрто, они шли рука об руку.

До меня донеслись слова маркизы: «Сделай это быстро, да, смотри, не

промахнись!..» От этих слов у меня почему-то мороз подрал по коже: я прижался к стволу и не шевелился, пока парочка не отошла. Выждав некоторое время, я начал спускаться. Вдруг Сюрто обернулся и увидел меня. Вероятно, именно в этот момент он дал себе клятву погубить меня, а впоследствии возник и предлог для этого: камень, который я бросил в графа Роберта.

Я так погрузился в печальные мысли и воспоминания, что не обратил даже внимания на стук крышки люка. Только шум шагов на лестнице оторвал меня от раздумья. Затаив дыхание, я стал прислушиваться. Кто-то спускался в подземелье.

Это мог быть только Сюрто.

Только что я мечтал о смерти, как об избавлении, но тут вся кровь вскипела во мне: я решил защищаться и продать свою жизнь как можно дороже.

Увидев на полу у своих ног осколок стекла, я быстро нагнулся, поднял его и, сжав в руке, притаился у двери: я хотел всадить стекло в бок негодяю, как только он войдет в мою темницу. Засов заскрипел, и дверь открылась... Я занес руку для удара и... Но что я увидел?

Держа в руке тускло светившую лампу, в дверях стояла дочь маркиза д'Амбрена — Аделина.

Она сказала:

– Тише, Паскале! Я пришла спасти тебя.

– Неужели это вы, Аделина? О, сжальтесь надо мной, спасите меня от Сюрто! Он хочет убить меня!

Я бросился перед ней на колени.

– Не бойся, славный мой Паскале, я хочу избавить тебя от его мести. Следуй за мной. Я выведу тебя из подвала. Но, смотри, берегись; не попадайся снова в когти Сюрто. Он теперь роет могилу в саду. Я слышала, как он поклялся этой же ночью тебя прикончить. Не будем терять понапрасну времени. Ступай за мной!

Бесконечно счастливый, я последовал за своей спасительницей. Мы поднялись по крутой лестнице к люку. С большим трудом я поднял тяжелую крышку, пропустил вперед Аделину и затем вылез сам. Из прихожей через боковую дверь мы вышли на задний двор. Тут Аделина сказала мне:

– Вот видишь? Теперь надо только перелезть через эту стену, и ты на свободе!

Милая девушка хотела придвинуть к стене переносную лесенку. Но ведь недаром я облазил самые высокие деревья имения Ла Гарди. Вмиг, без всякой лестницы, я вскарабкался на гребень стены и прыгнул на улицу. К стыду своему должен признаться, что я забыл даже поблагодарить Аделину.

В этот час Авиньон обычно тих и пустынен, словно кладбище. Убедившись, что никто не видел меня, я со всех ног пустился бежать. По дороге я не встретил ни живой души, лишь моя собственная короткая черная тень сопровождала меня, прыгая по камням мостовой. Полная луна висела на небе, ярко освещая одну сторону улицы и оставляя в тени другую. Разумеется, я бежал по теневой стороне.

Башенные часы уже давно пробили полночь, но в окнах домика Воклера все еще виден был свет.

Я постучал в дверь:

– Лазули, Лазули, откройте!

– Неужели это ты, Паскале? – ответил мне голос Лазули.

Она быстро сбежала по лестнице. Поворот ключа – дверь открылась, и я упал в объятия Лазули.

– Куда ты запропастился, Паскале? Тебя искали по всему Авиньону. Воклер уже ушел с марсельцами. Он сказал, что ты сможешь догнать батальон на парижской дороге. Паскале, дорогой мой, я так тревожилась за тебя! Где же ты был? Расскажи мне все.

И Лазули снова обняла и поцеловала меня.

– Должно быть, ты голоден? – вдруг спохватилась она. – Вот ломоть хлеба, вот вино. Ешь, дружок. За едой ты расскажешь мне, что с тобой случилось. А после ужина тебе придется тотчас же отправляться в путь. Ты застанешь еще марсельцев в Вердетте, в полулье²² расстояния отсюда. Батальон расположился там лагерем, чтобы двинуться в поход на рассвете.

Макая хлеб в вино, я описал Лазули все свои приключения, все, что я пережил за этот день.

Лазули хваталась за голову, слушая меня.

– Возможно ли это? – восклицала она. – И я должна остаться здесь с малюткой Кларе! Нет, ни за что! Знаешь, что я тебе скажу, Паскале? Ты скажешь Воклеру, что я не хочу оставаться в Авиньоне одна. На будущей неделе в Париж идет почтовая карета. Я знаю кучера, он возьмет меня и Кларе. Вероятно, мы догоним вас дорогой. Там, в Париже, я сниму комнатку, где вы сможете отдохнуть, когда захотите... А если суждено случиться несчастью с кем-нибудь из вас, лучше пусть это произойдет на моих глазах. И, наконец, я и сама добрая патриотка – я хочу разделить с вами ваши тяготы и нужды. Держи, вот твой походный мешок. Здесь новая полотняная рубашка, фляжка с вином, красный пояс, два пистолета, порох и пули, новые кремни, трехцветные кокарды, здесь также – не забудь об этом! – три экю, которые дал тебе господин Рандуле, они пригодятся тебе. Путь до Парижа долог, времена нынче тяжелые; там, на севере, говорят, живут одни аристократы; может быть, дорогой вам не подадут и воды напиться! А теперь попрощайся с Кларе, только, смотри, не разбуди его и ступай!

Лазули помогла мне застегнуть ремни походного мешка, я поцеловал спящего Кларе и стал спускаться по лестнице. Лазули с лампой в руке проводила меня до порога.

– Так помни же, – сказала она на прощанье, – на будущей неделе я поеду в Париж! Мы скоро увидимся, передай это Воклеру!

От волнения я ничего ей не ответил, а только помахал рукой.

Лазули закрыла дверь, и я очутился один на пустынной улице. Поправив ружье за плечами, я двинулся в далекий путь, в Париж, в столицу Франции.

²² Лье – старая французская мера длины, равная 4445 м.

Глава седьмая НАЧАЛО ПОХОДА

Огромная, совершенно красная луна сияла над скалой: Правосудия. Рона катила свои спокойные воды с тихим журчанием, похожим на шелест ветерка в тополевой роще. На обоих берегах реки щелкали, перекликаясь, соловьи. В траве виднелось множество светляков.

Я шел не по большой дороге, а тропинкой вдоль берега Роны, – это значительно сокращало путь.

Временами я слышал звонкий девичий голос или смех парней. Я вздрагивал – люди пугали меня, – но тотчас же успокаивался: это веселилась молодежь, пользуясь ночной прохладой.

Я шагал и шагал, ни на секунду не останавливаясь. Вдалеке уже виден был темный массив Вердеттского леса. Меня тревожила мысль, что батальон марсельцев, не дождавшись меня, выступит в поход, и, подстегиваемый беспокойством, я пускался бегом, забывая об усталости. Я мечтал, как о величайшем счастье, о той минуте, когда я снова свижусь с марсельцами, с Воклером, когда займу свое место в рядах красных южан и вместе с ними двинусь на Париж свергать тирана и изменника – короля Капета...

Вот уже только ров отделяет меня от большой дороги. Я хочу перепрыгнуть через него, как вдруг из темноты меня окликает голос:

– Стой! Здесь ходить запрещено!

– Я друг свободы! – кричу я.

– Кто ты? Покажись!

– Я Паскале, авиньонский доброволец.

– Ага! Знаю, знаю! Это ты, мальчуган? А мы тут уже считали тебя погибшим! Молодчина! Иди, получай свой рацион!

Майор Муассон, капитан Гарнье, мой славный Воклер и многие другие федераты

не спали. В одно мгновение я был окружен людьми. Воклер обнимал меня, целовал в обе щеки, нянчился со мной, как с ребенком. Он не мог слова вымолвить: так он был взволнован. Мы оба плакали.

Майор Муассон то и дело повторял:

– Честное слово, я готов был дать приказ вернуться в Авиньон, чтобы разыскивать тебя. Какая-то тяжесть лежала на моей совести с той минуты, как я дал увести тебя этому Сюрто или как его там зовут...

– Не будем вспоминать об этом; к счастью, все окончилось благополучно, – сказал Воклер, выпуская меня, наконец, из своих объятий. – Но расскажи нам, что с тобой произошло? Видел ли ты Лазули?

– Видел ли я ее?.. Да ведь это она дала мне ружье, саблю и походный мешок.

И я снова рассказал все приключения минувшего дня: о Сюрто, о подвале, о том, как меня спасла Аделина...

– Пора выступать в поход, близится рассвет, – сказал майор Муассон. – Барабанщики, бейте сбор!

Воклер отвел меня в сторону и продолжал расспрашивать:

– Что же сказала тебе Лазули?

– Она сказала, что на следующей неделе отправится в Париж вместе с Кларе. Лазули поедет в почтовой карете и думает, что нагонит нас по дороге.

– Пусть приезжает! Нам будет веселей! Да и я не буду тревожиться за нее. У меня как гора с плеч! Ты не очень устал, Паскале? Ты не спал, конечно, ни одной минуты! Знаешь, ведь мы должны пройти без остановки шесть лье до Оранона. Выдержишь ли ты такой переход?

– Выдержу ли я? Не устал ли я? Ты шутишь, Воклер! Мы остановимся в Ораноне? Чего ради? Почему так скоро?

В простоте душевной я думал, что мы перемахнем через горы и без единой остановки дойдем до Парижа.

Воклер только рассмеялся.

Батальон уже построился на дороге.

Трам-там-там! – бьют барабаны.

– Вперед, вперед, сыны отчизны! –

затянули первые ряды, и батальон тронулся в путь. Стараясь делать большие шаги, чтобы не отстать от взрослых, я пел до хрипоты в горле. Я не шел, а словно летел на крыльях. С упоением я прислушивался к собственному голосу. Мне казалось, что он слышен в Авиньоне, в Марселе, в горах моей родной деревушки; мне казалось, что земля содрогается от шума наших шагов, от боя наших барабанов, от грохота телег, от грозных слов:

К оружию, граждане! Равняйся, батальон!

Я шел в первой шеренге, позади барабанщиков, рядом с высоким федератом, тем самым, который нес плакат с «Декларацией прав человека» по улицам Авиньона. Его звали Самá. Это был добрый малый и весельчак. На каждом шагу он говорил мне: «Все отлично, мальчуган! Ты храбрый парень!»

Мне это было очень приятно, и в свою очередь, чтобы доставить удовольствие Самá, я кричал: «Да здравствует нация!» Затем мы снова подхватывали припев «Марсельезы».

Заря еще только занималась, когда мы вступили в маленькую деревушку Сорг. Мужчины и женщины в одних рубашках, с растрепанными волосами вскакивали с постелей и высовывались из окон, чтобы посмотреть на марсельцев.

Молодежь встречала нас аплодисментами и посылая нам воздушные поцелуи. Взрослые кричали: «Да здравствуют марсельцы! Смерть тирану!» Но старики и старухи хмурились и осеяли себя крестным знамением. Завидев батальон, они спешили наглухо закрыть двери и окна и плевали нам вслед.

Но вот деревушка осталась позади; мы снова были в чистом поле. Солнце уже поднялось над горами Венту; на гумнах крестьяне молотили снопы тяжелыми цепями. Зерно просеивали сквозь большие сита, подвешенные на трех кольях. Оно падало на подстеленные полотнища золотистыми струйками. Легкий ветерок относил в сторону мякину, и она мягко ложилась на зеленеющую вокруг гумна траву.

От этой нагретой солнцем соломы, от сыплющихся под ударами цепов зерен, от золотой пыли над гумном, от больших сит, медленно качающихся на кольях, распространялся одуряющий аромат. Прозрачный утренний воздух пахнул печеным хлебом с аппетитно поджаренной коркой, и от этого запаха слюнки текли у марсельских землепашцев, шагавших по пыльной дороге походным строем.

Повсюду на жнивье работали крестьяне. Они переносили снопы со скирд на возы. Издали груженные до отказа возы казались крытыми соломой домами. Тяжелые снопы свисали со всех сторон, скрывая от глаз и колеса и боковые решетки. Солнце стояло высоко на небе и палило немилосердно.

Кузнечики выползали на свет из своих норок и, согревшись в теплом воздухе, заводили свои бесконечные песенки.

В десять часов утра, в самый разгар жары, мы все еще шагали по дороге в Оранон, оставляя за собой тучу густой пыли.

К оружию, граждане! Равняйся, батальон!

Барабанщики били в барабаны. Пятьсот голосов стройным хором пели одну песнь, у пятисот человек была одна воля, одно желание – поскорее добраться до Парижа и покарать предавшего нацию изменника – короля.

От нестерпимого зноя у всех пересохло горло, но никому и в голову не приходило жаловаться.

В полдень мы пришли в Оранон. Все население городка, с мэром во главе, вышло нам навстречу. Я был горд собою: дорожная пыль толстым слоем покрывала мою спину, плечи, грудь, ноги, лежала на бровях и ресницах. Лихо сдвинув на ухо свою красную шапку, я свирепо вытаращил глаза и запел «Марсельезу» так громко и воинственно, как только мог. Я шел в первом ряду, и мне казалось, что все смотрят только на меня, слушают только мое пение! Мой сосед Самá высоко поднял свой плакат и время от времени заставлял целовать его тех, кто не кричал достаточно громко «Да здравствует нация!»

Мэр произнес приветственную речь по-французски. Конечно, никто из нас не понял ни одного слова. Он говорил, говорил и, вероятно, никогда бы не кончил, если бы рябой марселец, по имени Марган, не крикнул ему:

– Гражданин мэр, ты так хорошо говорил, что у меня все внутри пересохло! Да здравствует нация и стаканчик вина!

Все расхохотались и принялись аплодировать.

Мэр тоже рассмеялся:

– Друзья мои, я вижу, что нужно подлить масла в лампы. На площади Триумфальной арки для вас приготовлено доброе вино и свежий хлеб. Да здравствует нация!

Подкрепившись хлебом и вином, батальон расположился отдыхать под сенью тополей, на покрытой высокой травой лужайке. Я прикорнул рядом с Воклером, не выпуская ружья из рук: я поклялся себе после недавних приключений не оставлять его ни на минуту. Положив голову на походный мешок, я закрыл глаза и моментально заснул.

Мне снилось, что я снова в Авиньоне на празднестве... Звенят бубенцы, хлопает кнут, лошади тяжело дышат за моей спиной. Ай! Чьи-то когти впились мне в плечо. В испуге я проснулся, вскочил на ноги и закричал:

– Воклер! Помоги!..

Верить ли глазам? Я увидел на парижской дороге карету маркиза д'Амбрена!.. Тройка лошадей, коренник и две пристяжные мчали ее во весь опор. Бубенцы звенели, и то и дело раздавалось хлопанье бича.

– Что это? – спросил Воклер. – Что с тобой? Что случилось?

– Гляди же туда? Видишь, это едет маркиз д'Амбрэн, а на козлах Сюрто! Гляди же туда, на карету!

– Возможно ли это? – вскричал Воклер. – Ах, если бы мы заметили их немного раньше!

Мой крик разбудил многих федератов. Майор Муассон спросил Воклера, что произошло. Тот напомнил ему о моих вчерашних приключениях и указал на видневшийся вдали столб пыли, поднятый копытами лошадей маркиза д'Амбрена. Но карета, уносившая врагов народа, которые были также и моими злейшими врагами, скрылась в отдалении.

– Досадно, – сказал майор Муассон, – что мы не заметили их вовремя! У них тройка отличных коней, которая могла бы сослужить нам прекрасную службу, – она

довезла бы наши пушки до самого Парижа!

Капитан Гарнье приказал барабанщикам бить сбор, и через несколько минут батальон, провожаемый всем населением городка, снова зашагал по дороге к столице Франции.

Так трепещите же, тираны,
И вы, предатели страны!
За ваши гибельные планы
Теперь ответить вы должны!

Солнце уже садилось за горизонт, когда мы подошли к Морна. Что произошло в этой деревне? Почему все двери и ставни на запоре, почему на улицах нет ни живой души, хотя от барабанного боя, пения «Марсельезы», грохота телег с пушками и походной кузницей, казалось бы, мертвые должны были проснуться? Несколько испуганных куриц с кудахтаньем пронеслись по безлюдной улице и спрятались за забором и... больше никого!

– Вот так штука! – сказал Сама́.

Он поднял свой плакат с «Декларацией прав человека» и теперь был искренно огорчен, что некого заставить целовать его.

– Тысяча чертей! Да куда же девались жители этой грязной деревни? – воскликнул Марган, изо всех сил ударяя прикладом ружья в двери домов.

Так мы и прошли через всю деревню, не встретив ни живой души.

Мы безостановочно шагали по пустынной дороге час, другой, третий. Солнце давно закатилось, и сумерки сменились темной ночью. Понемногу в отряде затихли смех, шутки, пение. Умолкнул даже неугомонный Марган, обычно развлекавший весь отряд своим балагурством. В теплом ночном воздухе слышался только топот тысячи ног, скрип колес походной кузницы да стрекотание кузнечиков.

Уставшие от длинного перехода, люди дремали. Внезапно вдалеке, на дороге, мелькнул огонек. Крохотная светящаяся точка не стояла на месте – она двигалась и мерцала то здесь, то там.

– Что бы это могло быть? – спросил барабанщик, шедший впереди отряда.

Каждый высказал свое предположение:

– Это дилижанс.

– Нет, просто карета.

– Это огни святого Эльма²³.

Мы шли и шли, а маленький мерцающий огонек как будто не приблизился ни на шаг. Но в темноте трудно определять расстояния: внезапно какой-то человек с

²³ Огни св. Эльма – электрическое сияние на концах острых предметов (шпилей, колоколен, мачт и т. п.), иногда наблюдающееся перед грозой.

фонарем в руках преградил нам дорогу и дрожащим голосом взмолился:

– Пощадите! Пощадите! Мы добрые патриоты! Сжальтесь над нами, не причиняйте нам зла! Мы сами отдадим вам все, что вы потребуете, все, что вы только пожелаете...

– Кто вы, добрый человек? И почему вы думаете, что мы хотим причинить вам зло? – спросил Самá.

– Я мэр Пьерлаты. Пощадите меня, и я вам все отдам. Перед своим бегством жители Пьерлаты сказали мне: «Пусть они забирают все, что хотят. Только бы они не сожгли и не разрушили нашего поселка!..» Пожалейте нас, бедняков!..

– За кого ты нас принимаешь, старый дурак? – закричал Марган. Мы все едва удерживались от смеха, глядя на дрожащего мэра, у которого от страха коленки стучали одна о другую, словно трещетки. – За кого ты нас принимаешь? Что мы, убийцы, что ли? Грабители с большой дороги?

– Не сердитесь на меня!.. Кучер кареты напугал до смерти всю Пьерлату. Все жители бежали на острова... Они оставили здесь только меня, своего мэра, с поручением умолить вас не губить деревни...

– Какая карета? – спросил Воклер настораживаясь.

– Карета, которая проезжала здесь перед заходом солнца. Она остановилась на площади всего лишь на несколько мгновений, и кучер, не слезая с козел, закричал: «Скорее прячьтесь, добрые люди! Сюда идут марсельские разбойники. Завтра вы все уже будете мертвы, а ваши дома будут разграблены и сожжены!» Он не прибавил более ни слова, стегнул лошадей кнутом, и они понеслись быстрее ветра.

– Я знаю этого молодчика, – сказал Воклер, обращаясь к майору Муассону, – мы разыщем его в Париже... вместе с его господином...

Марган нетерпеливо прервал его:

– Хорошо, хорошо... А теперь, гражданин мэр, проводи нас к самому плотно набитому погребу. Это все, что нам нужно от тебя.

– Сию минуту, – торопливо согласился старый мэр, видимо, вполне успокоенный.

Он стал во главе батальона и, освещая дорогу фонарем, бодро заковылял вперед, все время бормоча себе под нос:

– Ах, если бы они знали... они не бежали бы на Ронские острова! Они забрали с собой все, что могли, все решительно! Они увезли коз, мулов, ослов, даже кроликов погрузили на телеги! Если бы вы видели, что это было за бегство! Женщины выли, кричали, дети плакали... Они оставили здесь только меня... Я сказал себе: «Мэр ты или не мэр? Если суждено, чтобы тебе перерезали глотку, то ее перережут, но, по крайней мере, ты исполнишь свой долг мэра!»

– Что ты там бормочешь, старина? – окликнул его Марган. – Скоро ли мы придем к твоему погребу?

– Он в двух шагах! Потерпите еще минутку.

Вскоре мэр остановился посреди главной улицы деревни, перед запертой дверью.

– Вот наш лучший погреб, – сказал он. – Беда только в том, что ключи хозяева

увезли с собой!

– Ничего! – воскликнул Марган. – Не огорчайся, гражданин мэ́р, у нас есть ключи, которые открывают любые замки. Эй, Пелу, тащи сюда свою кузницу! Ты сейчас увидишь, гражданин мэ́р, хорошие ли мы слесари и долго ли нам придется возиться, чтобы сбить замки с дверей королевского дворца, там, в Париже!

К двери подошел Пелу, канонир батальона. В одно мгновение он открыл замок и распахнул настежь створки двери. Два человека вместе с мэром вошли в погреб и выкатили оттуда большую бочку с вином. Марган выбил втулку, и чистая, блестящая, ароматная струя вина полилась в подставленный ковш, искрясь и сверкая при свете фонаря, как радуга.

Измученные жаждой, люди с наслаждением прикладывались каждый в свою очередь к горлышку ковша и тотчас же укладывались спать, кто на стогу сена, кто прямо на высокую траву.

Майор Муассон, капитан Гарнье, лейтенанты и бригадир Воклер не ложились вовсе: всю ночь они сами несли караул, щадя силы своих подчиненных.

Как только солнце взошло над гребнем горного хребта, майор приказал трубить сбор. Вмиг весь отряд вскочил на ноги и выстроился в ряды.

Свежие и отдохнувшие, люди были готовы тотчас же выступить в поход.

Но прежде чем дать приказ о выступлении, майор Муассон обнажил шпагу и, стоя перед фронтом батальона, произнес речь:

– Я знаю, что все вы добрые патриоты и что вы будете верны своему долгу до конца. Друзья мои, отечество в опасности! Франция гибнет! Король изменил ей. Он пытался призвать иностранцев, чтобы задушить революцию. Так понесем же в Париж нашу ненависть к тирану и беззаветную любовь к отечеству! Вперед, друзья! Мы покажем парижанам, кто такие красные южане!

И батальон отвечал ему громовым криком:

– Да здравствует нация!

Майор обернулся к мэру Пьерлаты:

– Гражданин мэ́р, – начал он, – ты скажешь своим согражданам, что добровольцы из марсельского батальона – такие же крестьяне и труженики, как они сами. Ты скажешь жителям Пьерлаты, что марсельские федераты борются за свободу и правосудие и идут в Париж, чтобы свергнуть тирана. Ты скажешь им, что красные южане не убийцы и не воры и что они платят свои долги!

Говоря это, он вынул из кармана бумажку и протянул ее мэру.

– Это реквизиционная квитанция. В ближайшем казначействе тебе выдадут по предъявлению ее деньги, которые возместят стоимость выпитого нами вина.

Бедняга мэ́р был так изумлен, что едва верил своим глазам. Когда он брал квитанцию, его колени (должно быть, от волнения) задрожали сильнее обычного.

Но барабанщики уже били поход, и батальон с пением «Марсельезы» двинулся по дороге в Париж.

Я перешел в арьергард, поближе к пушкам и походной кузнице. Я хотел упросить

канонира Пелу исполнить мое заветное желание: я мечтал, чтобы мне позволили впрячься в телегу с пушкой. По детской наивности я воображал, что буду выглядеть от этого старше своего возраста. Мысленно я уже видел себя, пыльного, потного, согнувшегося в три погибели, торжественно шествующим через города и деревни. Глаза мои сверкают, точно угли; подбитые гвоздями башмаки высекают искры из мостовой, и все женщины, девушки и дети с восхищением глазают на меня. А я кричу сиплым голосом: «Да здравствует нация!..»

Но когда я изложил свою просьбу Пелу, он только рассмеялся:

– Твоя очередь еще наступит, малыш. До Парижа далеко. А пока достаточно, что ты тащишь свой походный мешок, ружье и саблю, которая длиннее тебя самого!

Я не осмелился настаивать и отошел от Пелу, чтобы скрыть свое смущение.

Какая-то испуганная курица взметнулась над рядами, и ее с хохотом стали ловить десятки рук. Одни старались рубануть курицу саблей, другие – поддеть на штык. Бедная птица металась, то взлетая, то опускаясь, и кудахтала так, как будто бы ее уже резали. Я принял участие в этой охоте и, когда курица пролетала надо мной, проткнул ее штыком навывлет. Я поспешил похвастать своим успехом перед Воклером.

Но бригадир нахмурил брови и строго спросил:

– Чья это курица?

– Моя.

– Ты купил ее?

– Нет!

– Значит, ты ее украл! Ступай на свое место, и чтобы больше этого не случилось!

Никогда еще я не видел Воклера таким сердитым. Я почувствовал, как сердце сжалось от боли. Впервые я огорчил Воклера, а ведь я так любил его! Он прав был, сердясь на меня. Конечно, я украл эту курицу, может быть, единственную курицу какого-нибудь бедняка! Мне стало стыдно до слез.

Прибавив шагу, я очутился в первых рядах батальона.

– Ага! Это ты! – сказал Сама́. – Куда ты запропастился? Гляди-ка, Марган, какая славная курица! Где ты ее подцепил, паренек? А мы-то проморгали такой лакомый кусок...

– Возьмите ее себе, если она вам нравится, – ответил я и торопливо стал насаживать злосчастную птицу на острие штыка Сама́.

– А малыш-то не глуп! Ему просто лень таскать курицу! Ну, да уж ладно, дадим тебе отведать кусочек.

Я почувствовал, что с плеч моих свалилась большая тяжесть. Теперь Воклер перестанет сердиться на меня. И сразу мне стало весело и радостно.

В то время как батальон, изнемогая от усталости, еле плелся по пыльной дороге, я перебежал от хвоста колонны к голове и обратно с легкостью козочки. Я кружил вокруг батальона, как собака пастуха вокруг стада, и успевал еще собирать под деревьями сладкую спелую шелковицу.

Но вот барабаны забили атаку, отставшие быстро заняли свои места в рядах,

шеренги подтянулись, Сама́ поднял над головой свой плакат. Мы подходили к маленькому городку Монтелимару. Улицы и площади его кишели многолюдной толпой. На нас смотрели изо всех окон и дверей.

Не останавливаясь, мы прошли мимо клуба патриотов, над которым развевалось красное знамя. За городскими воротами, на берегу бурной речки Жаброн, майор Муассон отдал приказ остановиться на отдых. Мы вкусно пообедали жареными курами со свежим хлебом и сразу после обеда легли отдыхать в холодке, под деревьями. Как приятно поваляться в высокой траве под прохладной сенью ив и тополей.

Усталые товарищи мгновенно заснули. Но мне не хотелось спать. Я вспоминал свое детство, тяжелый гнет нужды, жестокий голод... От этих грустных мыслей меня отвлекло большое белое облако, плывшее над самой моей головой. Оно беспрестанно меняло свои очертания, то увеличиваясь, то уменьшаясь, и, наконец, совсем исчезло, растворившись в беспредельной голубизне неба. Затем я с любопытством стал следить за муравьем, который тащил куда-то овсяное зерно, вдвое большее, чем он сам. Муравей остановится у соломинки, преградившей ему путь, потом вскарабкался на камешек и с этой огромной по сравнению с ним самой высоты рухнул на землю, не выпуская ни на мгновение своего груза; он продолжал свой путь, то толкая зерно впереди себя, то волоча его сзади. Я взял веточку и очень осторожно, чтобы не испугать насекомое, помогал ему преодолевать препятствия. На закате дня нас навестили монтелимарские патриоты. Они принесли нам чеснок, которым мы угостились на славу. Но вот уже опять бьют барабаны, и мы снова идем по парижской дороге...

Мы шли и шли не останавливаясь. Прекрасная летняя ночь была ясной и теплой; время от времени темноту прорезали зарницы. На рассвете нас окутал свежий холодок тумана, поднявшегося над Роной. Серая пелена поползла над ивняком, над полями колосющейся пшеницы, над цветущими грядками. Туман растаял под первыми же солнечными лучами.

Как странно: повсюду в поле видны были жнецы. В Авиньоне хлеб уже наполовину в амбарах, в Пьерлате возили снопы, а здесь еще только начали косить! Вот что значит север!

За Монтелимаром кончились оливковые рощи. Сюда уж не достигает теплый средиземноморский ветер, здесь не могут вызреть плоды оливок; здесь нет стрекоз — земля слишком холодна для них.

Увидев вишневое дерево с еще не осыпавшимися цветами, я не мог удержаться от восклицания:

— Далеко же мы зашли!

Марган ответил мне:

— Но нам еще дальше до конца пути! Впрочем, не беда, не через пятнадцать, так через двадцать дней мы будем в Париже и посчитаемся со сторонниками тирана! Ох, и жарко там будет!..

Назавтра около полудня мы подошли к городу Валанс. Федераты украсили свои ружья вишневыми ветками, приколотили цветы к запыленным красным шапкам и с песней:

Так трепещите же, тираны,
И вы, предатели страны!

Прошли через весь город.

Население городка, высыпавшее на улицы, не знало, надо ли бояться нас или приветствовать. Жители робко спрашивали, откуда мы пришли, куда идем, кто мы такие. Майор Муассон предупредил, что мы не остановимся в Валансе – мы и так задержались в пути, и надо было наверстывать упущенное время; ведь отечество в опасности!

И мы действительно прошли через Валанс, не останавливаясь, под неумолчную дробь барабанов и пение «Марсельезы». Эхо высоких скал на противоположном берегу Роны подхватывало нашу песнь, и нам казалось, что вторая армия красных южан идет приступом на холодный север...

Мы позавтракали на ходу – съели по ломтю хлеба и по головке чесноку. Только перед самым заходом солнца, перейдя по мосту через Изер, мы сделали привал в Карнамском лесу. Восход солнца застал нас уже снова в дороге, по пути к городку Виен.

Мерно шагает батальон по необъятному простору полей. Ноги у нас стерты до крови, впереди лежит длинная и трудная дорога, но мы не жалуемся – в конце пути нас ждет свобода!

Крестьяне бросали полевые работы и выбегали к обочинам дороги при нашем приближении. Они с удивлением смотрели на шумные и крикливые ряды южан, проходившие мимо с шутками и смехом.

Федераты окликали крестьян, спрашивали, какой урожай, хороша ли земля. Но северяне плохо понимали наш язык и отвечали невпопад. Сами они говорили в нос, как истые парижане.

Снова верста за верстой откладываются позади. Вот уже на горизонте показался шпиль собора св. Мориса. Тяжелая каменная громада нависла над городком Виен, прилепившимися к склонам гористого берега Роны.

Мне снова страстно захотелось впрячься в телегу с пушкой и поразить горожан своим воинственным и «взрослым» видом.

Я остановился как бы для того, чтобы перешнуровать развязавшийся башмак, и пропустил таким образом почти весь батальон мимо себя. А вот, наконец, и арьергард с пушками и походной кузницей.

– Эй, товарищ, – обратился я к одному из федератов, задыхавшемуся от напряжения в своей ременной сбруе, – видно, нелегкое это дело, тащить такую телегу?

– Попробуй сам – узнаешь!

– Давай, попробую.

И я сложил на тележку ружье, саблю и походный мешок. Федерат на ходу уступил мне свое место, я впрягся в ременную сбрую и, натянув ее что есть мочи,

бодро зашагал.

Канонир Пелу, видя, с какой силой я тащу телегу, крикнул мне:

– Потихе, потихе, малыш! Успеешь еще лопнуть от напряжения. Так ты, чего доброго, еще ремень порвешь!

Эта насмешка на несколько мгновений охладила мой пыл, но как только Пелу отвернулся, я снова с прежним рвением налег на ремень.

Наконец, мы взобрались на возвышенность, где расположен городок Виен. Нас встретили колокольным звоном и громом пушечных салютов. Навстречу нам высыпала огромная толпа. Сегодня – четырнадцатое июля – праздник Федерации²⁴. Улицы запружены людьми. Мы трудом продираемся сквозь толпу. В тесноте мы наступаем друг другу на ноги; колеса тележек подпрыгивают на каждом булыжнике, на каждой выбоине. Барабанщики бьют в барабаны, мы поем «Марсельезу». Чтобы обратить на себя внимание, я сгибаюсь чуть не до самой земли. Когда на меня смотрят, я подымаю голову и хриплым голосом кричу:

– Да здравствует нация! Да здравствует нация!

И я испытывал большую радость, видя, что люди указывают на меня пальцем. Мне казалось, они говорили друг другу:

– Посмотрите на этого молодого человека, какой у него грозный и воинственный вид!

Но меня ждало глубокое разочарование. Глядя на меня, люди громко вздыхали:

– Бедняжка! Да ведь он еще совсем ребенок! Поглядите, у него даже борода не растет!

Я с еще большим ожесточением тянул телегу за ремень и кричал: «Да здравствует нация!», но настроение мое было испорчено.

В Виене мы провели чудесный вечер. Все добрые патриоты приняли участие в пиршестве, устроенном городом в нашу честь.

На следующее утро, перед выступлением в поход, батальон прошел церемониальным маршем мимо алтаря Федерации, воздвигнутого на площади, против собора. Затем мы преклонили колени перед алтарем и пропели строфу из «Марсельезы»:

Святая к родине любовь,
Веди нас по дороге мщенья.

Не успели мы кончить строфу, как напротив нас опустилась на колени группа школьников и пропела новую строфу, которой мы еще никогда не слышали:

²⁴ 14 июля 1789 г. парижский народ приступом взял крепость Бастилию, служившую тюрьмой для политических преступников. В память этого события день 14 июля, начиная с следующего, 1790 года, стал праздноваться республиканской Францией и празднуется вплоть до настоящего времени.

На тот же путь и мы пойдем,
Как старших уж в живых не будет...
Их прах мы на пути найдем:
Никто их доблесть не забудет.
Нам лучше, чем их пережить,
За ними вслед сойти в могилы.
Все напряжем мы наши силы –
Хоть умереть, да отомстить!

Трудно описать, какой взрыв восторга вызвала эта строфа! Марсельцы плакали. Детей обнимали, прижимали к груди, осыпали поцелуями. Взволнованная толпа горожан кричала:

- Да здравствуют федераты!
- Да здравствует нация!
- Смерть тирану!

Майор Муассон подошел к школьному учителю, сочинившему этот куплет, обнял его и сказал:

- Спасибо, патриот! Мы споем эту строфу на развалинах королевского дворца!

Затем, провожаемые всем населением городка, мы выступили в поход. Я снова впрягся в свою телегу. Один малыш лет шести-семи нес мое ружье, другой волочил саблю, третий – походный мешок. Дети облепили федератов, словно рой мух. Самые маленькие, чтобы не отстать от батальона, бежали вприпрыжку. Мне кажется, никто лучше меня не понимал радость детей. Я чувствовал себя на вершине блаженства, глядя, как они почтительно прикасаются ко мне, трогают мое ружье, саблю и пуговицы на мундире.

Примерно в полумиле от города мы велели детям возвратиться. Ребята с грустью вернули наше снаряжение, пропустили нас вперед и, сбившись в кучу, провожали нас глазами долго-долго, пока мы совершенно не скрылись из виду.

На повороте дороги мы вдруг снова услышали чистые звонкие голоса, певшие новую строфу «Марсельезы»:

На тот же путь и мы пойдем,
Как старших уж в живых не будет...

Без всякой команды весь батальон остановился: взволнованные и растроганные, федераты слушали доносившуюся издалека песню.

Командир Муассон сказал, обращаясь к нам:

- Слушайте эту песню, друзья мои, слушайте ее хорошенько. Вы слышите в

последний раз голоса патриотов юга. Мы на пороге суровых северных областей. Жители этих областей не любят родины. Они готовы открыть доступ в страну иностранцам, чтобы задушить революцию. Покажем же этим приспешникам аристократов, кто мы такие и чего мы хотим. Пусть они узнают, что ничто не в силах остановить нас. Красные южане добьются свободы или умрут!

Трам-там-там! – бьют барабаны, и мы снова шагаем все вперед и вперед...

Глава восьмая ПАСТУХ

Три дня и три ночи мы шли без отдыха, утоляя голод хлебом, а жажду водой из лесных ручьев и придорожных канав. Это была наша единственная пища. А спали мы на ходу.

В этих местах хлеб только еще начинал колоситься. Поля по утрам были влажными от росы, и трава не высыхала даже через два часа после восхода солнца! С какой тоской мы вспоминали стога душистой соломы на юге, где так сладко спится, густую зеленую траву на тенистых лужайках, где так приятно полежать в солнечный полдень!

Не останавливаясь, мы на заре прошли через Лион, миновали Вильфранш и, наконец, дошли до моста св. Жана на реке Ардьер.

Только здесь, на тенистых берегах реки, мы позволили себе немного отдохнуть. Эти часы отдыха пришлось как раз на самое жаркое время дня.

Марсельцы немедленно рассеялись во все стороны. Одни отдыхали под тенистыми ветвями ив, другие плескались в прохладной воде, третьи утоляли голод ломтем хлеба с чесноком, штопали дыры на одежде, чинили башмаки. Я один остался на мосту возле телеги с пушками. Воклер сказал, что скоро через мост должна проехать почтовая карета из Авиньона. Увидеть Лазули и маленького Кларе! Ни за какие блага я не согласился бы покинуть свой пост. Чтобы скоротать время, я уселся

на подножку телеги, развязал свой походный мешок, так заботливо сшитый доброй Лазули, и стал вынимать из него один предмет за другим.

Я переключивал с руки на руку пистолеты, не уставая любоваться ими, прочистил стволы и хорошенько вытер их, чтобы предохранить от ржавчины. Мне казалось, что я обладаю всем, чего только может пожелать себе человек. Я любовался тремя новенькими эсю, которые подарил мне добрый господин Рандуле. Я примерял роскошный красный пояс, пересыпал черный блестящий порох в пороховнице, пересчитал пули и, наконец, уложив все эти вещи обратно в мешок, снова взялся за свои пистолеты. Я не мог расстаться с ними. Подумать только, что это сокровище целиком принадлежало мне!

Погруженный в свои ребяческие думы, я услышал вдруг шум, заставивший меня вскочить с места. Это был звон не то бубенчиков, не то колокольцев. Очевидно, почтовая карета приближалась! Я стал пристально вглядываться в даль. Дорога была совершенно пустынна, ни признака движения на ней, ни облачка пыли. И тем не менее я отчетливо слышал все приближающийся звон колокольчиков.

Внезапно из-за изгороди цветущего шиповника показалось небольшое стадо овец. За стадом шел старый пастух; несмотря на жару, он с головы до ног был укутан в черный плащ. Увидев меня, пастух опустил голову и надвинул поглубже на лоб свою широкополую шляпу. Он сделал было шаг назад, словно желая незаметно скрыться, но его маленькое стадо уже вышло на дорогу, и старик, оглядевшись вокруг и убедившись, что я один, видимо, успокоился. Он подошел ко мне и спросил, не знаю ли я, где тут паром, на котором можно перебраться через Рону.

– Я не здешний, добрый человек, – ответил я ему.

– Кто ты, мой мальчик? Ты еще слишком молод, чтобы носить костюм национального гвардейца.

– Я патриот-федерат. Я иду в Париж с марсельским батальоном, чтобы свергнуть тирана-короля!

– Что ты говоришь? Опомнись! Свергнуть нашего доброго короля?! Как могла такая кощунственная мысль возникнуть у ребенка! Где марсельский батальон?

– Вот, видите, здесь пушки и обоз, на берегу реки отдыхает батальон, а я здесь несу караул!

– Боже праведный! – воскликнул пастух, молитвенно складывая руки на груди. – Кто заманил тебя в эту орду нечестивых?.. Кто соблазнил твою невинную душу? Слушай, дитя мое: ты на плохом пути! Эта дорога приведет тебя прямо в ад! Я сам добрый патриот, послушайся меня, брось своих марсельцев, пойдешь со мною. Ты будешь помогать мне пасти овец, а когда мы придем в Альпы, я щедро награжу тебя!

– Мне уйти из батальона! Ни за что! Можете мне сулить самые щедрые награды на свете – я ни на шаг не отойду от товарищей. Да здравствует нация! Свобода или смерть!

– Бедный, бедный мальчик! Кто так затуманил тебе голову? В таком возрасте – думать о смерти! О, бедное, заблудшее дитя! Прощай, я спешу. Я прошу тебя лишь об одном: никому не говори о нашей встрече. Да хранит тебя бог!

И пастух быстро удалился со своим стадом.

Удивленный всем происшедшим, я долго еще провожал его глазами.

Затем я вернулся к своим вещам, разложенным на настиле моста. Но мысли о странном пастухе не оставляли меня, и я не получал уже удовольствия ни от примерки красного пояса, ни от чистки пистолетов. Вдруг я услышал конский топот. Он доносился из-за зарослей шиповника, откуда несколькими минутами раньше пришел пастух и его стадо.

Я обернулся и увидел четырех национальных гвардейцев с трехцветными кокардами на треуголках, с саблями наголо и пистолетами в руках. Всадники мчались во весь опор прямо на меня, но в нескольких шагах от моста они резко осадили коней.

– Гражданин патриот, – обратился ко мне один из них, – скажи, не встретил ли ты здесь пастуха со стадом овец?

– Нет, – ответил я не раздумывая.

– Жалко, – сказал гвардеец. – Если бы ты указал дорогу, по которой пошло стадо, это была бы огромная услуга родине: этот пастух – смертельный враг революции!

Черт возьми! Зачем я сказал «нет»? Теперь я горячо сожалел об этом. Я сделал попытку с честью выйти из затруднения:

– Я не видел никакого пастуха, но припоминаю, что слышал звон бубенчиков в том направлении, за ивняком.

– Это был он! – воскликнул один гвардеец, и все четверо, круто повернув коней, помчались галопом по тропинке, по которой только что прошел старый пастух.

Я растерянно глядел им вслед, не зная, хорошо или дурно я поступил. Чем дальше я думал о происшедшем, тем больше приходил в смущение.

Уже близился вечер; солнце повисло над вершинами цепи холмов на горизонте. Отдохнувшие федераты группами подходили к мосту. Отряд должен был скоро выступить в поход.

Я не спускал глаз с ивовой рощи, в которой скрылись пастух и его преследователи. Мне казалось, что я слышу доносящиеся оттуда крики, возгласы, звон бубенчиков.

Слух не обманул меня: из рощи показались сначала красные султаны гвардейских треуголок, а затем и сами гвардейцы, окружившие старого пастуха.

Подъезжая к мосту, гвардейцы отсалютовали батальону саблями и крикнули:

– Да здравствует нация!

Федераты окружили их тесным кольцом.

– Что сделал этот человек? – спросил капитан Гарнье.

– Это предатель и изменник, – ответил один гвардеец. – Он предал революцию и изменил родине.

– Смерть ему, и да здравствует нация! – закричали федераты.

Каждый наперебой спешил внести свое предложение.

– Судить его на месте! Пусть попробует вкус марсельских слив.

– На изменника не стоит тратить порох! Хватит с него веревки.

– В реку его!

В то время как все спорили и шумели, старый пастух вдруг смертельно побледнел, пошатнулся и упал.

С помощью двух других федератов, которым, как и мне, стало жалко несчастного старика, я усадил его на настил моста, прислонив спиной к перилам. Покамест гвардейцы обсуждали, как доставить арестованного в город, если он не сможет или не захочет идти пешком, я живо достал свою фляжку с водкой и влил ему в рот два глотка.

Крепкий напиток вернул краску бледным щекам старика. Он открыл глаза и, увидев меня, тихо сказал:

– Спасибо, дитя мое!

Увидев, что пастух слаб, болен, стар, многие федераты пожалели его. Они зашептались между собой, что следовало бы отпустить старика на все четыре стороны, если только он не совершил какого-нибудь тяжкого преступления.

– Пощадите этого человека! – говорили они гвардейцам. – Смотрите, он еле дышит! Кем бы он ни был в прошлом – патриотом или врагом народа, – сейчас он не может никому причинить зла.

– Старик не опасен, говорите вы? – вскричал один из гвардейцев. – Вы сейчас увидите сами, кто этот пастух!

И, бросив поводья своего коня, он подбежал к арестованному и сорвал с его плеч бурый плащ из грубой шерсти.

Вот так так! Что же мы увидели! «Пастух» был одет в великолепный костюм из фиолетового бархата, отороченный тончайшими кружевами. На груди у него висел ослепительно сверкающий золотой крест.

Национальный гвардеец рассмеялся:

– Видите теперь, кто этот внушающий вам сострадание бедняк? Это не кто иной, как его преосвященство бывший епископ Мендский монсиньор Кастеланне. Этот умирающий старик командует двадцатитысячной армией роялистов, которая стоит лагерем под Жалле. А знаете ли вы, для чего этот предатель вырядился пастухом? Он хотел перебраться через границу, чтобы вместе с эмигрантами и иностранными захватчиками пойти войной на Францию и удушить революцию! Глядите, вот доказательство!..

И с этими словами гвардеец вырвал из рук пастуха посох и сломал его. Вместе с дождем золотых монет из отверстия выпал свернутый в трубку лист пергамента. Капитан Гарнье развернул его: это был план заговора против революции!

Весь батальон в один голос закричал:

– Ах, негодяй! В реку его! Казнить предателя!

Над головой старика замелькали кулаки. Еще секунда – и изменника растерзают, разорвут на клочки. Но гвардейцы заслонили его от негодующих федератов.

– Не трогайте его! – кричали они. – Этого человека необходимо предать живым в руки революционного трибунала.

Марсельцы с неохотой подчинились, и гвардейцы увели своего пленника.

Рран-рран-рран! – загремел барабан.

Батальон построился и снова зашагал по дороге в Париж.

Глава девятая ПОЧТОВАЯ КАРЕТА

Между тем длинный переход в полном походном снаряжении утомил даже самых выносливых. У многих на ногах вскочили волдыри. Некоторые федераты сняли сапоги и с облегчением шлепали босыми ногами по густой дорожной пыли.

Мы шли теперь по области, населенной роялистами. Местные жители встречали нас угрюмым молчанием; не раз, обернувшись, мы ловили на себе горевшие ненавистью взгляды. Казалось, все эти люди были похожи друг на друга – все толстые, неопрятные, с бледными тупыми лицами и бесцветными, водянистыми глазами. Это были скупые, жадные и недоверчивые люди. Ни один из них не улыбнулся нам, ни разу мы не слышали смеха, никто не предложил нам глотка вина. Напротив, они с нескрываемой злобой провожали нас глазами и за спиной показывали нам кулаки.

Все в этой местности было таким же суровым и неприветливым, как сами жители: и хижины с почерневшими от времени крышами, и унылые, без единого деревца, поля, засеянные однообразными рядами свеклы, гороха и бобов, и серое небо, и даже солнце, окутанное туманной дымкой, как покойник саваном.

Поэтому и наш отряд хранил угрюмое молчание. Часы проходили за часами, но не слышно было ни песен, ни разговоров. Чтобы ободрить федератов, командир батальона майор Муассон и капитан Гарнье стали ходить по рядам; они говорили, что несчастья народа кончатся навеки, как только мы придем в Париж и захватим королевский замок.

– До Парижа осталось не больше девяти дневных переходов, – утешали они нас. – В столице вас ждет обильная пища и отдых. Мы сделаем всех людей свободными, мы

отдадим весь хлеб тем, кто его сеял, все плоды тем, кто возделывал сады, все стада тем, кто их пасет!

Я не нуждался в этих ободряющих словах. Я шел бы вперед, даже если бы вместо хлеба меня ждали камни; я готов был ступать босыми ногами по битому стеклу, питаться крапивой и шиповником, и это не помешало бы мне тянуть, тянуть свою пушку с неослабевающим упорством и силой.

Мне больно было слышать, как старые федераты, бородачи, оставившие там, в Марселе, Арле или Гарбе, жен и детей, время от времени перешептывались:

– Как знать, чем все это кончится?.. Не думали мы, что до Парижа так далеко... Национальная гвардия будет против нас – все парижане за короля! Ходят слухи о том, что они решили не пускать нас в Париж – нам предложат стать лагерем за стенами города... Вот увидите, окажется, что мы напрасно тащились на край света!

Правда, такие речи произносились вполголоса, точно говорившие сами стеснялись их. Но у меня сердце сжималось от боли всякий раз, как я слышал подобные слова. Тогда, чтобы подбодрить товарищей, я во весь голос затягивал «Марсельезу». И внезапно весь батальон оживлялся, лица веселели, люди шагали бодрей. Но ненадолго...

Бесконечная, как голодный день, дорога не располагала к смеху и веселью. Мы проходили по улицам унылых городков и безрадостных селений, жители которых боялись и ненавидели нас. Они не предлагали нам даже стакана воды. Да какая там вода! Если бы взгляды могли убивать, ни один из нас не ушел бы живым!

Поднять упавший дух батальона могло только какое-нибудь из ряда вон выходящее событие.

Макон, Турню, Шалон остались позади. Мы прошли через Отен, встреченные гробовым молчанием. Проклятая страна аристократов!

Солнце склонялось к западу. Было уже около пяти часов пополудни.

Я продолжал бессленно тянуть за ремень свою пушку. Грустный и озабоченный Воклер шагал рядом со мной.

– Знаешь, Паскале, – сказал он вдруг, – меня беспокоит, что нас до сих пор не догнала почтовая карета из Авиньона. Не случилось ли с ней несчастье? Мне не терпится увидеть Лазули и моего славного Кларе! Ведь, правда, они тебе сказали, что выедут из Авиньона с первой же почтовой каретой?

– Да. Лазули говорила, что она догонит нас в пути.

– Почтовики исправно платят подать разбойничьим шайкам на большой дороге, так что те не причинят никакого вреда почтовым каретам. Но есть еще королевские карабинеры²⁵, – это разбойники почище дорожных, хоть они и носят мундир регулярной армии! Если с Лазули и Кларе не приключилось какой-нибудь беды, самое позднее завтра они догонят нас в Сольё. Мы там заночуем, ведь тамошние жители добрые патриоты...

Воклер хотел еще что-то добавить, как вдруг слева от нас, на расстоянии двух

²⁵ Карабинеры – пехотные и кавалерийские полки, вооруженные карабинами – легкими укороченными ружьями.

мушкетных выстрелов, слышались крики: «Помогите, помогите!» Голоса доносились из хижины, соломенная крыша которой как будто выросла прямо в землю.

В ту же секунду человек десять наших товарищей по батальону стремглав бросились вниз по откосу дороги и, перебежав засеянное свекловицей поле, ворвались в хижину. Крики, плач и жалобы стихли, и вскоре из дверей хижины вышли наши товарищи. Они волокли за собой толстого, как пивная бочка, монаха-капуцина, с красным, заплывшим жиром одутловатым лицом, и трех тощих желтолицых полицейских. За ними из хижины вышли старый крестьянин с женой, высохшие и сморщенные, как сушеная винная ягода, и целый выводок ребятишек, истощенных, худых, нечесанных и грязных, – точь в точь таких, каким был я сам в Гарди.

– Что значит этот шум? – строго спросил майор Муассон.

Его суровый взор был устремлен на монаха и трех полицейских, стоявших в кольце федератов.

– Это значит, – ответил Марган, никогда не лезший за словом в карман, – что эта пивная бочка, этот лопающийся от жира окорок, привел с собой трех полицейских, чтобы сначала отнять все имущество у бедного крестьянина, а затем засадить его в тюрьму за то, что он не уплатил подати за домашнюю птицу!

– Как! Здесь еще существуют подати? – вскричал долговязый Самá. – Разве они не уничтожены «Декларацией прав человека»? Кто смеет здесь отстаивать этот гнусный закон тиранов?

И, обращаясь к монаху, он продолжал:

– Разве мы не во Франции? Что ж ты молчишь, кровосос, пиявка ты этакая?

Долговязый Самá задыхался от возмущения. Видя, что капуцин не собирается отвечать, он повернулся лицом к майору и закричал:

– Эти грабители взяли в стойле последнюю коровенку у бедняка и хотели увести ее с собой!

– Позор! – закричали все мы. – Позор! Проклятые живодеры!

Уже несколько федератов подбежали к пленникам, чтобы расправиться с ними. Но майор поднял кверху руку и приказал нам замолчать. Все замерли на месте. Тогда он заговорил:

– Действительно, странно, что в революционной Франции могут твориться такие дела! Эти четыре врага народа должны быть сурово наказаны: они впрягутся в постромки нашей походной кузни и потащат ее до самого Парижа. А ты, Марган, сядешь на облучок и будешь подгонять их кнутом, если они не проявят достаточного усердия!

При этих словах монах молитвенно сложил руки на животе и перекрестился. Но Маргана это несколько не смутило. Он проворно одел на капуцина упряжь, в то время как другие федераты проделали то же самое с тремя полицейскими.

Капуцин был впряжен коренником, трое полицейских – пристяжными. Марган живо взобрался на облучок, и батальон снова выстроился в ряды.

Рран-рран-рран! – запели барабаны.

Батальон быстрым шагом тронулся в путь.

Последние ряды федератов уже скрылись в клубках пыли, а старик-крестьянин, его жена и детишки все еще стояли на краю дороги, растерянные и ошеломленные, не зная, что им делать – плакать или смеяться...

В сумерки мы, наконец, добрались до городка Сольё. За последние шесть дней пути мы не встретили ни одного человека, который дружески улыбнулся бы нам или сказал доброе слово. Все эти дни мы спали на голой земле, в оврагах, на опушках лесов. Мы утоляли жажду речной водой, иногда водой из луж, реже – колодезной, но никто нам не поднес даже глотка вина. Мы ели только сухой хлеб с чесноком и шли большую часть дороги босиком, чтобы не сносить обуви. Прошло уже двадцать пять дней с тех пор, как батальон выступил из Марсея! Все федераты обросли бородами, пыльными и всклокоченными, и только мое детское лицо было по-прежнему гладким, как яичная скорлупа. Признаюсь, меня это немало огорчало.

Мы приближались к местам, где жили добрые патриоты. Батальон ждали торжественные встречи, наш приход был всенародным праздником. Но на мою долю не оставалось ни крупинки славы: в глазах всех я был только приставшим к батальону мальчишкой, а не настоящим федератом. Я загорел, запыхался, почернел на солнце, как все мои товарищи, но, увы, у меня не было лохматой черной бороды... Я дошел до того, что стал завидовать Маргану, лицо которого было изрыто оспой...

Вдруг меня осенила идея. Пока трех полицейских и капуцина впрягали в телегу с походной кузней, я успел наполнить карманы ежевикой. Раз, два! – я раздавил несколько спелых ягод под носом, на щеках, на подбородке. Все лицо у меня стало грязно-черным. Ура! Борода готова! Веселый и довольный, я возвратился в ряды. Первым меня увидел Воклер. Сначала он не узнал меня. Затем вместе со всем отрядом стал потешаться над моей ребяческой выходкой.

Мы подошли к Сольё. Все жители городка высыпали нам навстречу с факелами, барабанами и рожками. Над толпой стоял многоголосый крик:

– Да здравствуют марсельцы! Да здравствует нация! Смерть тирану!

Вот это были настоящие патриоты! С молоком матери всасывали они ненависть к угнетателям. Они помнили – старые и малые, мужчины и женщины – все обиды, несправедливости и притеснения, которые им пришлось вынести от короля и духовенства. И они знали, что настал час возмездия!

Все колокола городка били набат. Клуб местных патриотов разжег огромный приветственный костер на площади перед церковью св. Сатурнина.

Нас ждал обильный и вкусный ужин: жареная говядина и вино – вволю того и другого.

Жалко было только, что мы с трудом понимали этих добрых людей: они говорили на северо-французском языке, в котором сам черт себе ногу сломит. Но зато, когда мы запели: «К оружию, граждане!», все они, как один человек, упали на колени, и на большой церковной площади воцарилась благоговейная тишина. Жарко разгоревшийся костер озарял кровавыми отблесками мужественные лица и отбрасывал на ветхую стену храма св. Сатурнина исполинские тени.

Я стоял, как замороженный, не в силах оторвать глаз от этого величественного

зрелища, когда ко мне подошел Воклер.

Он потянул меня за рукав и, отведя в сторону, тихо сказал:

– Пойдем на почту: карета из Авиньона должна прийти этой ночью. Мы встретим Лазули и Кларе.

Мы молча зашагали по тихим улочкам маленького города. Путь был недлинный, и вскоре, выйдя на парижскую дорогу, мы увидели фонари почтового двора.

По огромной площадке почтовой станции бродили взад и вперед кучера и конюхи, освещая себе дорогу ручными фонариками. Одни запрягали, другие распрягали лошадей, третьи нагружали телеги кладью, четвертые смазывали колеса карет, чинили упряжь, меняли чеки в оси, исправляли прочие мелкие дорожные поломки.

Мы прошли мимо просторных темных конюшен, из глубины которых доносился теплый запах конского пота, смешанный с запахом свежего сена. Лошади и мулы, громко чавкая, жевали вкусный овес.

– Видишь! – воскликнул вдруг Воклер. – Авиньонская карета прибыла! Вот она.

Мы прибавили шагу, почти побежали.

Я также узнал теперь этот красивый экипаж с высоким кузовом, выкрашенным в желтый и зеленый цвета.

Карета была пуста.

Только чей-то забытый на скамейке щенок жалобно заскулил, когда мы заглянули внутрь.

Мы бегом бросились к харчевые. В просторной кухне, ярко освещенной огнем очага, где жарились куры, утки, куски мяса на вертеле, сновали взад и вперед служанки с подносами, заставленными тарелками со всякими яствами и кружками с вином. Никто не обратил на нас внимания. Мы миновали кухню и вошли в общий зал, где за столами сидели кучера и путешественники. Прежде чем мы успели оглянуться, Лазули уже повисла на шее у Воклера и горячо его поцеловала:

– Дорогой мой Воклер! Как я соскучилась по тебе! Посмотри на нашего Кларе – он спит там в углу на скамейке. Пойдем, разбудим его. Он все эти дни только о тебе и говорил!

И она потащила за собой растроганного Воклера. Я последовал за ними, удивленный и огорченный тем, что Лазули не только не поцеловала меня, но как будто и вовсе не заметила.

Маленький Кларе спал на скамейке, укрытый косынкой. Лазули взяла его на руки, встряхнула и, поставив на ноги, воскликнула:

– Проснись, Кларе! Красавчик мой, проснись! Твой отец пришел!

Но малютка не в силах был открыть глазки. Головка его склонилась на плечо, и он продолжал спать стоя...

– Проснись, Кларе! Проснись!

Отец в свою очередь взял его на руки, подкинул к потолку, целовал его, щекоча ему шею колючей бородой, называл его ласковыми именами. Только тогда мальчик

начал просыпаться. Он открыл глазки, но яркий свет тотчас же заставил его снова плотно закрыть их рукой. Однако, голос отца дошел, наконец, до его сознания, и, улыбаясь, малютка обвил руки вокруг шеи Воклера и прижался к нему. Но на меня он даже не посмотрел.

Воклер, повернувшись вместе с Кларе ко мне, сказал сыну:

– Что ж ты не здороваешься с Паскале? Поцелуй его, Кларе!

Но Кларе с плачем испуганно откинулся назад.

– Так это Паскале? – вскричала Лазули, заливаясь смехом и хлопая в ладоши. – Бог ты мой, что это с ним приключилось? Где это ты так вывалялся в грязи, дружок? Что у тебя на щеках? Ох, проказник! Какой он черный!

Только теперь я вспомнил, что лицо у меня все еще вымазано ежевикой. Застыдившись своего ребячества, я бегом бросился на кухню, окунулся с головой в ведро воды и яростно стал тереть себе лоб, щеки, подборок, шею, чуть не сдирая кожу.

Приведя себя в порядок, я быстро-быстро побежал обратно. На этот раз Кларе и Лазули охотно обняли и поцеловали меня.

Кучер авиньонской кареты, задав корму своим лошадям, сел за соседний стол и с волчьим аппетитом начал уплетать кушанье за кушаньем, а Лазули тем временем рассказала Воклеру и мне все, что произошло в Авиньоне после нашего отъезда, и свои дорожные приключения.

– Вам ни в жизнь не угадать, – сказала она, – кто едет с нами в Париж! Неприятное соседство, что и говорить... Разумеется, за всю дорогу я и слова с ней не вымолвила.

– Кто же это может быть? – спросил Воклер.

– Это известная рыночная торговка Жакарас. Говорят, что она служила шпионкой у папского легата, да и другие темные дела за ней водятся. Конечно, мне нет до нее никакого дела, но все-таки неприятно... Да, вот еще что: она везет с собой девушку лет пятнадцати, такую славенькую и милую, что и передать невозможно. Сердце обливается кровью при виде того, как вздрагивает эта бедняжка каждый раз, когда Жакарас обращается к ней! Бедная девушка! Зачем эта ведьма везет ее с собой? В этом есть что-то странное и нечистое... Только что именно, я пока понять не могу!

– И я так думаю, что здесь дело нечисто! – сказал кучер, поворачиваясь к нам лицом и понижая голос почти до шепота. – Что эта женщина хочет сделать с бедняжкой? Мне кажется, девушка предчувствует, что ее ждет какое-то несчастье... Я забыл, как ее зовут, хотя в Авиньоне перед отъездом мне называли ее имя...

Посмотрев на часы, кучер вдруг спохватился и вскочил из-за стола.

– Ох, как поздно! Не забывайте, что через полчаса мы отправляемся, – сказал он.

И, переваливаясь с ноги на ногу, грузный и неуклюжий, как медведь, кучер отправился на конюшню задать последнюю порцию овса своим лошадям.

– Всего полчаса! – воскликнул Воклер. – Слушай внимательно, Лазули, и постарайся не забыть то, что я тебе скажу: сейчас же по прибытии в Париж, ты должна пойти к моему бывшему хозяину, столяру Планшо. Он живет в глубине тупика, на улице Сент-Антуан, в двух шагах от площади Бастилии, где остановится почтовая

карета. Спросишь кучера или первого встречного, там всякий знает переулок Гемене. Ты скажешь Планшо: «Я жена Воклера, столяра, который проработал у вас год: он скоро прибудет в Париж с батальоном марсельцев, а меня он послал вперед, чтобы снять комнату, которую он занимал, работая у вас...» Ты увидишь, старик Планшо очень обрадуется тебе и с удовольствием предоставит помещение и все, что нужно для хозяйства. Ты у него будешь жить, как дома. Если с нами случится какая беда, лучше находиться среди друзей, чем на нарах в казарме или на госпитальной койке. Запомни только адрес Планшо – это самое важное: переулок Гемене. Повтори-ка: переулок Гемене.

– Гемене, переулок Гемене, в двух шагах от площади Бастилии, – сказала Лазули смеясь. – Этого-то я не забуду. Боюсь только, что парижане не поймут моего авиньонского говора... Да не беда, буду вытягивать губы трубочкой и произносить каждое слово раздельно.

– Да, скажи мне, достаточно ли у тебя денег, Лазули? – спросил Воклер.

– Не беспокойся, хватит, я распродала все наше имущество перед выездом из Авиньона, и денег у меня больше, чем нужно.

Взяв руку Воклера, она положила ее на свой корсаж и тихо добавила:

– Чувствуешь? Я зашила монеты в подкладку корсажа. Кучер, правда, клялся, что он платит дань всем разбойничьим бандам по дороге в Париж, но я решила на всякий случай принять свои меры предосторожности...

– Ты у меня умница, жена!

И Воклер склонился, чтобы поцеловать ее. Но вдруг он резко выпрямился и насторожился:

– Что такое? Барабаны бьют сбор! Набат! Что-то случилось! Паскале, бери свое ружье. До свиданья, Лазули! Счастливого пути! Кларе, мой маленький Кларе!..

Воклер поднял ребенка на руки и, прижав его к груди, крепко поцеловал. Непрошенная слеза стекла по его загорелой щеке.

Я схватил свое ружье, саблю, ранец и, путаясь в них, наспех поцеловался с Лазули и Кларе.

Барабаны били все громче, набат отчаянно гудел. Нужно было спешить. Воклер, в последний раз целуя жену и сына, на прощание еще раз напомнил:

– Лазули, как только приедешь в Париж, тотчас же иди к столяру Планшо. Переулок Гемене. Смотри же, не забывай!

Выходя из харчевни, уже в дверях, я услышал хриплый голос Жакарас, кричавший из глубины зала:

– Эй, служанка! Поддай-ка нам еще кружку вина!

– Чтоб ты подавилась этим вином! – буркнула служанка, наполняя из бочки кружку.

Глава десятая

ТРИСТА ЛЬЕ ФОРСИРОВАННЫМ МАРШЕМ

Воклер и я во всю прыть побежали в Сольё, чтобы поскорее узнать причину ночной тревоги. Улицы и площади городка словно вымерли – мы не встретили по пути ни живой души. Слышался только стук захлопывающихся ставней и дверей да лязг запоров: то пугливые обыватели, заслышав набат, на всякий случай запирались в своих домах.

Дым от костра, столбом подымавшийся к небу, крики и песни толпы помогли нам разыскать церковную площадь.

Батальон уже выстроился в ряды, готовый к походу. Перед строем стоял какой-то всадник. Я напрягал зрение до боли в глазах, чтобы рассмотреть этого человека, но, кроме треугольной шляпы да мундира с золотыми пуговицами, ничего не видел в темноте: от огромного костра остались только пепел да почерневшие, угасшие головешки...

В это время на площадь вернулись барабанщики: капитан послал их бить сбор по всему городу. Рран-рран-рран! – трещали барабаны. Дин-дин-дон! – непрерывно били набат колокола. Толпа аплодировала, кричала, пела, редела. Под аккомпанемент этого адского шума и гула вдруг весь батальон запел «Марсельезу». Я в жизни своей не видел более величественного зрелища, чем эта тысячная толпа, тесным кольцом обступившая неподвижного всадника, который возвышался над ней, как монумент.

Но вдруг лошадь переступила с ноги на ногу, высекая искры из булыжников мостовой, и заржала, а всадник простер над толпой руку, требуя тишины.

Словно по мановению волшебного жезла, крики, пение прекратились, стих рокот барабанов, перестали звенеть колокола и над площадью нависло мертвое молчание.

Тогда всадник заговорил:

– Храбрые марсельцы! Я только что прискакал из Парижа. Страшные дела творятся в столице Франции. Контрреволюционеры, враги народа и прислужники короля, распускают слухи, что ваш батальон – это банда каторжников, бежавших из Тулона, прощелыги и подонки из Марсельского порта, корсиканские разбойники. Они

утверждают, что вы жгли, грабили и убивали все и вся на своем пути; они доходят в своей злобе до того, что клянутся, будто вы распяли у порога авиньонского клуба патриотов какого-то старого священника, что вы четвертовали епископа Мендского на мосту через Ардьер. Но всего, что они говорят про вас, не перескажешь!

Король Капет обратился к иностранцам за помощью против патриотов, кровью которых он собирается залить все уголки Франции... Тиран хочет помешать вам войти в Париж, чтобы ввести туда немецкие и австрийские войска. Он заключил с генералами, посланными к нему австрийским императором, тайный договор, договор измены и предательства. Если бы нам не удалось задержать короля в Варенне, сегодня этот предатель уже вторгнулся бы во Францию во главе стотысячной иностранной армии! Тридцать пять тысяч австрийцев пришли бы с севера, пятнадцать тысяч немцев – через Эльзас, пятнадцать тысяч итальянцев вторгнулись бы в Дофинэ, двадцать пять тысяч испанцев перевалили бы через Пиренеи и десять тысяч швейцарцев захватили бы Бургундию.

Эти черные вороны, слетевшиеся со всех сторон, чтобы заклевать Францию и революцию, хотят восстановить у нас неограниченную монархию, а тогда – горе беднякам! Прощай, свобода! Прощай, «Права человека и гражданина»!

Тиран Капет хочет теперь помешать вам вступить в Париж. Он не знает, что красные южане не страшатся ни огня, ни железа. Он не понимает, что, полные справедливого гнева, вы не успокоитесь, пока не отомстите за прошлое, пока не опрокинете трон, пока не разобьете на мелкие куски его корону! Тиран хочет направить вас вместо Парижа в Суассон. Но он не знает, ослепленный безумец, что в Суассоне вы, как реликвию, поднимете топор, которым его предшественник на троне подло казнил одного из своих солдат, и этот топор вы бережно пронесете через всю страну, чтобы срубить голову самому тирану, кровопийце и изменнику – Капету!

Вперед же, марсельцы! Вперед, славные патриоты! Вперед, вперед! Свобода или смерть!

И, выпрямившись во весь рост на стремянах, он добавил:

– Я поскачу впереди вас доложить защитникам революции и патриоту Барбару, что марсельский батальон ускоренным маршем идет на Париж. Да здравствует нация!

– Да здравствует Барбару! Да здравствует нация! – ответил ему тысячеголосый мощный крик.

Всадник прищпорил коня и во весь опор поскакал по парижской дороге. Через мгновение ночная тьма поглотила его.

Барабаны забили боевую тревогу.

Майор Муассон обнажил саблю и воскликнул:

– Дети мои! Марсельский батальон немедленно выступает в поход. Поклянемся не знать отдыха и покоя до тех пор, пока мы не дойдем до самого порога дворца проклятого короля Капета!

Федераты ответили своему командиру пением «Марсельезы»:

Вперед, вперед, сыны отчизны!

Для нас день славы настает!

И, не ожидая команды, батальон выступил в поход. Граждане Сольё восторженными криками провожали нас.

– Убирайтесь вон! Прочь отсюда! Мы обойдемся без вашей помощи! Проваливайте, чтоб духу вашего здесь не было! – закричали мы толстому монаху и полицейским.

И мы сами впряглись в пушки и, обливаясь потом, но с песней на устах, потащили телеги быстрее самых резвых коней.

К оружию, граждане! Равняйся, батальон!
Марш, марш вперед, чтоб кровью их
Был след наш напоен!

Огненная речь патриота вскружила нам голову. Никогда еще мы не шли с таким восторгом, не замечая пройденного пути, не чувствуя усталости.

Когда на мгновение стихало пенье «Марсельезы», слышались возгласы:

– Долой тирана! Мы ворвемся в его дворец!

– В Париж! В Париж! Мы придем туда назло врагам!

И мы шагали еще быстрее, и снова в воздухе звучали слова «Марсельезы»:

Вперед, вперед, сыны отчизны!..

На рассвете мы с песней прошли по улицам какого-то городка, названия которого я не запомнил. Знаю только, что именно здесь королевские войска должны были преградить нам путь. Однако улицы были совершенно пусты, и никто не вышел нам навстречу.

Мы пели так громко, что, казалось, дрожали самые стены домов:

Так трепещите же, тираны,
И вы, предатели страны!
За ваши гибельные планы
Теперь ответить вы должны!

Самá поднял над головой плакат «Права человека». Но некому было полюбоваться им – улицы опустели. Вдруг Самá заметил на пороге церкви причетника, отпировавшего дверь. Он бросился к нему, заставил растерявшегося старика поцеловать плакат, ворвался в церковь, приложил «Права человека» по очереди к

губам всех каменных и деревянных святых и только после этого подвига, запыхавшись, возвратился на свое место в рядах.

Когда солнце рассеяло туман и стало припекать нам головы, мы на несколько минут остановились на берегу ручейка и наспех закусили хлебом с чесноком. Затем мы снова стали в ряды и пошли вперед с такой быстротой, словно удирали от погони.

Перед заходом солнца мы подошли к городку Санс. Но мы не остановились здесь ни на миг: на ходу утолив голод неизменным хлебом с чесноком, мы прошагали по узким и кривым улочкам.

Этот форсированный марш без отдыха и остановки длился семь дней и семь ночей; многие из федератов уже еле плелись; они с трудом переставляли окровавленные, распухшие ноги. Люди умирали от усталости, но не хотели сдаться и не выходили из рядов. Чтобы задержать стоны и крики боли, они, не переставая, пели «Марсельезу».

Настал момент, когда истощились последние запасы хлеба и чеснока. У всех были пустые сумки. В тот день мы проходили через Мелен. Жители этого маленького городка оказались приверженцами аристократов. Неудивительно поэтому, что городские власти сначала отказали нам в пище. Но, напуганные нашим решительным видом, они в конце концов согласились выдать по два хлеба на человека.

В ожидании пищи мы три часа простояли у ворот города, а когда рацион был доставлен, несмотря на страшную усталость, мы сплясали такую фарандолу, какой еще никогда не видел этот чванный городишко.

Когда хлеб был роздан, майор Муассон сказал:

– Друзья мои! Последний раз вы получаете походный рацион хлеба. Кушайте на здоровье! Через два дня, может быть даже раньше, вы узнаете вкус парижского хлеба... и скажете тирану, как он вам понравился!

Весь следующий день мы шли лесом. Глядя на высокие дубы и буки, я воображал себя в горах Венту. Лес был такой тенистый, а трава такая свежая и мягкая, что мы решили сделать здесь короткий привал. Люди уселись на пни и коряги или растянулись прямо на земле. Вдруг мы услышали какой-то странный шум – не то рокот, не то стрекотание. Мы удивленно переглянулись. Никто не понимал, откуда доносится этот шум.

– Где-то поблизости пролетает саранча, – сказал долговязый Самá.

И все стали оглядываться, ища саранчу.

– Нет, это землетрясение, – возразил Марган.

– Пустое! Землетрясение не может продолжаться так долго. Да и земля не трясется.

– А все-таки шум исходит из самой земли, – настаивал Марган.

– Нет, нет, – возразил один федерат, – мне кажется, я слышу человеческие голоса и орудийную пальбу в отдалении.

– А я думаю, – сказал другой, – что это шум падающей с высоты воды; вот так же шумит Воклюзский водопад у меня на родине.

– Если бы мы не ушли так далеко от Марселя, – сказал третий, – я бы присягнул, что это морской прибой. Точно так шумит море, разбиваясь о рифы вблизи Нотр-Дам-де-ла-Гард. – Лишь бы это не была армия аристократов, вышедшая нам навстречу, чтобы преградить дорогу в Париж! – хмуря брови, сказал капонир Пелу.

Майор Муассон, улыбаясь, слушал этот разговор.

– Ну, полно, полно, – сказал он, наконец, – если бы я не знал, что вы марсельцы, я подумал бы, что вы деревенские простаки из Марш! Шум, который так вас занимает, это не шум саранчи, не шум землетрясения, не шум водопада, не шум морского прибоя, не шум вражеской армии. Дорогие товарищи, хотите вы знать, что это за шум? Это шум большого города, шум Парижа, который мы сейчас увидим. Этот шум складывается из тысяч и тысяч городских шумов – звуков молотов, ударяющих по наковальням, голосов толпы, выкриков уличных торговцев, стука колес экипажей по булыжной мостовой, смеха, рыданий, возгласов восторга и гнева сотен тысяч жителей столицы Франции. В этом шуме слились и звонкий голос Свободы, и искренний голос Равенства, и нежный голос Братства. Увы, к этому хору примешиваются хриплые и лживые голоса лжи, эгоизма – голоса деспотической и гнусной тирании! Знайте, друзья мои, этот шум Парижа, смесь плача и смеха, песни и рыданий, слышен за пять лье от города, откуда бы вы к нему ни подходили – с севера, юга, запада или востока!

Майор еще не успел закончить своей речи, как весь батальон уже был на ногах. Куда девалась усталость! Люди проверяли ружья, собирали сложенные на землю ранцы, смеялись, пели, кричали...

– Мы всего в пяти лье от Парижа!

– Да здравствует революция!

– Да здравствует Марсель!

– Да здравствует Тулон и Авиньон!

Федераты срывали ветви с дубов и украшали ими пушки, дула ружей, шапки. Потом весь батальон с огромным подъемом запел «Марсельезу».

Барабанщикам не пришлось бить сбор: все и без того стали на свои места раньше, чем командир отдал приказ о выступлении. И вот батальон снова тронулся в путь среди пения и радостных возгласов:

– Париж! Париж! Мы в Париже.

Общее возбуждение улеглось только после того, как мы вышли из тенистого леса.

Когда мы очутились на дороге, майор Муассон острием сабли указал нам на серую волнистую линию, видневшуюся вдали. Приглядевшись, мы увидели на горизонте силуэты башен, колоколен, островерхие крыши высоких зданий, окутанные легкой дымкой тумана.

– Это Париж! – сказал майор.

Весь батальон замер на месте. Люди молчали, не сводя глаз с огромного города. Какой-то клубок подкатывался к горлу, мешая запеть «Марсельезу». Некоторые украдкой смахивали слезу со щеки.

Но майор дал знак барабанщикам, и грохот барабанного боя внезапно вернул нам голоса; весь батальон, словно по команде, запел:

Вперед, вперед, сыны отчизны,
Для нас день славы настает!

Сосредоточенные, полные грозной решимости, мы снова тронулись в путь. Батальон не шел теперь, а бежал.

Перед заходом солнца мы подошли к какому-то селению на берегу реки, названия его я не помню. Вдруг, откуда ни возьмись, навстречу нам высыпала толпа. Размахивая руками и подкидывая вверх шапки, люди кричали:

– Да здравствуют марсельцы! Да здравствуют патриоты!

Майор, капитан, Самá, Пелу, Марган, а за ними и все федераты, расстроив ряды, кинулись в объятия этих людей. Все плакали, обнимались, целовались. Старые федераты рыдали, как дети, обнимая Барбару, Дантона²⁶, Сантерра²⁷...

Жители селения, все добрые патриоты, тесным кольцом обступили батальон. Женщины и дети целовали нам руки. Барбару, знаменитый депутат от Марселя, великий оратор Барбару, перецеловал нас всех поочередно и сказал:

– Завтра, чуть займется день, мы вступим в Париж и отправимся ко дворцу тирана! Вот Сантерр, командир Национальной гвардии. Он обещал вывести навстречу вам сорок тысяч национальных гвардейцев, готовых вместе с вами кричать: «Свобода или смерть!»

– Да здравствует Барбару! – кричали мы все.

– Да здравствует Сантерр! – добавили некоторые.

Но многим из нас, и мне в том числе, Сантерр не понравился: он не плакал, как Барбару и Дантон, он никого не поцеловал и никому не пожал руки. У этого человека был какой-то хитрый взгляд, и нам показалось подозрительным, что он хихикал, когда мы обнимали друг друга и плясали фарандолу.

Мы тотчас же сдружились со славными жителями пригородного селения. Они наперебой приглашали федератов. Кто тащил к себе двоих марсельцев, кто троих; эти люди чуть не передрались между собой из-за нас. Краснобай Марган и я попали в дом к одному садовнику. Угостил он нас на славу. Зная, что южане любят овощи, он подал на стол помидоры и раннюю спаржу, которые мог бы продать на вес золота в Париже. Это было просто райское кушанье! Можно себе представить, с каким восторгом

²⁶ Дантон Жорж-Жак (1759–1794) – в годы, предшествовавшие революции, был известным парижским адвокатом, связанным с буржуазными кругами. В начале революции Дантон пытался возглавить массовое народное движение в борьбе с феодализмом и в 1791–1792 гг. выдвинулся как один из активнейших деятелей Французской революции. Вместе с тем Дантон боялся самостоятельных действий масс, и при последовавшем дальнейшем углублении революции стала все больше проявляться его двойственная роль. Вскоре Дантон сделался выразителем интересов разбогатевших во время революции спекулянтов и дельцов и выступил противником революционного террора. Пятого апреля 1794 г. он был казнен по обвинению в заговоре против революционной диктатуры. Позднее стали известны его связи с королевским двором.

²⁷ Сантерр Антуан-Жозеф (1752–1809) – по профессии пивовар. Во время революции выдвинулся благодаря своей руководящей роли в ряде народных выступлений. После переворота 10 августа 1792 г. сделался начальником Парижской национальной гвардии. Впоследствии разбогател на спекулятивных сделках и отошел от политической жизни.

уписывали эту вкусную еду мы, которые в течение долгих недель питались только черствым хлебом с чесноком, утоляя жажду водой из придорожных луж!

После ужина садовник уложил нас спать на постелях, на настоящих мягких постелях! Какой короткой показалась нам эта ночь!

В два часа пополуночи – за час до рассвета – барабаны забили сбор. В селенье застучали ставни, слышался лязг отпираемых замков, и из всех дверей стали выходить федераты, на ходу оправляя за спиной ранец и одевая на плечо ружье. В ту минуту, когда первые лучи солнца позолотили верхушки тополей и ранние птички начали свою утреннюю переключку, наш батальон тронулся с места, чтобы совершить торжественное вступление в Париж.

Барбару, Дантон и несколько других депутатов Национального собрания шли во главе отряда. За ними барабанщики, выбивающие дробь: «На приступ!», две пушки и походная кузница и, наконец, весь батальон в походном строю, с саблями наголо и заряженными ружьями наизготовку.

Клянусь свободой, встретиться нам в эту минуту тиран со всей своей свитой, гвардией, швейцарской стражей и жандармами – мы разорвали бы его в клочья!

Я нашел в карманах две ягоды ежевики. Быстро-быстро я сделал себе подобие усов – обидно будет, если парижане примут меня за ребенка.

Вот и первые дома столицы... Какие громадины! Самые маленькие из них поднимались выше шпиля нашей деревенской колокольни. Нужно было закидывать голову назад так, что шейные позвонки хрустели, чтобы увидеть их крыши.

Долговязый Самá не преминул, конечно, поднять над головой плакат «Права человека», а весь батальон, словно по команде, грянул «Марсельезу».

Навстречу нам шли толпы парижан. Ребятишки кружились вокруг нас, плясали, пели, перекликались, женщины из народа с сине-бело-красными кокардами в волосах, ремесленники, рабочие, солдаты – все хлопали в ладоши, все кричали: «Да здравствуют марсельцы» и расступались по краям дороги, оставляя нам свободный проход. Радостные возгласы и клики с каждой минутой становились все громче. В воздухе мелькали поднятые для приветствия руки. Сразу видно было, что парижане – это добрые патриоты...

Но по мере приближения к центру города скромные дома предместий сменялись дворцами аристократов, и вместе с обликом зданий менялся и облик толпы. Все чаще навстречу нам попадались роскошные кареты с лакеями в шелковых чулках на запятках. Всякий раз, когда Самá видел в толпе лощеную физиономию, пудренный парик и холеные белые руки в кружевных манжетах, он, расталкивая встречных, кидался к аристократу и заставлял целовать свой плакат «Права человека», не взирая ни на какие протесты.

За спинами толпы, расступающейся в стороны, чтобы освободить нам проход, мы видели несколько раззолоченных носилок, обитых внутри шелком и бархатом. Два лакея в треугольных шляпах и расшитых золотом ливреях – один спереди, другой сзади – несли такие носилки. За стеклянными дверями мы видели то раздетую даму, всю в кружевах и лентах, то высохшее личико какого-нибудь старого аристократа, то одутловатые щеки толстого прелата в нарядной рясе. Но беда, если у лакея, дамы или вельможи не было трехцветной кокарды! Мгновенно несколько федератов бросались к

носилкам и заставляли испуганных аристократов тут же прицепить кокарду, которую со смехом и шутками жертвовали рабочий или женщина из народа.

Все это делалось на ходу, наспех, не задерживая ни на секунду торжественного марша батальона, прокладывавшего себе дорогу среди взволнованной, шумящей толпы. Пропустив батальон, народ бежал вслед за ним.

Пятьсот охрипших от усталости глоток пели припев «Марсельезы». От мощных звуков дрожали стены высоких зданий.

К оружию, граждане! Равняйся, батальон!
Марш, марш вперед, чтоб кровью их
Был след наш напоен!

Теперь этот гимн поют уже не пятьсот, но пять, десять, двадцать тысяч человек. Не только стены дрожат – дрожат сердца, замирает дыхание, мурашки пробегают по спине, и слезы навертываются на глаза при виде десятков тысяч поднятых вверх рук, сверкающих взоров и раскрытых ртов, поющих одни и те же незабываемые слова!

Я охрип от криков и пения. Обессиленный и изнеможенный, скрючившись от усталости и почти касаясь руками земли, я продолжал тянуть телегу с походной кузницей. Время от времени я оборачивался, чтобы поглядеть на взволнованное и грозное людское море, катившее свои волны вслед за нами. Казалось, позади нас все пришло в движение: бегут деревья, дома, мостовые и самые улицы. В воздухе стоял оглушительный шум, как будто верхушка горы сорвалась с своего места и с грохотом катилась вниз по склону, круша все и вся на своем пути и сотрясая землю.

Бурная лавина докатилась до площади Бастилии. Не отделимый от окружающей его толпы, батальон шагал по площади. Развалины Бастилии были усеяны тысячами кричащих, жестикулирующих, аплодирующих парижан. На гребнях разрушенных стен, на кучах камня, на выломанных из мостовых плитах, на вывороченных балках, на взорванных фортах, в окнах камер, открытых всем четырем ветрам, – всюду теснились люди, плечо к плечу, голова к голове...

Не переставая ни на минуту петь и тянуть телегу, я глядел на это сборище приветствующих нас людей, и голова у меня шла кругом.

И вдруг что я увидел! Там, наверху, на выступе стены, стояла Лазули, держа на плечах маленького Кларе. Она смеялась и плакала и вместе со всей толпой кричала: «Да здравствуют марсельцы!» Сердце мое вдруг перестало биться: рядом с Лазули я увидел бледную, красивую, молодую девушку. Она прижималась к Лазули, словно искала у нее защиты. Это была мадемуазель Аделина, моя спасительница!

Глава одиннадцатая В ПАРИЖЕ

Аделина рядом с Лазули?! Я хотел остановиться, чтобы удостовериться, что зрение не обмануло меня. Но толпа неудержимо увлекала меня вперед. Я попробовал обернуться, но тотчас же передок телеги толкнул меня. Прошло еще мгновение, и я потерял из виду дорогие лица.

Чтобы побороть волнение, я еще сильнее налег на ремень и во весь голос запел вместе с товарищами: «К оружию, граждане!..»

Но что произошло там, впереди?

В начале улицы Сент-Антуан, преграждая нам дорогу, стояли парижские национальные гвардейцы. Это был отряд Сантерра. Он вышел навстречу нам, но не с сорокатысячной армией, как обещал, а всего с двумястами гвардейцев.

Сантерр убеждал нашего командира не пытаться идти к королевскому дворцу: ничто, мол, не готово, и пушки, которые мы должны были мимоходом захватить у городской ратуши, надежно охраняются по распоряжению мэра Петиона. Петион сделал то, Петион сделал это, а в общем сегодня делать нечего! К тому же Национальное собрание не успело обсудить вопроса. Не помню, какие еще доводы привел Сантерр, чтобы удержать нас от решительных действий, да это и неважно...

Важно то, что мы пошли не к королевскому дворцу, а к отведенной нам казарме. Двести гвардейцев господина Сантерра стали во главе колонны, а мы, послушные, как стадо ягнят, последовали за ними.

Толпа, которая ждала от нас решительных действий, видя, что мы сворачиваем в сторону от дворца тирана, разочарованно вздохнула и рассеялась. Мы зашагали по кварталам, населенным аристократами.

На каждом шагу нам встречались теперь роскошные кареты, раззолоченные носилки, завитые и напомаженные франты, дамы в шелках, бархате и кружевах. Аристократы презрительно усмехались, глядя на нас. Это приводило в неопишемую

ярость Самá и Маргана. Они бросались к дверцам экипажей и носилок, насильно заставляли седоков целовать плакат с «Декларацией прав человека и гражданина», срывали с них белые кокарды и требовали, чтобы они кричали: «Да здравствует нация!» Расфуфыренные дамы, надушенные франты пугались при виде этих дюжих молодцов с черными лицами, выгоревшими бровями, сверкающими, как угли, глазами с острыми белыми зубами и звонкими голосами. Аристократы понимали, что с марсельцами шутки плохи, и дрожащими голосами возглашали:

– Да здравствует нация! Смерть тирану!

Мы поняли, что Сантерр обманул нас. Обитатели этих кварталов не стояли у порога своих домов, не смотрели на нас из окон и с балконов, не аплодировали нам и не встречали нас приветственными кликами. Напротив, отовсюду до нас доносился стук закрываемых дверей, шум захлопываемых ставней и лязг запираемых замков.

И все-таки наши барабаны, не смолкая, били «На приступ!» и звуки «Марсельезы» не стихали ни на мгновенье.

Охрипшие и потные, взволнованные и возмущенные, мы, наконец, подошли к своей казарме, в самом центре Парижа, среди лабиринта домов и улиц, вдали от Национального собрания, вдали от дворца тирана, вдали от всего! Ах, негодяй Сантерр!

Вказарме Сантерр обратился к нам с длинной речью. Но он говорил по-французски, и мы поняли не больше половины того, что он сказал. Мне кажется, он хотел объяснить нам, почему мы сразу не пошли ко дворцу тирана. Затем, чтобы задобрить нас, он сообщил, что вечером в нашу честь будет устроено празднество на Елисейских полях. Но Сантерр не принял в расчет Маргана, который, не дав ему закончить речи, закричал:

– Послушайте-ка, господин парижанин, извините, что перебиваю вас. Но вам не мешает накрепко вколотить себе в башку, что мы пришли в Париж не для того, чтобы обжираться на банкетах! Мы прошли триста лье по пыльным дорогам, под палящим солнцем не ради вашей пирушки на Елисейских полях. Мы пришли сюда, чтобы стащить короля с его трона и спасти родину. Ради этого мы пришли сюда, и ни для чего другого! Если вы думаете помешать нам в этом, берегитесь! Предупреждаю вас...

Но Барбару, видя, что Марган закусил удила и несется без оглядки, остановил его:

– погоди, погоди, друг Марган! – сказал он. – Ты, конечно, прав. Но послушай, что скажет патриот Дантон. Ты увидишь, он быстро примирит нас!

Дантон вскочил на стол и заговорил. Полчаса его речь лилась, как водопад, не останавливаясь. Жалко было, что он говорил по-французски и мы, провансальцы, не все понимали. Но все же мы почувствовали, что он говорит хорошо. Ему мы от души кричали браво и хлопали в ладоши, не то что Сантерру! А когда Дантон кончил свою речь, Барбару бросился к нему в объятия, и они поцеловались перед всем народом. Коротко говоря, они обещали повести нас к королевскому дворцу не позже, как через три дня!

Тем временем нам роздали по хлебу, по куску ветчины и по бутылке вина. Было уже около двух часов пополудни, и нас терзал голод.

Воклеру, так же как и мне, не терпелось поскорей свидеться с Лазули.

Вооружившись саблями и пистолетами, мы вышли на улицу и пошли к дому столяра Планшо в переулке Гемене, возле площади Бастилии. Ружья и ранцы мы оставили в казарме.

Улицы напоминали взволнованное море. Двери и окна домов снова растворились. На мостовой стояли группы оживленно переговаривающихся людей. Когда мы приближались, разговоры смолкали, люди оборачивались и не спускали с нас глаз, пока мы не скрылись из виду.

Но мы ни на что не обращали внимания, так как очень спешили. Держа одной рукой рукоятку сабли, а другую засунув за кушак, поближе к заряженному пистолету, мы шли посредине улицы, готовые в случае нападения пулями пробить себе дорогу.

Я не решался сказать Воклеру, что видел Аделину рядом с Лазули: порой я сам начинал сомневаться, не привидилось ли мне это от голода, усталости, шума и нескончаемого движения толп.

После долгого хождения по площадям, улицам и переулкам мы без всяких приключений добрались до дверей дома столяра Планшо.

Воклер постучал в дверь. Слышно было, как внезапно за дверью перестала визжать пила, и на пороге дома показался сам Планшо. С первого же взгляда он узнал Воклера, но вместо того, чтобы пожать ему руку и поздравить с благополучным прибытием, Планшо вдруг повернулся и убежал в дом, крича во весь голос:

– Лазули, Лазули! Пришел компаньон²⁸ Воклер!

И тотчас же сверху послышался голос Лазули:

– Отец пришел, Кларе! Идем скорее!

Маленький Кларе закричал:

– Папа, папа!

Мы столкнулись на лестнице. Объятия, поцелуй!.. Кларе повис у отца на шее и не хотел его отпускать.

– А у нас прибавление семейства! – вдруг сказала Лазули. – Ты помнишь Аделину, Паскале? Она освободила тебя из подвала, неужели забыл? Так вот, она теперь живет у нас. Не хвастаясь, скажу, что я вырвала ее прямо из объятий смерти. Вы увидите, какая это несчастная и милая девушка. Потом я вам расскажу ее историю. Бедняжка! Мы ехали вместе с ней из Авиньона в Париж, и я вся измучилась, глядя, как жестоко с ней обращалась эта злюка Жакарас!

Неумолчно болтая, Лазули повела нас вверх по лестнице и, остановившись на пороге комнаты, улыбаясь, спросила мужа:

– Ведь, правда, Воклер, ты думаешь так же, как и я: где пищи хватает на троих, там прокормится и четвертый?

Слушая Лазули, я очень взволновался. Ноги у меня заплетались, я с трудом поднимался по лестнице, спотыкаясь на каждой ступеньке. А ведь я только что

²⁸ Компаньон – товарищ. Компаньонами во Франции назывались союзы подмастерьев, организованные для борьбы за лучшие условия жизни.

закончил двадцатисуточный переход! Под знойными лучами солнца, при ветре, при утренней росе и вечернем тумане я, как упряжное животное, тащил тяжелую телегу по плохим дорогам. Но стоило мне услышать имя пятнадцатилетней девочки, и у меня подкосились ноги!..

Вот, наконец, Аделина! Она бледна, как восковая свеча, ее большие красивые глаза заплаканы и глядят грустно-грустно...

Глядя на Аделину, я вижу родную деревню, нашу хижину в Гарди, мать, отца. Простенькое платье девушки пахнет не то гвоздиками, не то лютиками, растущими на склонах гор, которые окружают нашу деревню. Эта нежная ручка дала мне первый кусок белого хлеба в моей жизни; она же раскрыла передо мной двери подвала, который едва не стал для меня могилой...

Аделина была так же взволнована, как и я. Она обняла меня и нежно поцеловала. Но вдруг она дрогнула. Я едва успел подхватить ее – она была в обмороке.

Лазули живо взяла ее на руки и отнесла в темную каморку на постель.

– Ничего, ничего! – сказала Лазули. – Не пугайтесь! Оставьте меня с ней, и обморок сейчас пройдет. Бедняжка столько выстрадала!

Мы остались в кухне, не смея ослушаться приказа Лазули, и она унесла на руках девушку, словно охапку полевых цветов.

Бим, бам, бим, бам! – это стучат на лестнице деревянные сабо Планшо. Согласно уставу компаньонов старик побежал принарядиться: одел пудренный парик, воскресное платье и треуголку, чтобы должным образом приветствовать компаньона. Только теперь Воклер понял, почему Планшо раньше не поздоровался с ним. Бригадир сделал условный знак рукой и ногой, Планшо ответил другими условными знаками, и только после этого компаньоны обнялись.

– Как поживаешь, авиньонец?

– А ты как, старый друг?

И они наперебой начали рассказывать друг другу разные разности, вспоминали товарищей, делились новостями.

Но приход Лазули прервал изливания компаньонов.

Став спиной к Планшо, Лазули прижала палец к губам. Воклер понял, что нужно держать язык за зубами. Что хотела скрыть от старого друга Лазули? Воклер никак не мог догадаться, но решил быть настороже.

Лазули сказала:

– Теперь все в порядке. Видите ли, Планшо, нашей дочке стало дурно. Сами понимаете, жара, волнение при встрече с отцом... Но сейчас ей лучше, она уже пришла в себя...

– Дочка-то у вас слабенькая, – ответил Планшо. – Она такая худенькая, бедняжка!

И, похлопав по щеке Кларе, он добавил:

– А вот это – настоящий мужчина. Небось, он не последует примеру сестры и не упадет в обморок от страха при виде красных южан! Ты знаешь, что они добрые патриоты!

Лазули отчаянно моргала глазами во время его речи, чтобы мы не сболтнули чего-нибудь. Не замечая этого, Планшо обратился к ней:

– Послушайте, Лазули, не нужно ли вам чего-нибудь для дочки? Не стесняйтесь, ведь мы компаньоны с Воклером, и оба красные, к тому же. Ведь вы здесь у себя дома! Я не стал бы предлагать вам это, если бы вы были аристократами. Ненавижу прислужников тирана, которые мечтают о приходе немцев, австрийцев, черта, дьявола, только бы задавить революцию и погубить родину! Но я тут заболтался, а вы, верно, устали и хотите отдохнуть... Прощайте, я спущусь в мастерскую: уйма спешной работы, а помощников у меня нет!

И, отозвав Воклера в сторону, на площадку лестницы, он тихо добавил:

– Мне дали заказ на семь гильотин²⁹. Я должен их сдать не позже, как через пятнадцать дней.

Бим, бам, бим, бам! – снова деревянные сабо Планшо застучали по ступенькам лестницы.

Лазули закрыла двери комнаты, поставила на стол бутылку муската и печенье и, усевшись напротив Воклера, начала свой рассказ.

– Помните, – сказала она, – в Сольё я вам говорила, что Жакарас везет с собой какую-то девушку? Когда барабаны забили сбор и вы ушли, я вернулась с Кларе в почтовую карету. Жакарас и девушка подошли несколько позже. Я заметила, что Жакарас мертвецки пьян: она еле держалась на ногах, и от нее шел запах винного перегара. Поднимаясь в карету, она поскользнулась и растянулась на земле. Мы с трудом подняли Жакарас на ноги. Девушка следовала за ней, роняя крупные слезы. Бедняжка была напугана до такой степени, что не смела даже громко плакать. Мы все сочувственно глядели на нее и знаками старались ободрить ее. Это зрелище просто удручало нас, и все-таки никто не осмелился выступить в ее защиту.

«Я узнаю, кто эта несчастная девочка, – подумала я, – и постараюсь спасти ее от этой ужасной женщины».

Я уселась рядом с ней, напротив Жакарас. Пьяница захрапела, как только карета тронулась с места. Пользуясь этим, я приблизила в темноте губы к уху молодой девушки и шепотом спросила ее:

– Что с вами, малютка? Почему вы плачете? Какое у вас горе? Поделитесь им со мной; если я смогу, я постараюсь помочь вам.

– Спасибо, сударыня, – ответила она дрожащим голосом, – вы очень добры, но от моего горя нет лекарства. Эта женщина замыслила что-то дурное... Не знаю, что она со мной сделает, но предчувствую печальный конец. И подумать только, что моя мать поручила ей сопровождать меня в Париж!

– А кто ваша мать, милочка?

– Я дочь маркиза д'Амбрена. Меня зовут Аделина. Мой отец и брат Роберт поехали в Париж. Я была больна после пережитого испуга, и меня оставили на попечение этой женщины. Уезжая, мать поручила ей, как только я оправлюсь от

²⁹ Гильотина – машина для обезглавливания людей, усовершенствованная доктором Гильотеном. Введена во Франции в 1792 г.

болезни, отвезти меня в Париж. Не знаю только, довезет ли она меня живой до места... А если и довезет...

– То вы будете спасены, – сказала я. – Мать любит вас и...

– Конечно, мать любит меня. Но у нас в доме живет один злой человек, телохранитель отца... Эта женщина, Жакарас, и он уговорились погубить меня! А мои родные, мать в особенности, души в нем не чают. Она, обычно такая добрая и чуткая, однажды ударила меня, потому что я сделала замечание этому человеку. С того дня я боюсь его больше, чем Жакарас. Я не сомневаюсь, что Жакарас и он поклялись погубить меня. Что мне делать?

При этих словах бедняжка снова разрыдалась. У меня сердце защемило от боли, я сама не смогла удержать слез. Долгое время мы сидели, обнявшись, и вместе плакали.

Теперь я знала, с кем имела дело. Я знала, что это Аделина спасла от смерти нашего Паскале, и потому я решила во что бы то ни стало вырвать ее из лап Сюрто и Жакарас. Пьяная торговка продолжала храпеть, я тихонько сказала девушке:

– Вы сами видите, я простая женщина, и все мое богатство – это мои две руки. Но, как я ни бедна, я, не задумываясь, приютила Паскале, которого вы спасли от Сюрто. Хотите, я дам приют и вам? Мне жалко вас, бедняжку!..

Аделина бросилась ко мне на шею, горячо поцеловала меня и быстро-быстро зашептала:

– О да! Спасите меня! Я последую за вами, куда вам будет угодно... Эта женщина уже несколько раз грозилась зарезать меня!..

– Тише, – сказала я Аделине, – так вы разбудите ее!.. Давайте условимся, моя дорогая: я помогу вам спастись от этой женщины и выдам вас за свою дочь!

– Я сделаю все, что вы прикажете! Я верю вам и знаю – вы добрая женщина! Ведь вы приютили бедного Паскале!

– Тише, – еще раз сказала я. – Жакарас, кажется, просыпается. Кстати, и заря занимается. Не забудьте, что я вам сказала!..

Жакарас зевнула, и внутренность кареты сразу наполнилась противным запахом винного перегара. Пот струйками стекал по ее отвислым щекам на тройной подбородок. Торговка недоуменно озиралась, словно она не могла понять, где находится.

Аделина не плакала больше. Время от времени она украдкой бросала на меня быстрый взгляд, как будто спрашивая: «Правда, что вы меня вырвете из когтей этой ужасной женщины?»

Наша карета быстро катила вперед. Она останавливалась на почтовых дворах только для того, чтобы сдать и принять почту. Но, как ни кратки были эти остановки, Жакарас всякий раз успевала выпить кружку вина или большой стакан водки у стойки трактира. Чем ближе мы подъезжали к Парижу, тем больше и больше она пьянела. Случалось, что, возвращаясь из трактира, она подолгу не могла вскарабкаться обратно на свое место в карете.

– Это хорошо, что она так напивается, – говорила я Аделине. – Тем легче нам будет отделаться от нее в Париже!

Бедная девушка с благодарностью и надеждой смотрела на меня.

Я воспользовалась очередной отлучкой Жакарас на одной из остановок, чтобы посвятить кучера в наши планы. Этот славный малый, – вы видели его в Сольё, – ответил мне:

– Я рад, что вы решились на это! Я с большим удовольствием помогу бедной девочке. Вот как мы сделаем. В Париже я остановлю карету перед кабачком «Золотое солнце». Жакарас, конечно, побежит к стойке. Я пойду за ней и угощу ее лишним стаканчиком водки. Пока мы будем пить, вы выйдете из кареты и скроетесь. О вещах не беспокойтесь: я спрячу их, а на следующий день вы получите их у меня на почтовой станции.

Не прошло и двух дней после отъезда из Сольё, как вечером, перед заходом солнца, мы увидели Париж. На площади Бастилии, которую революция переименовала в «Площадь славы», почтовая карета остановилась перед кабачком «Золотое солнце». Кучер открыл дверцу и, мигнув мне глазом, громко спросил:

– Кто поднесет стаканчик водки кучеру?

– Я, я, – поспешно ответила Жакарас.

Она совсем охрипла от непрерывного пьянства. Шатаясь, она поднялась со своего места и, наступая на ноги другим пассажирам, пошла к выходу из кареты. Кучер помог ей спуститься на землю и, взяв под руку, повел в кабак.

Настал удобный момент. Я сделала знак Аделине, взяла на руки Кларе, и, оставив на месте все вещи, мы быстро вышли из кареты. Остальные пассажиры провожали нас удивленными взглядами. Через полминуты мы уже смешались с густой толпой, сновавшей по площади.

Бегство удалось. Теперь оставалось только узнать дорогу к дому столяра Планшо.

Спросив у первого встречного, как разыскать переулок Гемене, мы бросились бегом в указанном направлении, часто оборачиваясь, чтобы удостовериться, что Жакарас не следует за нами. Но, к счастью, ее не было видно.

Двери нам открыл сам Планшо. Я назвала себя и, указывая на Аделину и Кларе, сказала:

– Это дети Воклера.

Планшо и его жена Жанетон приняли нас, как родных. И не прошло и получаса, как мы сдружились с ними так, словно всю жизнь были знакомы. Мы не уставали рассказывать, а они – слушать о нашей родине, о тебе, Воклер, о марсельском батальоне, который должен был скоро прибыть... Теперь вы сами понимаете, что нужно сохранить тайну Аделины и продолжать выдавать ее за нашу дочь.

– Ты права, Лазули, – сказал Воклер. – Я хорошо знаю Планшо, – это добрейший человек. Но, если бы он узнал, что Аделина – дочь маркиза, он поднял бы невероятный шум и способен был бы выгнать ее из дому.

Обернувшись ко мне, Воклер добавил:

– Держи язык за зубами, мой мальчик! Для этой девочки вернуться в свою семью – значит сунуть голову прямо в волчью пасть! Мне кажется, что Жакарас, Сюрто и старая маркиза – одна шайка. Эта тройка, надо думать, решила известить маркиза

д'Амбрена, Роберта и Аделину, чтобы завладеть наследством. Мне нет дела до маркиза и его сына – пусть погибают, они это заслужили. Но Аделину мне жалко, и мы ее спасем!

В это время раздался стук в дверь, и в комнату вошла жена Планшо. Снова начались объятия, поцелуи, рукопожатия, расспросы. Затем Жанетон затараторила:

– Вот молодцы! Ай да наши красные южане! Они ничего не боятся! Не то, что эти дохлые парижане! У здешних холодная кровь, как у рыб. Они сами не знают, чего хотят. Вот языком они умеют молоть без устали! В этом деле они мастера. Надеюсь, вы не последуете их примеру, и, если вам удастся захватить Капета в его дворце, вы не удовольствуетесь тем, что покажете его народу из окна³⁰, как это сделали они! Да, вот о чем я хотела вас предупредить: ваши товарищи идут сегодня на празднество в Елисейские поля. Знайте, что там соберутся и аристократы; они будут задираТЬ вас, чтобы вызвать скандал. Они вооружены до зубов и готовы на все. Следите за ними хорошенько, не спуская глаз. И не говорите мне потом, что вас застали врасплох!

– Жанетон говорит дело, – сказал Воклер. – Нам надо быть настороже. Если так, придется идти к товарищам сейчас же. Собирайся, Паскале!

Повернувшись к Жанетон, он добавил, указывая на свои пистолеты:

– Вот два добрых сторожевых пса. С их помощью мы прямехонько пойдем своей дорогой, невзирая ни на какие козни аристократов!.. Кстати, Жанетон, там, на празднике, должен быть Сантерр. Знаете ли вы его? Что вы думаете об этом парижанине? Надежный ли он человек?

Жанетон оглянулась и тихо заговорила:

– Поверьте, я не хочу запугивать вас, но советую прийти на праздник всем вместе и держать оружие наготове!.. Вы спрашиваете о Сантерре? Поговорите-ка о нем с Планшо, он его хорошо знает и может вам сказать, какая цена этому молодчику...

Голос Жанетон упал до шепота.

– Вчера, после захода солнца, он украдкой пробрался в королевский дворец. Наши видели это. Но не беспокойтесь: за ним следят в оба глаза. Мы с Планшо знаем все, что происходит в Париже, – не даром мой старик каждый вечер ходит в Якобинский клуб³¹. Вот это настоящие люди, якобинцы! Они-то не зарастут мхом! Якобинцы заказали нам семь гильотин... сами понимаете, к чему это...

³⁰ 20 июня 1792 г. вооруженная манифестация парижан проникла в королевский дворец. Манифестанты потребовали от короля утвердить декреты Законодательного собрания против контрреволюционных священников и вернуть трех министров, не пользовавшихся доверием короля, которым он дал отставку 13 июня. Король, вынужденный показаться народу в красном колпаке и пить за здоровье нации, отказался категорически удовлетворить требования манифестантов. Жирондисты, пытавшиеся вначале использовать выступление парижан для нажима на короля, в это время сами уже боялись активности масс и постарались, чтобы это народное выступление не вышло из рамок мирной демонстрации. Пробыв до вечера во дворце, толпа покинула его, не причинив никакого вреда королю.

³¹ Якобинский клуб – один из наиболее известных революционных клубов, возникший в начале революции и сыгравший в ней выдающуюся роль. Свое название получил по монастырю святого Якова, в котором он помещался. На первых порах Якобинский клуб объединял все прослойки буржуазии и часть мелкой буржуазии, но с дальнейшим углублением революции, концу 1792 г., классовый состав Якобинского клуба определился как мелкобуржуазный. Позднее, во время наивысшего подъема революции, в 1793–1794 гг., Якобинский клуб получил значение политической партии, руководившей проведением революционной диктатуры общественных низов.

Вдруг, спохватившись, она вихрем кинулась вниз и уже с лестницы крикнула:

– Я забыла, что должна сварить клей своему старику. Заказ-то ведь спешный: все семь гильотин должны быть сданы в две недели!

Когда стук ее шагов затих в первом этаже, я спросил у Воклера:

– А что это такое, гильотина?

– Понятия не имею, – сказал Воклер. – Якобинцы заказали гильотины для своего клуба, может быть, это скамьи для сидения или столы?

– Я не больше твоего знаю, что такое гильотина, – возразила Лазули, – но только это не скамья и не стол. Хотите посмотреть на нее? В маленькой комнате есть одна, – она заменяет Аделине кровать.

Любопытные, как дети, мы пошли в комнату Аделины. Здесь на полу лежал ящик шириной в четыре и глубиной в два локтя. К бокам его были приделаны две длинных доски с глубокими желобками. Концы досок были скреплены перекладиной, а к середине перекладины был прибит блок.

– Вы видите, гильотина должна стоять перекладиной кверху, – сказала Лазули. – У Планшо оказалась только одна лишняя кровать, а так как нас трое, он принес эту штуку. Он сказал, что между ящиком и перекладиной гильотины поместится не только маленькая Аделина, но даже самый высокий взрослый человек.

Воклер со всех сторон осматривал странное сооружение. На лице его было написано глубокое недоумение. В конце концов он разочарованно покачал головой, словно говоря: «Не могу понять, для чего служит эта штука!..»

Я осмелился высказать предположение:

– Может быть, это часть разборной триумфальной арки, которую готовят к празднику?

– Кажется, мальчонка прав, – ответил Воклер. – Весьма возможно, что эта штука действительно предназначается для поддержки арки. Однако, пора нам идти в казарму, Паскале!

Мы попрощались с Лазули, Аделиной и Кларе и вышли на улицу.

Я с большим любопытством смотрел на встречных пешеходов, коляски, носилки, восторгался позолоченными и разрисованными вывесками над дверьми лавок.

Скоро мы дошли до площади Бастилии.

Утром мы только мимоходом видели развалины огромного замка. Усеянные толпой, они казались очень живописными. Теперь же эти руины производили суровое и величественное впечатление.

Мы обошли кругом замка и затем направились к тому самому кабачку «Золотое солнце», куда кучер уводил Жакарас пить водку.

Войдя в кабачок, я сначала в ужасе отпрянул: посредине общего зала на поперечной балке висели генерал в полной форме и женщина с короной на голове. Только приглядевшись, я понял, что это не люди, а чучела.

– Знаешь, кто это? – спросил Воклер. – Генерал – это Лафайет³², а женщина – королева. Каждый вечер патриоты этого квартала собираются в кабачке, срывают чучела с веревок, тащат их на самый верхний этаж дома и выбрасывают из окна при восторженных кликах толпы. Когда-нибудь они проделают то же самое в королевском дворце, но уже не с чучелами...

Выйдя из кабачка, мы пошли по набережной Сены. Сена – это река, протекающая по Парижу. Она значительно уже Роны, вода ее грязна и масляниста, и течение такое медленное, что нужно долго всматриваться, чтобы определить, в какую сторону течет река.

День был уже на исходе, когда мы добрались до отведенной батальону казармы.

Глава двенадцатая АРИСТОКРАТЫ ПОДНИМАЮТ ГОЛОВУ

Елисейские поля, где парижские патриоты собирались чествовать нас, находились довольно далеко от казармы, и мы добрались туда уже в полной темноте.

Банкет должен был происходить в общем зале харчевни под названием «Большой салон». И точно, этот салон был большим: стол был накрыт на шестьсот персон!

Елисейские поля были запружены шумной, веселой толпой. Марсельцев приветствовали радостными возгласами: «Да здравствует нация! Да здравствуют федераты!» Но враги народа, замешавшиеся в толпу, кричали: «Да здравствует король! Да здравствует королева!» Молодые дворянчики, одетые в форму национальных гвардейцев, организовали другой банкет в соседнем с «Большим салоном» кабачке. Эти королевские прислужники хотели испортить нам праздник и устроить потасовку.

³² Маркиз Мари-Жозеф де Лафайет (1757–1834) – политический деятель из среды либерального дворянства. В начале революции Лафайет, пользовавшийся доверием верхушки буржуазии, сделался весьма влиятельным лицом и был после взятия Бастилии назначен командиром Национальной гвардии. Но с дальнейшим развертыванием революционной активности масс Лафайет показал себя сторонником королевской контрреволюции и врагом народных масс.

Им действительно удалось привести в исполнение этот замысел, но не на радость себе...

Когда мы сели за стол, аристократы запели под окнами «Большого салона» песни, в которых восхвалялись тиран Капет и Австриячка. Но тут весь народ, все добрые патриоты возмутились и стали кричать:

– К черту иностранцев! Долой Австриячку! Долой тирана!

Королевские приспешники, видя, что в толпе много женщин и детей, расхрабрились и, обнажив шпаги, бросились на народ. Тогда патриоты позвали нас на помощь:

– Храбрые марсельцы, помогите нам!

Вопреки уговорам Сантерра, кричавшего что было мочи: «Не двигайтесь с места, сидите за столом, это все пустяки!», мы все мгновенно вскочили на ноги и бросились на улицу, кто через дверь, кто через окно. Обнажив на ходу сабли и вытащив из-за пояса пистолеты, мы ринулись на аристократов.

Но трусы, едва завидев нас, пустились наутек. Тех, кто замешкался или не мог бежать так быстро, как остальные, мы угощали пинками. В конце концов все аристократы спрятались за оградой королевского дворца. Мы прекратили преследование: гнев наш прошел, и мы весело хохотали, вспоминая, как гнали аристократов.

Один из них, толстяк с огромным животом, не удержал равновесия и свалился с моста в ров. Мне стало жалко его, и я протянул ему руку, чтобы помочь выбраться. Когда он поднялся на ноги, я увидел, что это настоящий великан, рослый и толстый, как башня. Это не испугало меня – я приставил к его жирному брюху острие сабли и потребовал:

– Кричи «Да здравствует нация!», не то я проткну тебя насквозь.

Весь измазанный липкой грязью, перепуганный насмерть и дрожащий, великан ответил мне:

– Я граф Моро де Сен-Мерри...

– А мне на это наплевать! Кричи: «Да здравствует нация!»

И острием сабли я слегка уколол его.

– Да здравствует нация! Да здравствует нация! – закричал он во весь голос.

Тогда я отпустил его, и толстяк бегом затрусил ко дворцу.

Возвращаясь обратно в «Большой салон», мы увидели второй отряд национальных гвардейцев: держа ружья наизготовку, они спешили на помощь к товарищам, которых мы только что прогнали.

Командовавший этим отрядом офицер внезапно выхватил пистолет и, наведя его на ближайшего марсельца, спустил курок. Но пистолет дал осечку. Тогда марседец, в свою очередь, выстрелил из пистолета и убил офицера наповал.

Неожиданная гибель командира внесла смятение в ряды аристократов. Они остановились, потоптались на месте, потом дрогнули и побежали врассыпную – кто куда. Но теперь мы не довольствовались тем, что пинали их в зад.

Озлобленные предательским нападением, мы обнажили сабли и погнались за аристократами, нещадно колотя их ножнами по спине.

Когда последние беглецы скрылись из виду, мы подсчитали трофеи: оказалось, что мы взяли в плен человек двенадцать. Сантерр и тут повел себя, как изменник. Он умолял нас отпустить пленников, клялся, что они добрые патриоты, ручался за них головой. Он говорил долго и так настаивал на своем, что в конце концов мы поддались и отпустили пленников. Однако празднество было сорвано.

Мы захватили с собой угощение со столов, вернулись к себе в казарму, и там без помехи славно попиروвали. Мы ели, пили и пели так же весело и беззаботно, словно были на своем родном юге.

Барбару и Дантон присоединились к нам в казарме и порадовали нас обещанием, что не позже как через три дня мы пойдем к королевскому дворцу.

– Если Законодательное собрание и Парижская национальная гвардия не станут на нашу сторону, – говорили они, – мы сами спасем отечество и опрокинем трон тирана!

Сантерру ничего не оставалось, как снова обещать, что его батальоны выступят вместе с нами через три дня.

Остаток ночи мы спокойно проспали в казарме.

На следующее утро мы встали с первыми петухами.

В казарме остались только дневальные – все остальные марсельцы рассыпались по городу. Одни отправились к королевскому дворцу, чтобы снять с него план и осмотреть все мосты, улицы и переулки, прилегающие к нему; другие пошли в Законодательное собрание послушать, о чем там говорят; наконец, третьи просто болтались по улицам, глаза на лавки.

Воклер и я, естественно, бегом бросились в переулок Гемене, к Лазули, Кларе и Аделине.

Когда мы вошли в мастерскую, Планшо отозвал Воклера в сторону и с таинственным видом шепнул ему:

– Якобинский клуб заказал мне еще семь штук! Итого четырнадцать! Я думаю, Воклер, ты не откажешься приложить к этому делу руки? Четырнадцать гильотин за две недели – это нешуточный заказ! Без помощника мне ни за что не справиться с ним... А гильотины нужны революции!

– Ну, разумеется, компаньон Планшо: и руки приложим и плечом подтолкнем, если это нужно революции. Дай мне только с женой поздороваться, а там я надену передник и посмотрю, не забыл ли я, как надо работать рубанком!

Лазули, услышав голос мужа, уже бегом спускалась по лестнице, перескакивая сразу через четыре ступеньки. Аделина и Кларе следовали за ней.

Бросившись на шею Воклеру, Лазули засыпала его вопросами:

– Взяли ли вы уже королевский дворец? Все ли благополучно в батальоне?.. Нет ли убитых или раненых?..

Воклер никак не мог втолковать ей, что ничего не произошло; Лазули не слушала

возражений и тараторила без умолку. Старик Планшо, глядя на эту сцену, только ухмылялся, заложив руки в карманы рабочего передника.

Наконец, Воклеру удалось вставить слово.

– Напрасно вы волновались тут, Лазули, – сказал он. – Батальон только через два дня выступит на штурм дворца! Пока что мы и в глаза не видели тирана... Ну, Паскале, за работу!

Я сиял мундир, положил на стол пистолеты и саблю и засучил рукава до локтей. Покончив со всеми этими приготовлениями, я сказал Планшо:

– Что мне делать? Я готов.

– Вот отлично, мой мальчик! Стань-ка к этому верстаку, возьми рубанок и угольник и обстругай мне эти двенадцать досок для гильотин. Вот до этого места, где черная линия. Работы тебе хватит на несколько дней.

Воклер, в свою очередь, стал к другому верстаку.

– Вот это дело, компаньон Воклер, – сказал Планшо. – Ты – искусный столяр, тебе можно поручить более тонкую работу. Я займусь механизмами, а ты приготовь плахи и вырежь в досках желобки, да смотри поаккуратней, чтобы были ровные, как нотные линейки!

– А мы? – в один голос воскликнули Лазули, Аделина и Кларе. – А нам что делать? Неужели мы ни на что негодны?

– Как же, как же, работы хватит на всех! Вы будете варить клей, чтобы склеить все части гильотины.

Я принялся за работу. Стружки так и полетели во все стороны – то длинные, то короткие, тонкие и вьющиеся колечками, как шелковистые волосы Аделины. Скоро весь пол вокруг меня был усеян ими и в мастерской так сильно запахло смолой, что на секунду мне почудилось, будто я снова нахожусь в лесах на склонах родных гор...

Кларе уселся на полу возле моего верстака и стал играть со стружками. Аделина следила за тем, как я работаю, и если мне нужно было подать какой-нибудь инструмент – молоток или угольник, – она стремглав бросалась за ним.

– Скажите, дядюшка Планшо, – обратилась она к старому столяру, – где будет происходить праздник гильотин? Вы поведете нас на него?

Планшо недоуменно посмотрел на нее, потом так расхохотался, что у него слезы на глазах выступили.

– Да, да, разумеется, – ответил он, продолжая смеяться, – я сведу вас посмотреть, как будут работать голубушки! Это точно будет народный праздник, такой праздник, какого вы в жизни своей не видали!

Мы не стали расспрашивать Планшо, почему его так насмешил вопрос Аделины, – ни Воклеру, ни мне не хотелось признаться, что мы не знаем, для чего служат гильотины. Но Аделина не унималась.

– А будут ли танцевать на празднике гильотин? – продолжала она свой допрос.

– Как же, как же, – отвечал старик, подмигивая нам глазом, – такие хороводы будут, каких вы еще не видали! Что за праздник без плясок?

– И гильотины будут убраны зеленью и цветами? Правда?

– Насчет зелени – не знаю. Но красного там будет достаточно...

– Дядюшка Планшо, – воскликнула Аделина, – дайте мне кисточку и краску: я напишу свое имя на гильотине, на которой сейчас сплю, – таким образом я отличу ее среди других в день праздника!

Аделина была единственной грамотной в доме. Мы с интересом следили за тем, как она, буква за буквой, выводила на перекладине гильотины свое имя:

«АДЕЛИНА»

До сих пор я отчетливо вижу эти большие черные буквы на свежеструганном дереве...

Следующие восемь дней прошли в напряженной работе – кто стругал, кто пилил, кто клеил.

Поздно вечером мы уходили из мастерской Планшо в казарму, проводили там ночь, а утром возвращались обратно.

И всякий раз, не успевали мы переступить порог дома Планшо, нас засыпали одними и теми же вопросами.

– Взяли вы дворец? Сколько убитых?

– Нет, черт возьми, не взяли и не пытались брать! Вчера нам помешал Сантерр, объявивший себя больным. Позавчера – Петион, мэр Парижа, который заявил: «Сейчас не время выступать. Притаитесь, не трогайтесь с места, иначе все погибнет. Ждите, не то будет плохо!»

«Ждите, не то будет плохо!» Сколько раз уже мы слышали эту фразу от мэра, от депутатов, от всяких других парижских болтунов!.. Мы устали уже от ожидания, а они все твердили свое: «Не то будет плохо!»

В один прекрасный день рябой Марган, у которого лопнуло терпение, силой прорвался на трибуну Законодательного собрания.

Показав свой огромный волосатый кулак депутатам, он закричал:

– Вам всюду мерещатся всякие страхи. Вы всего на свете боитесь! Слушайте же наше слово, слово марсельских патриотов! Красные южане прошли форсированным маршем триста лье под палящими лучами солнца и в ночном тумане, разутые, раздетые и голодные, – вы пожалели дать нам даже корку черного хлеба! Мы шли в Париж, чтобы спасти революцию. Так знайте же, что мы, которых до сих пор ничего не страшило, теперь боимся: нас пугает ваша трусость! Мы боимся оставить в ваших руках судьбу революции, ибо видим, что вы не сумеете защитить ее!

Марган говорил правду: весь батальон устал от ожидания и от неопределенности. Видя, что мы никого не трогаем, аристократы снова начали задирать носы. Богатые лавочники, эти пиявки, насосавшиеся народной крови, снова велели нарисовать на

своих вывесках лилии³³ и выставили в окнах плакаты: «Да здравствует король! Да здравствует королева! К черту нацию!» Ночью и среди бела дня они таскали в королевский дворец оружие – пистолеты, сабли, ружья, порох и пули...

А мы тем временем отсиживались в своей казарме, вялые и неподвижные, как вбитые в реку сваи...

Так продолжалось до тех пор, пока в один прекрасный день мы не взбунтовались. Подняв страшный шум, мы заявили, что выступим сами на штурм дворца, не ожидая ничьей помощи. Тогда Барбару и Дантон договорились с брестскими федератами и с революционными гвардейцами о совместном выступлении. Они предложили нам переселиться в Клуб кордельеров³⁴, откуда можно было внезапным ударом напасть на королевский дворец.

Дантон сам пришел за нами.

– Свобода, равенство и братство или смерть! – восклицал он, раздавая каждому из нас по десяти пуль.

И он повел батальон к кордельерам, где нас уже ждал Барбару.

– Марсельцы! Патриоты! – начал свою речь марсельский депутат. – Хочет того Париж или не хочет, завтра, – слышите вы меня? – завтра загудит набат! Наперекор мэру Петиюну – этот изменник за взятку в семь тысяч экю обещал аристократам немедленно удалить вас из города, – вопреки трусливому Законодательному собранию, назло богу и дьяволу – завтра все мы либо умрем, либо отпразднуем победу на дымящихся развалинах королевского дворца!

Вот это были настоящие слова!

Назавтра все четырнадцать гильотин были уже готовы в мастерской Планшо. Они стояли рядами, гладкие, отполированные, сверкающие свежим лаком.

– Им не хватает только «бритвы Равенства», – сказал Планшо. – Но это касается не нас, столяров, а слесарей.

Воклер и я задолго до сумерек сняли рабочие передники и сложили на полки инструменты.

С самой зари по улицам катились вереницы телег, проходили патрули, барабаны били сбор. Улицы и площади кишели возбужденными толпами, среди которых с трудом пробивали себе дорогу отряды конной королевской жандармерии.

Видя, что мы собираемся в казарму до наступления ночи, Лазули и Аделина встревожились. Они поняли, что, наконец, назревают какие-то события.

Между тем Воклер и я, не сговариваясь, перезарядили пистолеты и отточили сабли на точильном камне. Когда мы стали прощаться, женщины не могли скрыть волнения. Они обнимали нас, проливая слезы, напутствовали нас всяческими добрыми пожеланиями:

³³ Лилии были эмблемой королевского дома Бурбонов.

³⁴ Клуб кордельеров – наиболее демократический клуб эпохи революции, возникший весной 1790 г. и получивший свое название по имени монастыря, в котором он помещался. Кордельерский клуб с самого начала объединял широкие слои мелкой буржуазии и демократической интеллигенции.

– Только берегите себя! Не лезьте первыми в драку! Если, от чего избави боже, вас ранят, даже просто поцарапают, тотчас же возвращайтесь сюда! Ты слышишь, Воклер? Береги мальчика! Паскале, не отходи ни на шаг от Воклера! Держитесь все время вместе!

И снова нас обнимали и целовали, и снова лились слезы.

Пока мы прощались с Лазули, Кларе и Аделиной, Планшо поднялся во второй этаж, к себе в комнату, и вышел из нее, одетый в форму Парижской национальной гвардии. Неказист был старик Планшо в этом мундире!

Это был маленький, худенький человечек, с длинным крючковатым носом, беззубый, с отвислой нижней губой и, как все столяры, кривобокий: правое плечо у него было значительно выше левого. На голове у него болталась непомерно большая треуголка, широкий мундир свисал чуть не до пят, и чулки лежали складками на тонких, как кнутовище, кривых ножках.

За Планшо, рыдая, бежала Жанетон. Она кричала:

– Не позволю тебе ходить туда! Обойдутся и без тебя? Ты слишком стар, чтобы воевать! Пусть дерутся молодые?

И, обращаясь к Воклеру, она добавила:

– Скажите Планшо, что ему там не место! Он только стеснит вас! Разве вы не видите, что сабля больше, чем он сам, что он не сможет даже вытянуть ее из ножен? Планшо, послушайся меня, не ходи!

Но Планшо не хотел ничего слушать, на него не действовали никакие уговоры.

– Революция зовет нас! – кричал он. – Мы должны победить или умереть!

– А что будет со мной, если тебе сломают ногу или отнимут руку! – рыдала Жанетон.

– Свобода или смерть! – отвечал Планшо. – Дайте мне топор! Я отточил его, чтобы снести голову тирану!

Видя, что уговорами ничего не добьешься, хитрая Жанетон пустила в ход другие средства. Всплеснув руками, она пронзительно крикнула: «Ай, ай!» и упала навзничь на грудь стружек.

Это должно было означать обморок. Планшо испугался.

– Ах, боже мой! – вскричал он. – Жанетон дурно! Скорей принесите уксус!

Аделина и Лазули бросились наверх за уксусом и нюхательной солью.

Воклер и я переглянулись и, воспользовавшись общим замешательством, улизнули.

Что за сумятица была на улицах, какая давка, какая толчея! Местами шага нельзя было сделать ни вперед, ни назад... По мостовой среди шарахающейся, испуганной и взволнованной толпы скакали отряды конных королевских жандармов; изредка проходили кучки аристократов. Они кричали: «Да здравствует король! Смерть разбойникам!». Но, чем ближе мы подходили к площади Бастилии, тем чаще нам встречались отряды патриотов. С возгласами «Долой тирана! Да здравствует нация!» они прокладывали себе дорогу к площади. Над толпой реяли знамена: красные –

патриотов, черные – роялистов.

Женщины с непокрытыми растрепанными волосами, босоногие дети, мужчины, вооруженные пиками, зазубренными саблями, заржавленными ружьями, следовали за отрядами патриотов.

Когда мы выбрались из толпы и попали на тихую набережную Сены, мы увидели направлявшийся к королевскому дворцу отряд напудренных, завитых, напомаженных аристократов, в шелковых чулках и подвязках с серебряными застёжками. Вооруженные сверкающими саблями и новенькими пистолетами, они несли бело-голубое, королевских цветов, знамя, на котором было написано:

«Да здравствует победоносный приход в Париж прусской и австрийской армий!»

Огромный и красный, как раскаленные угли, шар солнца опускался за горизонт позади Сенской плотины; воды реки казались потоком крови; черная громада моста необыкновенно отчетливо вырисовывалась на багряном фоне неба.

– Гляди, – сказал Воклер, указывая пальцем на дома, башни, колокольни, купола, словно сочащиеся кровью в свете заходящего солнца, – гляди, Паскале, сколько крови кругом! Видно, завтра будет жестокая бойня...

К кордельерам мы пришли, когда уже окончательно стемнело. Весь батальон был в сборе. По казарме ходили Барбару и Дантон.

– Я говорил вам и сейчас повторяю, – твердил Барбару, – что на этот раз Сантерр не обманет!

Видя, что федераты все еще сомневаются, Барбару расстегнул сюртук и, указывая на свой кушак, добавил:

– Глядите, вы, вероятно, заметили, что я всегда носил за поясом два пистолета? Сегодня их нет у меня. Почему? Да потому, что я отдал их двум патриотам, которым верю, как самому себе. Одному из них я сказал: «Ты знаешь командира Парижской национальной гвардии Манда³⁵? Так вот, с этой минуты ты не должен спускать с него глаз ни днем, ни ночью, и если ты увидишь, что он хочет повернуть свои батальоны против преданных революции войск, убей его на месте из этого пистолета! Родина и свобода не забудут твоей услуги!» И добрый патриот ответил мне: «Клянусь сделать это или умереть!» Второму патриоту я сказал: «Ты знаешь Сантерра? С этой минуты ни днем, ни ночью ты не должен спускать с него глаз, и если, когда ударит набат и барабаны пробьют сбор, Сантерр не станет во главе своих батальонов и не поведет их на помощь войскам революции, ты должен из этого пистолета убить его на месте! Родина и свобода не забудут твоей услуги!» И второй добрый патриот ответил мне: «Клянусь сделать это или умереть!» Теперь, – продолжал Барбару, – во всем Париже остался только один человек, который может помешать нашему выступлению, – это мэр Парижа, Петион. Для него мы придумали другое: пятьдесят испытанных и

³⁵ Маркиз Жан-Антуан де Манда – сторонник короля, командовал Парижской национальной гвардией в 1792 г. Он был убит 10 августа 1792 года.

преданных революции якобинцев заняли все входы и выходы городской ратуши и не выпускают из виду Петиона. Они не позволяют ему ни разговаривать, ни писать кому бы то ни было до тех пор, пока дворец не будет разрушен, а король и королева не станут пленниками народа!

– А какое нам дело до того, хотят ли парижане выступить или не хотят! – вдруг вскричал Марган, вскакивая на стол посреди комнаты и размахивая заряженным ружьем. – Разве парижане способны что-либо предпринять для защиты свободы? Мы здесь торчим уже восемь, даже девять дней и, сложив руки на животе, ждем, пока парижане соизволят раскочкаться!.. Это мокрые курицы, а не борцы! Они призвали нас на помощь, а теперь, когда мы пришли, они пытаются удрать в кусты! Они боятся нас! И они правы, что боятся! Мы пришли из Марселя, Тулона, Авиньона, со всего юга, чтобы спасти родину и защитить революцию! Нет такой силы, которая могла бы задержать нас: наперекор всем, не оглядываясь по сторонам и не обращая внимания ни на что, мы бросимся на приступ! Потому что у южан только один девиз: «Свобода или смерть!»

– Правильно, Марган! – крикнул Сама́.

Он вскочил на другой стол и поднял высоко над головой плакат с текстом «Декларации прав человека и гражданина».

– Правильно, Марган! Мы все думаем так, как ты!

И весь батальон восторженно зааплодировал Маргану.

В другом конце комнаты заговорил третий марселец, и все умолкли, слушая его речь.

– Национальное собрание – это сборище трусов! Мэр Парижа, Петион, – изменник! Это он сказал: «Дайте мне семь тысяч экю, и я удалю марсельцев из города!» Пусть попробует сунуться к нам с деньгами! Мы ему покажем, кто такие марсельцы и продаются ли они за деньги! Видите вы этот пистолет? Если марсельский батальон до рассвета не пойдет на приступ королевского дворца, я пушу себе пулю в лоб, чтобы кровью своей смыть позорное пятно!

– Верно! – закричал другой федерат. – Ты прав, патриот! Я уверен, что среди нас нет ни одного подлеца, который помышлял бы о возвращении на юг прежде, чем не будет свергнут тиран! Свобода или смерть!

Батальон восторженно аплодировал ораторам и, чем грознее звучали их речи, тем больший отклик встречали они у слушателей. Это объяснялось тем, что шли слухи, будто Национальное собрание ищет предлога для удаления марсельского батальона из столицы. Кроме того, говорили, что Парижская национальная гвардия не только не собирается присоединиться к батальонам патриотов, но выступит против них на защиту короля...

Дантон, слушая, какими проклятиями осыпает мы медлительных парижан, потемнел, как грозная туча. Однако он дал нам всем выговориться и только после этого взял себе слово. Мы понимали далеко не все в его речи, – ведь он говорил по-французски, – но ни одна его мысль не осталась непонятой.

Дантон начал с того, что мы не правы, считая всех парижан своими врагами. Он подробнейшим образом изложил нам принятый на завтра план действий.

Вот в каком порядке должны были двигаться революционные войска:

1) батальоны патриотов округа Славы должны следовать к площади Карусель, то есть к дворцу тирана, через Гревскую площадь и мост Сен-Жан;

2) батальоны округа Сен-Марсо должны пересечь Конный рынок, пройти по набережным Сены и перейти на другой берег реки по Новому мосту;

3) одновременно марсельцы совместно с батальоном брестских федератов и студентами должны пройти по набережной, перейти Сене по мосту Сен-Мишель и вступить на площадь Карусель через Луврскую галерею.

– План этот продуман до конца, – закончил свою речь Дантон. – Ручаюсь, что все участники похода будут на своих местах! Пушка на Новом мосту подаст сигнал к общему наступлению, и тотчас же со всех колоколен Парижа загремят звуки набата.

Мы слушали Дантона, затаив дыхание. У многих на глазах выступили слезы. Когда он кончил свою речь, мы чуть не задушили его в объятиях.

– Дай бог, чтобы все произошло так, как ты сказал, патриот, – говорили ему федераты.

Мы только сели ужинать, – весь рацион на этот день состоял из куска хлеба с головкой чесноку, – как вдруг на улице, перед казармой, раздался выстрел. Весь батальон мгновенно вскочил на ноги и схватился за оружие. Не слушаясь уговоров майора Муассона, Барбару и Дантона, мы высыпали на улицу. Напрасно депутаты умоляли нас вернуться в казарму, говоря, что час выступления еще не настал, – мы стали в ряды, и двое наших барабанщиков, без приказа, одновременно стали выбивать дробь похода: «Ран, ран, ра-та план!»

Сердце отчаянно колотилось у меня в груди. Я сам не знал, почему я так волнуюсь. У меня дрожали и подкашивались ноги, меня била лихорадка. Я жевал и пережевывал кусок хлеба, который начал есть, когда на улице раздался выстрел, но не мог проглотить, точно тугая петля сдавила мне горло.

Батальон зашагал по темным улицам. Башенные часы только что пробили полночь. Темное небо было усыпано яркими звездами. Мы шли за барабанщиками, храня глубокое молчание. Каждый ощупывал на ходу пороховницу и пули, чтобы удостовериться, что все в порядке, что ничто не забыто в казарме.

Из узких, тихих переулков мы вышли на широкую набережную Сены. Вдоль обоих берегов и на мостах горели длинные ряды фонарей. Что здесь творилось! Шум, крики, пение, стук копыт, скрип колес, словно началось великое переселение народов! Конные патрули королевских жандармов скакали галопом взад и вперед. Входы на мосты были преграждены и охранялись отрядами аристократов. На противоположном берегу реки с грохотом мчалась артиллерия, на рысях проходили полки кавалерии; они сосредоточивались на подступах к королевскому дворцу, темная громада которого резко выделялась на фоне звездного неба.

Неожиданно наш батальон остановился, не доходя моста Сен-Мишель, через который лежал наш путь. Барабанная дробь умолкла, и ряды смешались: все хотели подойти поближе к мосту, чтобы увидеть, кто преградил нам дорогу.

Но майор Муассон приказал нам стоять на месте, и один направился навстречу командиру отряда, охраняющего мост Сен-Мишель. Через минуту он возвратился и

сообщил, что Национальная гвардия получила приказ никого не пропускать через мост.

Услышав это, мы пришли в неистовство. В рядах поднялся крик, что надо с боем прорваться через кордон национальных гвардейцев.

– Молчать! – крикнул майор Муассон. – Тише!

И он вполголоса объяснил нам, что нельзя начинать сражение прежде, чем выстрел из пушки не подаст сигнала к общему выступлению.

– А где эта сигнальная пушка? – спросил Марган.

Он был бледен, как полотно, и пальцы его рук сжались в кулаки.

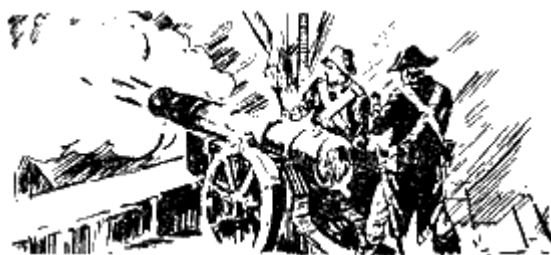
– Там, на Новом мосту. К несчастью, этот мост тоже занят Национальной гвардией.

– Если только за этим остановка, – сказал Марган, – то я пойду и выстрелю из пушки.

– Нет, этого не стоит делать, – ответил майор. Положитесь на меня: я клянусь вам, что в назначенный час мы перейдем через мост и первыми займем позицию перед дворцом тирана.

Глава тринадцатая ШТУРМ ТЮИЛЬРИЙСКОГО ДВОРЦА

В то время, как федераты спорили с майором, Марган подмигнул Пелу и мне, и мы втроем, незаметно отделившись от отряда, подошли поближе к мосту.

Пикет из трех национальных гвардейцев преградил нам путь. Марган, который хорошо говорил по-французски, завел с ними дружеский разговор.

По счастливой случайности оказалось, что все три гвардейца – ремесленники и добрые патриоты, преданные нации и революции.

Уверившись в этом, Марган сказал им:

– Докажите, что вы настоящие патриоты: дайте нам на короткое время ваши мундиры и шапки. Мы сходим к Новому мосту и тотчас же вернемся обратно. Сделайте это ради спасения нации!

Молодцы-парижане, не спрашивая объяснений, стали снимать с себя мундиры и шапки.

Ни я, ни Пелу еще не понимали, зачем понадобилась Маргану форма национальных гвардейцев. Но тот быстро объяснил нам свой замысел.

– Если вы добрые патриоты и настоящие красные южане, – сказал он там, – оденьтесь в эту форму и следуйте за мной. Мы проберемся на Новый мост и выстрелим из сигнальной пушки... или сложим там головы! Ты, Пелу, захвати с собой хороший фитиль, а ты, Паскале, возьми кремень и огниво. Я отвлеку внимание командира отряда, охраняющего Новый мост, а вы тем временем должны выстрелить из сигнальной пушки. Поняли?

Разумеется, мы поняли!

Пелу передал мне огниво и кремень, а сам захватил новый фитиль и пригоршню сухого пороха для затравки.

После этого мы не спеша, с деловым видом, зашагали по набережной.

Путь был не дальний. Скоро мы пришли к Новому мосту.

– Кто идет? – окликнул нас часовой.

Марган ответил:

– Свои! С поручением от командира отряда, охраняющего мост Сен-Мишель!

– Проходите.

И вот мы – на Новом мосту.

Мы шагаем среди двух шеренг национальных гвардейцев, не привлекая к себе ничьего внимания и беспрепятственно доходим до середины моста.

Сигнальная пушка стоит здесь, дулом к реке.

Марган подходит к часовым, стерегущим ее, и, словно он всю свою жизнь командовал ими, приказывает:

– Смирно! Слушать мою команду!

Гвардейцы становятся в ряд и ждут его приказаний.

Марган не спеша лезет в карман, вытаскивает какую-то бумагу, медленно разворачивает ее и начинает что-то читать.

Тем временем Пелу и я незаметно подходим к пушке. Пелу укрепляет фитиль, я высекаю огонь, посыпанный порохом фитиль загорается и... бум! – раздается страшный грохот... Холостой заряд прогремел над рекой, не замутив даже ее спокойного течения. Но этот же заряд разнес в щепы королевский трон и до основания потряс весь старый мир!

Не успело умолкнуть эхо, разбуженное выстрелом, как на всех колокольнях раздался набатный звон. И тотчас же со стороны моста Сен-Мишель донеслась сухая, четкая дробь барабанов. «На приступ! Вперед, патриоты!» – выстукивали барабанщики такты, которые поддерживали в нас бодрость духа во время долгого пути из Авиньона в Париж. Слезы гордости и радости выступили у нас на глазах, когда вслед за барабанным боем мы услышали, как сотни голосов наших товарищей

мощным хором запели торжественные слова «Марсельезы»:

Вперед, вперед, сыны отчизны!
Для нас день славы настает!
Против нас тиранов стая
С кровавым знаменем идет!

Командир отряда Национальной гвардии подбежал к нам.

– Кто выстрелил из сигнальной пушки? – страшным голосом крикнул он.

Словно по команде, Марган, Пелу и я стали плечом к плечу и, наведя на него дула пистолетов, в один голос крикнули:

– Да здравствует нация!

– Да здравствует нация! – подхватили несколько голосов вокруг нас.

«Ага! – подумали мы. – Значит, и здесь есть добрые патриоты!»

Командир, видя, что три пистолетных дула направлены ему в грудь, побледнел и отступил. Повернувшись лицом к своим солдатам, он прерывающимся голосом отдал им какое-то приказание. Но национальным гвардейцам уже было не до него: они растерянно прислушивались к барабанному бою и горнам, трубящим наступление. Эти звуки доносились со всех сторон. Пока национальные гвардейцы колебались, не зная, какое решение принять, батальоны патриотов из округа Сен-Марсо успели занять Новый мост, не сделав даже выстрела.

Марган, Пелу и я воспользовались этим, чтобы вернуться к своему батальону. Оказалось, что за это время наши товарищи уже успели занять мост Сен-Мишель и здесь остановились, ожидая прихода патриотов из округа Славы.

В этот момент в густой толпе, заполнившей всю набережную, раздались крики ярости и возмущения. Сначала мы не могли понять, что там происходит. Но вскоре из толпы выделилась группа в двадцать – тридцать патриотов. Они волочили по земле окровавленный труп. Толпа пинала труп ногами, плевала на него, хотела четвертовать его. Это был труп командира Национальной гвардии, маркиза Манда. Изменник приказал отряду Национальной гвардии помешать выступлению батальонов революции, и патриот, которому Барбару передал свой пистолет, верный данному слову, в упор выстрелил ему в голову!

Марсельцы вырвали труп предателя из рук патриотов, протащили его до середины моста и, раскачав над перилами, сбросили в реку. В продолжение нескольких минут мы следили за тем, как он кружился, подхваченный водоворотом возле устоев моста, а затем пошел ко дну.

Крики «Да здравствует нация», не смолкая, звучали на всем протяжении от округа Славы до ворот королевского дворца. И колокола всех парижских колоколен, словно желая внести свою лепту в этот многоголосый хор, непрерывно били набат.

Увидев невдалеке приближающиеся батальоны патриотов из округа Славы, майор Муассон вытащил шпагу из ножен и скомандовал:

– Славные марсельцы, вперед!

И батальон марсельских федератов двинулся во главе армии революции на штурм королевского дворца.

Красные южане дали клятву первыми войти во дворец тирана, и мы ревниво следили за тем, чтобы никто нас не опередил.

Словно огненный смерч ворвался в обычно тихий и чопорный аристократический квартал Сент-Оноре. Тысячи сильных мужских голосов пели «Марсельезу», два барабана марсельского батальона и четырнадцать барабанов патриотов округа Славы безумолчно трещали, пушечные лафеты грохотали на булыжниках мостовой...

Все окна и двери аристократических особняков были на запоре. Только раз запахнулось одно окно на чердаке, и раздался выстрел. Но нам некогда было думать о расправе с врагами-одиночками.

– Наплевать! – закричал Самá и еще выше поднял над головой плакат с «Декларацией прав человека».

– Не обращайтесь внимания! – сказал Марган. – Завтра мы успеем накормить этого аристократа свинцовыми косточками. А сегодня – прибережем их для тирана!

Однако, чем дальше, тем чаще раздавались выстрелы. Стреляли из чердачных окон и подвалов, с балконов, справа и слева, спереди и сзади, из пистолетов и из ружей. В одном месте на нас обрушились тяжелые черепицы с крыши.

Но мы, затаив ненависть, шли все вперед и вперед и только громче пели:

К оружию, граждане! Равняйся, батальон!
Марш, марш вперед, чтоб кровью их
Был след наш напоен!

Наконец, голова нашей колонны добралась до площади Карусель.

Вся площадь перед дворцом кишела конными жандармами, гренадерами, швейцарцами, копейщиками и другими контрреволюционными войсками. Наш приход внес замешательство: защитники тирана начали метаться по площади в полной растерянности. Первыми отступили жандармы, – видно, они испугались барабанного боя. За ними дрогнули ряды гренадеров. Копейщики держались дольше других, но и они не устояли, когда мы подошли близко и прямо в лицо им грянули:

Так трепещите же, тираны,
И вы, предатели страны!
За ваши гибельные планы
Теперь ответить вы должны!

Солдаты в беспорядке отошли к королевскому дворцу... Все ворота широко

распахнулись, и жандармы, гренадеры, копейщики хлынули во двор, спеша поскорей укрыться под защиту решеток.

Армия восстания овладела площадью Карусель.

Наш батальон разместился напротив главных входных ворот королевского дворца, только что захлопнувшихся за последними копейщиками. Теперь нас отделяли от обители тирана только три двора: направо – двор Принцев, посередине – Большой королевский двор, налево – двор Швейцарской гвардии.

Занималась заря. В бледных предрассветных сумерках королевский дворец не казался уже больше одной монолитной каменной громадой. Мы различали теперь окна, длинными рядами прорезавшие его фасад. Некоторые были заложены тюфяками для защиты от пуль, другие, напротив, были настежь распахнуты: они должны были служить бойницами для осажденных.

Барабаны беспрестанно били сбор.

На площадь вливались батальон за батальоном. Вот патриоты из округа Сен-Марсо, вот брестские федераты в красных мундирах.

Мы приветствовали их приход возгласами:

– Да здравствует нация!

Теперь на площади Карусель одновременно били сбор не два и не шестнадцать, а двадцать, сорок, может быть, сто барабанов. Теперь уже не пятьсот, а тысячи и тысячи голосов кричали: «Свобода или смерть!» И эти крики были так сильны, что стекла в окнах ближних домов дрожали и звенели.

Крыши дворца заалели, и краешек огромного шара августовского солнца показался из-за них. Солнце вставало красное, как кровь...

Майор Муассон подошел к главным воротам королевского дворца и, трижды постучав в них эфесом сабли, громко сказал:

– Именем народа и революции! Отворите!

Молчание.

Муассон повернулся лицом к нам и, заметив меня, – я стоял в первом ряду, – сказал:

– Послушай, Паскале. Если бы над стеной свешивалась ветка со спелыми вишнями, я уверен, ты, не задумываясь, полез бы за ней. Правда?

Я ответил:

– Я понимаю, чего вы от меня ждете, командир. Будет исполнено!

Я тотчас же начал карабкаться вверх, цепляясь за малейшие уступы стены... Не всякая кошка одолела бы эту высокую стену, но я полз, как ящерица, и вот я уже сижу верхом на гребне!

– Что теперь делать? – крикнул я майору Муассону.

– Расскажи мне, что происходит во дворе.

– В крольчатнике переполох! Кролики бегают по двору и ищут, куда спрятаться. Если позволите, командир, я подстрелю парочку!

И я выхватил пистолет из-за кушака.

– Не смей стрелять, Паскале! – крикнул мне майор.

– Слушаюсь, не буду. Кстати, они уже все попрятались по углам: и голубые жандармы, и зеленые гренадеры, и красные швейцарцы, и вся остальная шайка!.. Пойдите-ка! Оказывается, один еще не успел удрать... – Тут я прицелился. Честное слово, это сам король!.. Ты ли это, Капет? Отвечай, или я стреляю! Ну, разумеется, это король! Можно стрелять, командир!

– Не смей! Сказано тебе, не стрелять без команды!

– Как жалко! Конечно это был сам король! Он вышел из домика, что у главного входа. На нем красивый, расшитый золотом мундир, белые шелковые чулки и лакированные туфли с серебряными застежками. Ясное дело, это король!

Майор Муассон и весь батальон так и покатались со смеху.

Федераты стали бешено аплодировать мне.

– Ах, ты, глупыш! – сказал командир. – Да ведь это привратник!

– Вы думаете! Что ж, раз привратник ушел с поста, я сам вам открою двери!

Раз, два, три – я уже во дворе! Четыре, пять, шесть – отодвигаю засовы и широко распахиваю обе створки ворот.

Майор Муассон и марсельский батальон первыми вступают во двор королевского дворца. В эту самую минуту, как мы узнали позже, тиран и его жена – Австриячка – скрылись через сад. Когда свобода совершает свое торжественное вступление, деспотизм должен бежать.

Марсельский и брестский батальоны тем временем заняли весь королевский двор, батальоны округа Славы – двор Принцев и сады, а батальоны округа Сен-Марсо – двор Швейцарской гвардии. Таким образом весь дворец был окружен кольцом революционных войск.

Но и защитники тирана успели оправиться от замешательства, и теперь конные жандармы, гренадеры, копейщики живой стеной выстроились вдоль главного и бокового фасада дворца. Четырнадцать пушек угрожали нам своими темными жерлами. Красные мундиры швейцарской гвардии заполнили весь вестибюль дворца и парадную лестницу. Множество аристократов – дворян, графов, маркизов и герцогов – разместились на балконах, на террасах, в саду у открытых окон.

Все они были отлично вооружены. У них были ружья с большим запасом пороха и пуль, пистолеты, шпаги, сабли, кинжалы. В общей сложности дворец защищали не менее десяти тысяч человек.

Видно, день будет жаркий!

Но что это? Из рядов защитников дворца вдруг раздались возгласы: «Да здравствует нация!» Это кричали артиллеристы. К нашим ногам упали мешочки с пулями и пороховницы, – швейцарцы хотели этим показать, что они не станут стрелять в народ.

Нам и не нужно было напрасное кровопролитие – мы честно и открыто подошли к швейцарцам, чтобы побрататься. На одно мгновение нам показалось, что революция

восторжествует без борьбы.

Но это не входило в расчеты аристократов, которые из окон дворца наблюдали за ходом событий.

Неожиданно раздался ружейный залп. Пули дождем посыпались на нас. Семь убитых и двадцать раненых упали на землю. Майору Муассону перебило обе ноги...

Не ожидая команды, патриоты стали на свои места. Майор Муассон, опираясь на руки, приподнялся с земли и крикнул:

– Да здравствует нация! Батальон, к пальбе шеренгой готовься!

Все вскинули ружья к плечам и нацелились на окна дворца. По команде «пли» раздался ответный залп, и затем беглый огонь уже не утихал.

Целый град пуль посыпался на засевших во дворце аристократов. Но и они стреляли беспрестанно. В обоих лагерях люди выпускали из рук ружья и падали на землю. Со стен сыпалась штукатурка, валялись камни, отбитые случайными пулями...

Перестрелка не утихала ни на секунду, пули так и свистали вокруг нас. С крыши, с чердаков, с балконов, с террас, справа, слева, нас обстреливали. З-з-з-з! З-з-з-з! – визжали пули. Они впивались в землю, расплющивались о камни мостовой, пробивали чью-нибудь грудь, перебивали ноги, руки, убивали наповал...

«Держись, Паскале! – говорил я себе. – Если ты уцелеешь сегодня, видно, ты родился удачливым!»

Вдруг на меня обрушилась какая-то тяжесть. Я задыхался, на мгновение я ослеп от густого дыма... «Я ранен!» – мелькнуло у меня в голове. Я ощупал себя. Но нет, как будто все цело. Что же это? Ах, это Самá, бедный Самá... Он стоял все время рядом со мной... Пуля попала ему в переносицу, между глаз. Он упал навзничь, и плакат с «Декларацией прав человека», с которым он не расстался до самой смерти, упал рядом с ним...

Я оттащил его труп в укромное местечко, поближе к стене, и бегом возвратился обратно в строй. Густой дым обволакивал нас, душил и слепил глаза; дальше чем на два шага ничего нельзя было разглядеть. Поэтому две трети наших выстрелов не достигали цели: пули расплющивались о стены дворца... Между тем стрелявшие из-за прикрытия аристократы не должны были даже целиться, – они пускали пулю за пулей в тесную кучку людей во дворе, и каждый их выстрел убивал или ранил патриота...

Стоны раненых и хрипение умирающих сливались в один гул со словами команды, боем барабанов и грохотом пальбы.

Дым на мгновение рассеялся, и, подняв глаза, я увидел вдруг в ближайшем окне дворца графа Роберта д'Амбрена, а за его плечами – Сюрто! Молодой граф стрелял в нас, а Сюрто после каждого выстрела подавал ему другое заряженное ружье. Выстрелы следовали один за другим с ничтожными перерывами, и каждый уносил жизнь еще одного патриота: молодой граф был хорошим стрелком.

Я быстро перезарядил ружье, тщательно забил пыж и прицелился. Но тут я вспомнил Аделину: ведь это ее родной брат! Я опустил ружье. Молодой граф был негодяем, но он был братом Аделины, и я не мог убить его. Да, но оставался еще Сюрто – его-то уж я не должен щадить!

Я снова вскинул ружье к плечу и ждал, не спуская глаз с окна, чтобы пустить пулю, как только покажется Сюрто. Но негодяй был осторожен и держался все время за спиной молодого графа. Он высовывал только руку, чтобы передать своему господину заряженное ружье, да и то на одно короткое мгновение.

Мне показалось, что граф Роберт заметил меня. Да, вот он прицеливается: дуло его ружья смотрит прямо на меня... Но вдруг чья-то рука приставила пистолет к затылку молодого графа. Сверкнул огонек, и он упал на окно с раздробленным черепом. Голова его и руки свесились наружу. Тонкая струйка крови стекала по лицу. Граф Роберт был мертв. Предатель Сюрто убил его наповал и тотчас же скрылся в глубине дворцового покоя...

Я не мог прийти в себя от изумления. Не во сне ли привиделось мне все это? Я ущипнул себя за руку. Нет, я не спал...

Вдруг страшный грохот оглушил меня. Это выстрелила пушка, заряженная картечью. Пули, куски железного лома засвистали вокруг меня. Десятки людей повалились на землю смертельно раненными и убитыми. Федераты дрогнули. Батальон подался назад, к воротам. Аристократы, видя, что наши ряды расстроились, уже торжествовали победу.

– Да здравствует король! К черту нацию! – орали они.

Но капитан Гарнье, принявший командование над батальоном после ранения майора Муассона, не растерялся. Этот храбрец остался один среди тучи дыма, среди раненых и мертвецов. Вынув саблю из ножен, он взмахнул ею над головой и позвал нас:

– Ко мне, марсельцы! Свобода или смерть!

Люди колебались, столпившись у решетки дворцовой ограды. Тогда Пелу, которому толчея у ворот мешала ввезти во двор пушки, закричал:

– Пропустите же артиллерию, черт вас побери! Что вы тут столпились, как стадо баранов? Какой позор! Марсельские патриоты удирают, как зайцы, от парижских аристократов! Дайте мне только войти во двор, я вам покажу, как надо себя вести с врагами народа! Ну, прочь с дороги!

Насмешки Пелу и спокойный голос капитана Гарнье, по-прежнему невозмутимо стоявшего во весь рост под градом картечи, подействовали на нас отрезвляюще. Нам стало стыдно. Часть федератов помогла вкатить во двор пушки, другие оттащили в сторону раненых, чтобы колеса телег не раздавили их. Через несколько минут обе пушки были установлены прямо против парадного крыльца.

Сквозь поредевшее на мгновение облако дыма мы увидели на ступеньках лестницы кучку гренадеров, а за ними, в вестибюле дворца, – множество швейцарцев в красных мундирах. Они беспрерывно стреляли в нас.

Пули свистели в воздухе, зарывались в землю, со звоном ударялись в бронзу орудий, оставляя в ней серебристые бороздки, попадали в спицы колес и отрывали от них щепки.

Но Пелу не обращал на пули никакого внимания. Спокойно, точно на учебной стрельбе, он навел орудия на парадный вход, тщательно проверил прицел и укрепил фитиль; затем он снял шапку, отвесил глубокий поклон дворцу, крикнул: «Дайте

дорогу картечи! Посторонитесь, друзья» и не спеша поджег фитиль.

Пушка загрохотала. Чугунное ядро с картечью разорвалось в самой гуще защитников дворца.

– Да здравствует нация! – закричали мы.

Когда дым выстрела рассеялся, мы увидели, какое страшное опустошение произвел выстрел в стане врагов. Словно коса прошла по клеверному полю. Ни одна картечина не пропала даром. На ступеньках крыльца лежали убитые и раненые. Ряды швейцарцев и гренадеров смешались. Гренадеры толпой устремились во дворец, некоторые удрали в сад, другие пытались скрыться в подвал через световые люки.

Пелу крикнул им вдогонку:

– Что, не по вкусу пришлось угощение? Погодите минутку, то ли еще будет!

И он навел вторую пушку, укрепил фитиль, снова снял шляпу и крикнул: «Берегите штаны! Как бы не продырявило!» Бум!.. Раздался второй выстрел, новый град картечи влетел в широко раскрытую дверь, и снова без счета стали падать солдаты в мундирах всех цветов: красных, зеленых, белых и синих.

Тут аристократы пришли в полное смятение. Беглый огонь из окон дворца прекратился. Барабаны патриотов снова начали выстукивать: «На приступ! Вперед!»

Капитан Гарнье стал во главе отряда, и по его команде, держа штыки наперевес, мы сомкнутыми рядами кинулись на штурм дворца.

– Вот оно, змеиное гнездо!

Рябой Марган бежал рядом со мной.

– Держись, Паскале! – крикнул он мне. – Сейчас будет жарко.

Марган не ошибся: внутри дворца действительно стало жарко. Весь вестибюль, все ступеньки парадной лестницы, до самой площадки второго этажа, кишмя кишели швейцарцами, гренадерами. Они беспрестанно стреляли. Пули сыпались на нас градом.

Не теряя ни секунды, мы ринулись в атаку. Каждую пядь вестибюля, каждую ступеньку лестницы приходилось брать с боя. В этой тесноте мы не могли даже перезарядить ружья и дрались саблями, штыками, пистолетами.

Капитан Гарнье подавал нам пример – он сражался в самом первом ряду. Возле него – Марган, Воклер. Страха как не бывало. Все были возбуждены, все лезли вперед, как одержимые, расчищая себе дорогу штыками.

Шутник Пелу, указывая на красные мундиры швейцарцев, перемешавшиеся с зелеными мундирами гренадеров, крикнул:

– Эй, друзья, кто любит красные помидоры с зеленым луком? Подходи!

И с этими словами он бросил на лестницу в самую гущу противников две гранаты, начиненные картечью. Гранаты взорвались со страшным грохотом. Десятки врагов рухнули на пол.

Густой дым обволакивал нас, стесняя дыхание, слепя глаза. В ушах стоял стон раненых, грохот пальбы, звон стекол, выбитых взрывом гранат...

Громкие крики «Да здравствует нация!», которыми мы приветствовали разрыв гранат, испугали наших противников. Им показалось, что лестница взорвана и сейчас обвалится. В смятении метались они во все стороны, как затравленные звери, и в неопикуемой суматохе окончательно теряли голову. Одни из них с перепугу бросались прямо на наши штыки, другие перелезали через перила и кидались вниз, разбиваясь о плиты вестибюля...

Пользуясь этой сумятицей, мы ступенька за ступенькой взбирались по лестнице, коля и рубя немногих защитников ее – швейцарцев и гренадеров, – которые не покинули своего поста.

И вот мы уже на площадке второго этажа. Но – странное дело! – чем больше убитых врагов мы оставляли за собой, тем больше новых противников возникало перед нами!

Но тут Пелу снова бросил две гранаты в кучу аристократов, которые продолжали еще защищать площадку второго этажа.

Это решило дело: оставшиеся в живых аристократы либо бежали во внутренние апартаменты дворца, словно стая крыс, спугнутая кошкой, либо сдались на милость победителя. Поздно сдаетесь, друзья! Все равно вам некуда было бежать! Бедных наемников-швейцарцев, национальных гвардейцев, гренадеров из крестьян, из ремесленников, из рабочих – мы узнавали по рваной одежде, по грубому белью, по истасканной обуви. Этим мы дарили жизнь. Но дворянам, графам и маркизам, в рубашках с кружевами, в шелковых чулках, – этим не было пощады! С ними расправа была короткая – сабля в живот, пуля в лоб – и за окно! «Передай привет австрийцам, гадина!»

В этот день выгодно было носить одежду из грубой ткани и иметь мозолистые руки:

«Ты рабочий? Дитя народа? Кричи, черт тебя побери: «Да здравствует нация!» Так, а теперь становись добрым патриотом и не попадайся нам на глаза!.. Марш, марш!»

Но иначе разговаривали с пудренными париками:

«Ага, шелковые чулочки... бархатный камзол... На-ка, выкуси этот орешек!» И – бац! – пуля в лоб!

В продолжение двух часов мы работали не покладая рук, обыскивая зал за залом, покой за покоем, проходы, коридоры, службы, тупички, чердаки, лестницы, уборные. Мы выволакивали на свет бледных и дрожащих аристократов из-под кроватей, из чуланов, из шкафов, из альковов, из каминов, вплоть до крыши.

Нам казалось, что мы истребили их всех до последнего, и, усталые и измученные, мы возвращались во двор, как вдруг, проходя по маленькой лесенке, увидели плотно закрытую дверь, а перед ней на часах – аристократа.

– Здесь нет прохода! – закричал он.

Видя, что мы не намерены остановиться, он выстрелил из пистолета.

Пуля пробила шляпу Маргана, но он первый попросил пощадить жизнь этому отважному слуге тирана. Мы всем скопом навалились на аристократа, разоружили его и отпустили на все четыре стороны, хотя он наотрез отказался крикнуть: «Да

здравствует нация!»

Не успел этот фанатик скрыться из виду, как мы забыли о нем и стали взламывать запертую дверь. Из-за нее доносились крики, рыдания, просьбы о пощаде... Наконец, обе створки распахнулись, и мы увидели в небольшой комнате трех придворных дам постарше и одну молодую девушку. Женщины упали на колени и умоляли пощадить их.

Одна из них подползла к капитану Гарнье и сказала:

– Заколите меня, но только пощадите эту молодую девушку, мою племянницу!

Мы были ошеломлены этим неожиданным зрелищем. Да и трудно было оставаться равнодушным, слушая женские крики и плач.

Капитан Гарнье поднял женщину с пола и сказал ей:

– Вставай, гражданка! Нация дарит всем вам жизнь!

Он приказал четверем федератам вывести женщин из дворца и доставить их в безопасное место.

Пробило полдень. Во всем огромном помещении не осталось ни одного живого врага. Ни одно стекло не уцелело в окнах. Двери все были взломаны, мебель сдвинута с места и опрокинута на пол, занавеси и драпри сорваны, запятнаны кровью. Кровь виднелась повсюду! На каждом шагу лежали трупы. Мимоходом я увидел труп графа Роберта, свесившийся из окна, на том самом месте, где предатель Сюрто прикончил его выстрелом из пистолета.

Мы вошли в спальню короля, обитую синей и белой тканью.

– Вот портрет изменника-тирана! – воскликнул Марган.

И он сорвал со стены тяжелую раму и бросил ее на пол.

Взявшись за руки, мы сплясали фарандолу вокруг портрета. Мы плевали в ненавистное лицо и пели новую песню, сложенную тут же на мотив старинного провансальского танца:

Мадам Вето³⁶ могла грозить,
Мадам Вето могла грозить,
Нас всех в Париже перебить,
Нас всех в Париже перебить.
Но дело сорвалось у ней –
Все из-за наших пушкарей!
Отпляшем карманьолу³⁷!

³⁶ Мадам Вето – Мария-Антуанетта, королева Франции. «Вето» значит по-латыни «запрещаю». Людовик XVI пользовался предоставленным ему конституцией 1791 г. правом «вето», то есть правом налагать запрет (вернее, правом задерживать на долгий срок введение закона в действие), всякий раз, когда собрание народных представителей выносило неудобные ему декреты. Это вызывало возмущение революционно настроенного населения Франции, и оно в насмешку прозвало самого Людовика XVI – «Мсье (господин) Вето», а Марию-Антуанетту – «мадам (госпожа) Вето».

Славьте гром!
Отпляшем карманьолу!
Славьте пушек гром!

Со вчерашнего утра, если не считать хлеба, который раздавали в казарме ночью, мы ничего не ели и не пили. Но нам казалось, что мы сыты и пьяны. Мы обнимались друг с другом, целовались с храбрыми брестскими федератами и патриотами из округа Славы, которые вслед за нами вошли во дворец, и все вместе плясали фарандолу.

С песнями и плясками из апартаментов короля мы проникли на половину королевы.

Марган вытащил кровать королевы на середину комнаты и лег, утопая в мягких перинах, а мы, взялись за руки, закружились вокруг него в бешеном хороводе.

Вдруг мне пришла в голову мысль о Воклере. Я его давно не видел. Не случилось ли с ним чего? Не ранен ли он?

Взволнованный и встревоженный, я разорвал цепь танцующих и побежал по залам. Я осмотрел оба этажа, вестибюль, подвалы, выбегал в сад, во дворы. Я останавливался у каждого трупа, переворачивал раненых лицом кверху, боясь узнать знакомые и милые черты Воклера.

Повсюду патриоты – парижане братались с марсельскими и брестскими федератами, плясали, пели, оказывали первую помощь раненым товарищам. Но Воклера нигде не было.

Уже барабаны били сбор во дворе. В полном отчаянии я еще раз обежал вокруг дворца.

Вдруг в конце лавровой аллеи, у выхода из дворцового сада, я увидел двух человек, о чем-то оживленно разговаривающих. В одном из них – маленьком, сухоньком и кривобоком – я сразу узнал Планшо. Другой тоже показался мне знакомым.

Я остановился и пригляделся. Это был Сюрто. Собеседники были довольно далеко от меня.

Перезаряжая на ходу пистолет, я бросился к ним со всех ног и вдруг налетел прямо на Воклера!

– Что с тобой, Паскале? – спросил он. – Ты сам не свой. И где ты пропадал все это время? Я сбился с ног, разыскивая тебя.

– Сюрто... Там Сюрто! – задыхаясь от волнения, воскликнул я. – Он только что разговаривал с Планшо! Бегите за мной – я должен убить этого предателя!

Воклер без слов повернулся, и мы побежали что было мочи по лавровой аллее. Но она уже опустела: Сюрто и Планшо исчезли. Не померещилось ли мне, что я их только что видел? Но нет, вот и калитка, – она распахнута настежь.

Мы выбежали на улицу. Там также никого не было...

Видя, что я готов расплакаться от огорчения, Воклер взял меня за руку и сказал:

– Пойдем, голубчик, тебе, наверное, это показалось. Пойдем со мной – пора перекусить: ведь с вечера мы ничего не ели. Да и товарищи, верно, ждут нас. Слышишь, барабанщики бьют сбор?

Я покорно последовал за Воклером и только временами, оборачиваясь, глядел, не вернулись ли на старое место Планшо и Сюрто.

На королевском дворе капитан Гарнье, у которого голова была повязана окровавленной тряпкой, выстраивал людей в ряды.

Воклер и я обменялись рукопожатиями с товарищами. Мы поздравили друг друга с тем, что остались живыми и невредимыми.

Капитан пересчитал собравшихся. Оказалось налицо всего двести человек. Из Авиньона выступили в поход пятьсот, – неужели триста товарищей пали в борьбе? Нет, к счастью, не все еще собрались... Вот еще несколько человек подходят. Многие федераты конвоировали пленных в Национальное собрание. Другие отнесли туда же драгоценности, найденные во дворце – на полу, на коврах, в ящиках столов... Воклер тоже возвращался оттуда, когда мы встретились в саду: он сдал в казначейство полный золота кошелек, который нашел на полу в королевской спальне.

Мы горячо обнимали каждого нового товарища, возвращавшегося в строй.

Барабаны федератов продолжали бить сбор, перекликаясь с барабанами патриотов из округов Славы и Сен-Марсо, которые собирались на площади Карусель и в дворцовом саду. Но больше никто уже не подходил на их призыв. Прождав еще несколько минут, капитан Гарнье сделал барабанщикам знак умолкнуть и приступил к перекличке.

Он взял в руки список федератов и стал читать. Если никто не откликнулся на вызов, барабаны коротко били дробь, и это значило: «Умер за свободу!»

После переклички выяснилось, что выбыли из строя двести человек, из них двадцать убиты, а сто восемьдесят ранены.

В то время как мы подводили эти печальные итоги, национальные гвардейцы занялись переноской трупов, во множестве валявшихся во дворах, в садах, на лестницах и в залах дворца.

Когда очередь дошла до бедного Самá, труп которого я утром оттащил в уголок, весь батальон без команды взял на-караул.

В рядах послышались сначала всхлипывания, потом горькие рыдания, и, сломав строй, мы все окружили тело павшего товарища... Мы целовали его похолодевшие руки, свисавшие с носилок, руки, которые, как знамя, пронесли за триста лье гордый текст «Декларации прав человека и гражданина»...

Затем мы снова стали в ряды и быстрым шагом удалились от дворца, не оглядываясь назад. Только тогда я вдруг почувствовал резкую боль в руке. Оказывается, у меня был отстрелен сустав мизинца, и теплая кровь стекала по каплям на землю. Вот странно! Когда же меня ранили? Я никак не мог вспомнить.

Обращаясь к товарищам, я радостно крикнул:

– Смотрите-ка! И я тоже ранен! Мне отстрелили палец! – И от восторга я запрыгал

на одной ноге. – Да здравствует нация! Я тоже ранен!

Товарищи хохотали, видя мою радость, и поздравляли меня с тем, что я пролил свою кровь за революцию.

Но вместе с гордостью приходит и страдание: рана жгла меня, как огнем. Засунув палец в рот, чтобы хоть немного успокоить боль, я стал на свое место в рядах и пошел вместе со всем батальоном.

Товарищи запели святую песнь свободы:

Вперед, вперед, сыны отчизны!

Для нас день славы настает!

Мне тоже хотелось петь, но петь и одновременно держать палец во рту невозможно. Я очень огорчился, но делать было нечего.

Батальон вышел на улицу Сент-Оноре. Здесь прошлой ночью нас обстреливали из каждого окна, бросали нам на голову черепицы с крыш. Но то было накануне. А сейчас все изменилось. Улица была запружена празднично разодетой толпой; мужчины, женщины, дети кричали: «Да здравствуют марсельцы!»

Толстые лавочники обнажали головы, когда мы проходили, и аплодировали нам, в то время как маляры закрашивали на вывесках магазинов эмблему Бурбонов – белые лилии – и вместо лозунгов: «Да здравствует король! К черту нацию!» выводили яркими красками новые лозунги: «Да здравствуют марсельцы! К черту тирана! Да здравствует нация!»

Невдалеке от аркад моста Сен-Жан многолюдная толпа преградила нам путь. Мы остановились, и капитан Гарнье пошел выяснить причину скопления народа.

Оказывается, здесь расположились батальоны Парижской национальной гвардии под начальством Сантерра. Всю ночь и утро они простояли невдалеке от дворца под ружьем. Они ожидали исхода штурма, чтобы помочь нам... или ударить в спину, в зависимости оттого, будем ли мы победителями или потерпим поражение...

Услышав, что трон опрокинут, дворец разгромлен, а король взят в плен народом, национальные гвардейцы поспешили к нам навстречу. Они махали шапками, поднятыми на острие штыков, и кричали: «Да здравствуют марсельцы!» Но мы отлично понимали цену их лести.

– Знаем мы этих парижских буржуа! – говорили мы друг другу. – Теперь, когда мы сбили замки с ворот, они хотят проскользнуть первыми! Теперь они станут заядлыми революционерами! Сантерр, у которого выскакивал гвоздь в сапоге всякий раз, когда нужно было сделать шаг вперед, теперь быстро перекарасится. Вот увидите, завтра на всех углах будет кричать, что это он и его гвардейцы спасли нацию и свергли тирана!..

В казарме нас ждали порции хлеба и вина. У меня сохранились еще две головки чеснока. Из этих запасов мы с Воклером устроили себе роскошный пир. Славный Марган перевязал мне отстреленный палец куском трута. Выпив несколько глотков вина, я почувствовал себя совсем молодцом.

Доедая последний ломоть хлеба, я уже перенесся мыслями в переулок Гемене, в скромный домик, где жили наши дорогие Лазули, Аделина, Кларе.

Время от времени я искоса поглядывал на Воклера. Когда наши взоры встретились, я понял, что и у него те же мысли в голове. Воклер улыбнулся и сказал:

– Как, Паскале, хватит у тебя сил дойти до дому? Там, верно, с нетерпением ждут нас!

Хватит ли у меня сил? Я допил последний глоток из бутылки, вытер губы, прищелкнул языком и вскочил на ноги, готовый бежать хоть на край света.

Глава четырнадцатая ДОБРОВОЛЕЦ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ

Расталкивая возбужденную толпу, Воклер и я добрались до площади Славы. Здесь, как и в других местах Парижа, люди смеялись, пели, махали в воздухе саблями, поднимали на пики красные колпаки. Нам казалось, что в толпе больше всего шумят и кричат: «Да здравствуют марсельцы!» как раз те, кто вчера провожал нас ненавидящими взглядами.

Кое-как мы добрались, наконец, до дома Планшо и постучались в двери.

Жена Планшо, Лазули, Аделина и Кларе встретили нас на пороге.

Воклер заключил в объятия Лазули, я братски поцеловал Аделину, а маленький Кларе поочередно бросался на шею то к отцу, то ко мне.

Одна Жанетон не принимала участия в общей радости. Она стояла в стороне и, подняв передник к лицу, тихонько утирала слезы.

– Что с вами, Жанетон?

– Боюсь, не убили ли моего старика! Все уже пришли, а его нет и нет... Вот видите, я была права, когда не хотела отпускать его!

И она, уже не скрываясь, горько зарыдала.

Мы успокоили старуху и снова отдались радости свидания. Вскоре пришел и Планшо.

– Где ты был, старик? – закричала Жанетон вместо приветствия. – Ты ранен?

– Нет, не ранен, – ответил Планшо, – устал только... После штурма дворца я и один добрый патриот отвели в тюрьму какого-то маркиза... не помню, как его звали... д'Абрен, д'Арен... память стала плохая... Будет пища гильотине!

– О боже! – воскликнула Аделина и упала навзничь, бледная, как смерть.

– Замолчи, Планшо! – сказал Воклер. – Из-за тебя девушка упала в обморок!

Жанетон закрыла лицо передником и снова заплакала.

Планшо, видя впечатление, произведенное его рассказом, смутился:

– Разве, я мог знать, что малютка такая слабенькая? Знал бы – так не говорил бы! Ну, да все обойдется! Пойди, Жанетон, принеси лучше воды девочке, она тотчас же придет в себя.

Мы перенесли Аделину на кровать Лазули, так как все гильотины увезли еще утром.

Тем временем Планшо продолжал бурчать:

– Воображаю, что сделалось бы с вашей девочкой, если бы она увидела толстую мегеру, которая во что бы то ни стало хотела наброситься на маркиза. Мне с трудом удалось отстоять его...

– Это, наверное, Жакарас, – сказал Воклер.

– Да, ее так звали, – ответил Планшо.

– Так, значит, ты отвел в тюрьму маркиза д'Амбрена! А «добрый патриот», которому ты помогал... знаешь, кто он? Это цепная собака аристократов, и зовут его Сюрто! Это убийца и разбойник, он погубил десятки патриотов. Теперь он сделался любовником маркизы д'Амбрен и предал ее мужа, чтобы завладеть его состоянием. А ты, честный столяр Планшо, стал сообщником врага народа и убийцы, который еще сегодня утром стрелял из окна дворца в марсельцев!

– Воклер, уверен ли ты, что не ошибаешься?

– Так же уверен, как в том, что у меня пять пальцев на руке! Не дальше как сегодня утром Паскале чуть не погиб от его руки! Но я не стану дольше скрывать от тебя правду: знай, Планшо, Аделина – родная дочь маркиза д'Амбрена! Лазули спасла ее от Жакарас, которая привезла бедную девочку в Париж, чтобы передать в руки убийцы Сюрто. Теперь ты все знаешь, Планшо. Неужели ты способен предать славную, кроткую Аделину, которая никому и никогда не причинила вреда?

Планшо растерянно глядел на Воклера.

– Воклер, – сказал он, – я никогда не прощу себе, что стал невольным сообщником этого убийцы! Клянусь тебе, что я перерою весь Париж и не успокоюсь, пока не разыщу и не предам революционному трибуналу и негодяю Сюрто, и его сообщницу Жакарас, и преступную мать нашей бедной девочки! Клянусь, я сделаю это!

С этой минуты у нас троих была только одна мысль, только одна забота –

разыскать и добиться ареста Сюрто, Жакарас и маркизы д'Амбрен.

Не стоит рассказывать подробности розысков, которые мы производили по всему Парижу.

Все трое мы выходили из дому задолго до рассвета. Мы поделили город на кварталы, и каждый на своем участке обходил дом за домом, выпрашивая, выпытывая, подслушивая все, что могло помочь нам обнаружить притон ненавистных убийц.

Домой мы возвращались только поздней ночью. Как мы ни были измучены и утомлены, мы находили еще в себе силы, чтобы утешать всякими неуклюжими выдумками бедную Аделину. Несчастная девушка ничего не знала еще о смерти своего брата Роберта, не подозревала и о предательстве своей матери, – она скорбела только об отце. Мы, разумеется, не открывали ей глаза на настоящее положение вещей.

Эти неустанные поиски длились уже много дней и недель, а мы все еще не узнали ничего такого, что помогло бы нам напасть на след Сюрто.

Между тем приближался день ухода марсельского батальона. Законодательное собрание постановило уплатить федератам жалованье за время пребывания в Париже, и тотчас по получении денег батальон должен был в полном составе выступить в обратный путь, на юг.

Нельзя было дольше скрывать от Аделины постигшее ее несчастье. Мы украдкой посоветовались в мастерской Планшо и решили, что завтра, когда мы пойдем за жалованьем, Лазули и Жанетон расскажут всю правду бедной девушке. Лазули и Воклер хотели удочерить Аделину и увезти ее с собой в Авиньон.

Я встал на заре и поспешил уйти из дому, чтобы не слышать горестного крика Аделины, не видеть ее слез, – у меня сердце обливалось кровью при мысли о страданиях бедняжки...

У порога казармы кордельеров я встретил Маргана, Пелу и еще нескольких товарищей, которые, завидев меня, многозначительно похлопали себя по боку: у всех в карманах брнчало только что полученное жалованье.

– Иди, мой мальчик, – сказал Марган, – получай свое жалованье, а потом пойдем с нами; сегодня мы покутим. Глупо было бы уйти из Парижа, не погуляв как следует!

Я поспешил получить свои семь серебряных экю. Никогда еще мне не случалось держать в руках такой огромной суммы. Деньги жгли мне руки, и я не знал, что с ними делать.

Марган взял меня под руку и сказал:

– А теперь идем, товарищи!

И мы вшестером высыпали на улицу, держась за руки и занимая чуть ли не всю ее ширину.

В первом же кабачке, где на вывеске красовался красный колпак, мы остановились и выпили по чарочке виноградной водки, потом по другой и затем снова тронулись в путь, распевая во все горло провансальские песни.

Встречные парижане прижимались к стенам, чтобы пропустить нас, – они

привыкли уважать марсельцев после 10 августа, после штурма королевского дворца.

Мы сами не знали, куда идем, – так приятно было бродить дружной компанией.

Вот другой кабачок. Не сговариваясь, мы зашли туда все вместе. Снова выпили за стойкой по стакану, другому, третьему, и, сдвинув шапки набекрень, вышли на улицу и продолжали свой обход.

Я только временами вспоминал об Аделине, и в такие мгновения сердце мое сжималось от боли...

Вот еще один кабачок. На его вывеске написано:

АВИНЬОНСКАЯ ГАЛЕРЕА

– Зайдем сюда! – предложил Марган. – Здесь подают чудесное кросское вино, черные маслины и жареную в прованском масле треску.

Мы не заставили дважды просить себя и ввалились в кабачок всей компанией, как пчелы в улей. Хозяйка, рослая красивая южанка, радушно встретила нас. Она проворно накрыла стол и в ожидании, пока поджарится рыба, угостила нас белым хлебом, маслинами и густым темно-красным вином.

Вся поданная на стол снедь и вино были уничтожены в одно мгновение, и мы весело потребовали новые порции. Из темной кухни, расположенной в противоположном конце зала, к нам доносился аппетитный запах жареной рыбы и прованского масла. Этот запах дразнил аппетит. Наконец, хозяйка, раздумывая от жара плиты, подала нам толстые ломти трески с золотистой хрустящей коркой. Политая уксусом, эта рыба вкуснее всего на свете.

– Кажется, треска немножко пересолена, – заметил Пелу.

– Не беда! – ответил Марган. – Пересол возбуждает жажду – будем лучше пить!

И мы пили кружку за кружкой красное кросское вино, кларет, бургундское, водку, настойки, ликер. До поздней ночи мы сидели в этом кабачке.

В конце концов у меня стала кружиться голова. Какие-то огоньки плясали у меня перед глазами, я потерял всякое представление о месте, где нахожусь. Мне казалось, что я в Авиньоне; я принимал Пелу за Воклера, болтал, болтал без умолку...

Не помню, как мы снова очутились на улице. Я был мертвецки пьян, – шатаюсь, – я плелся за товарищами, не соображая, куда иду.

Однако, свежий воздух несколько отрезвил нас.

Марган сказал:

– Пора возвращаться в казарму.

– Действительно, давно пора, – заметил Пелу. – Но это не так просто. В какую сторону идти? Направо? Налево?

Каждый настаивал на своем.

– Пойдем в ту сторону!

– Нет, в эту!

– Вот видите этот фонарь? – сказал Марган. – Я узнаю его: вчера вечером на нем висел какой-то аристократ. Послушайте меня, друзья, пойдем прямо вперед: мы выйдем к реке...

Мы послушались совета Маргана и действительно скоро пришли к берегу реки. С песнями и смехом мы зашагали по набережной.

Но через несколько минут мы снова заблудились в кривых и темных переулках ночного Парижа; река куда-то исчезла...

– Не беда! – сказал Пелу. – Я сейчас найду дорогу; видите, там мерцает огонек, – по-моему, это фонарь у ворот нашей казармы.

Мы побрели на огонек, и, подойдя ближе, услышали адский шум, крики, брань.

– Ясное дело, это наша казарма, – заявил Пелу. – Получив жалованье, все перепились и теперь галдят!

Однако, вблизи оказалось, что дом несколько не походил на нашу казарму.

Один Пелу продолжал настаивать на своем:

– Войдемте внутрь. Платить за вход не нужно, дверь открыта, посмотрим, что там происходит.

Мы беспрепятственно проникли в просторный вестибюль с высокими сводами. Здесь теснилось множество санкюлотов, вооруженных саблями, пиками, железными прутьями и палками.

Все они стремились протиснуться в глубину вестибюля, к ступенькам широкой парадной лестницы. Взобравшись на подоконник, я увидел, что там за маленьким столиком сидят три санкюлота в красных колпаках. У них суровые лица, они молчаливы и скупы на движения. Столик освещен единственной свечкой, воткнутой в горлышко пустой бутылки. Свечка дает больше копоти, чем света. Вокруг столика, сдерживая напор возбужденной толпы, стоит караул из санкюлотов.

Мы попали на заседание революционного суда³⁸.

По лестнице спускался под охраной санкюлотов рослый полный священник в нарядной шелковой рясе. Санкюлоты подвели его к судейскому столу.

В толпе воцарилась тишина.

– Он отказался присягнуть нации, – заявил один из санкюлотов.

Священник молчал.

– Нет пощады врагу народа, – сказали судьи. – На гильотину его!

И среди расступившейся толпы двое санкюлотов повели бледного, дрожащего священника к выходу.

³⁸ В сентябре 1792 г. был утвержден чрезвычайный суд для разбора дел о контрреволюционерах. Этот суд был предшественником созданного декретом Конвента 10 марта 1793 г. Революционного трибунала. Чрезвычайная опасность, грозившая революционной Франции со стороны внешней и внутренней контрреволюции, требовала быстрой и беспощадной расправы с врагами революции. Однако описанная в книге Гра форма вынесения смертных приговоров крайне упрощена и не соответствует действительности.

Это зрелище отрезвило меня. Я отпустил руку Маргана и протиснулся в первые ряды, чтобы лучше видеть все происходящее. Чем ближе я подвигался к судейскому столу, тем гуще становилась толпа. Теперь меня со всех сторон окружали взрослые мужчины и женщины; все они были выше меня, и я ничего не видел, даже когда поднимался на цыпочки. Я попробовал присесть на корточки и глядеть в просвет между согнутым локтем высокого национального гвардейца, который стоял в первом ряду, опираясь на тяжелую железную палку.

– Привести следующего подсудимого! – приказал судья.

По лестнице свели вниз молодую женщину. Она упиралась, цеплялась руками за перила, обнимала колени своих конвоиров и молила их: «Пощадите! Пощадите!»

Но судьи за маленьким столиком, освещенным оплывшей свечкой, были суровы и непреклонны.

– Смерть аристократке, врагу нации! – провозгласили они, и два санкюлота поволокли к выходу рыдающую женщину.

Рослый национальный гвардеец, стоявший впереди меня, не пошевелился при этой сцене. Неподвижный, как статуя, он стоял и глядел, как спускались по лестнице один за другим арестованные попы и аристократы, ненадолго задерживались перед судейским столом и выслушивали свой смертный приговор.

Вдруг он шагнул вперед. Я услышал мужской голос, показавшийся мне знакомым:

– А, это ты, друг мой! Спаси меня! Заступись за меня!

Но великан вместо ответа взмахнул железной палкой и со страшной силой опустил ее на голову арестованного мужчины.

Тут я узнал и мужчину и его палача: национальный гвардеец – это был Сюрто, и он только что убил своего бывшего хозяина, маркиза д'Амбрена...

Я бросился к судейскому столу и, указывая на Сюрто, крикнул:

– Этот человек – враг народа и предатель! Арестуйте его!

Но Сюрто закричал громче меня:

– Патриоты, вы знаете меня! Вы видели меня всегда в первых рядах... Мальчишка лжет! Он сам слуга аристократов и враг народа. Смерть ему!.. Смерть ему!..

И толпа, поверив Сюрто, двинулась ко мне, негодующая и грозная. Десятки рук протянулись ко мне... Сейчас меня схватят и растерзают.

Но один из судей встал из-за стола и положил мне руку на голову. Тотчас же толпа отхлынула назад.

Мой спаситель спросил, кто я такой, как я попал на суд, почему я обвинил патриота Сюрто – не в отместку ли за то, что он только что убил врага народа?

Я ответил:

– Я красный южанин, федерат, участник похода марсельского батальона...

– Он лжет! – закричал пронзительный женский голос. Мне показалось, что это голос Жакарас. – Он лжет! Это прислужник аристократов. Я видела его во дворце, он

стрелял в народ!

– Смерть ему! – заревела толпа. – Смерть врагу народа!

Судья поднял руку, и все снова умолкли. Нахмутив брови, он спросил меня:

– Чем ты можешь доказать, что ты сказал правду?

Я повернулся лицом к толпе, позвал Маргана, Пелу, умоляя их удостоверить, что я действительно патриот Паскале.

Но мои друзья не откликнулись: потеряв меня в толпе, они ушли. Я был один среди разъяренных людей, грозно требовавших моей смерти. Как только судья снимет руку с моей головы, меня растерзают...

Но тут из кучки подсудимых, ожидавших своей очереди предстать перед революционным судом, послышался слабый голос:

– Этот мальчик действительно федерат из марсельского батальона. Мне осталось жить только несколько часов, а перед смертью не лгут!.. Этот мальчик помог арестовать меня на мосту Сен-Жан – мне ли не узнать его?!

Теперь и я узнал старого пастуха с берегов Изера, епископа Мендского.

Трое судей допросили епископа и меня и затем единогласно заявили:

– Мальчик сказал правду! Он действительно добрый патриот, федерат из батальона марсельцев. Ты свободен, гражданин!

– Да здравствуют марсельские федераты! – закричала толпа.

И те же руки, которые только что готовы были растерзать меня на части, теперь обнимали, ласкали меня и с триумфом понесли к выходу...

Я искал глазами Сюрто и Жакарас. Но злодеи успели скрыться, воспользовавшись тем, что внимание толпы было отвлечено мною.

Вот я снова на улице, один...

События этого последнего часа – гибель старого маркиза, нож гильотины, нависший над моей головой, – так потрясли меня, что от опьянения не оставалось и следа.

Я машинально засунул руку в карман и тотчас же в ужасе выдернул ее: карман был пуст, – от семи экю жалованья, полученного в марсельском батальоне, от трех подаренных господином Рандуле экю не осталось ничего... Куда делись деньги? Очевидно, я пропил их. А ведь эти деньги не принадлежали мне: я должен был отдать их Воклеру, который приютил меня: кормил и поил в течение шести месяцев.

Щеки у меня горели от стыда. Как я мог сделать это? Как теперь смотреть в глаза Воклеру, Лазули, Аделине? Подадут ли они мне руку или отвернутся от меня, как от бесчестного человека.

– Нет, нет, все что угодно, но только не этот позор! Как жаль, что епископ Мендский вступился за меня и помешал Сюрто убить меня!.. Тогда все было бы кончено!

Я шагал по улицам, не замечая, куда иду, сворачивал в какие-то переулки, равнодушный ко всему, кроме своего отчаяния. Напрасно я силился удержать слезы –

они потоком катились по щекам.

Мне кажется, я страдал сильнее, чем в ту ночь, когда обнаружил, что наша хижина в Гарди опустела и отец с матерью исчезли...

Вдруг я услышал за рекой рокот барабанов, бьющих тревогу.

Я остановился и огляделся. Случай привел меня к Новому мосту. На противоположном берегу реки виднелась громада королевского дворца. Казалось, звуки барабанов доносились с дворцовой площади.

Рран! рран! рран! – стучали барабаны, как в ту ночь, когда мы шли на штурм дворца.

Что это? Марсельский батальон выступает в обратный поход? Нет.

Тиран пытается вновь завладеть дворцом? Может быть.

Я побежал к дворцовой площади. Здесь на невысоком помосте стояли трое патриотов. В руках у одного развевалось трехцветное знамя нации – синее, белое, красное. Другой высоко поднимал над головой плакат:

«Отечество в опасности!»

Перед третьим на столике лежала тетрадь и чернильница: он записывал имена добровольцев, желающих поступить в армию революции.

Юноши и подростки не старше меня, полные сил мужчины и седоусые старики, ремесленники, рабочие и крестьяне подходили к помосту и вписывали свои имена в тетрадь.

Те, кто уже записался, с возгласами: «Да здравствует нация!» отходили в сторону и становились в ряды по указаниям бригадиров.

Как только набиралась рота добровольцев, бригадир раздавал ружья, порох, пули, и рота выступала в поход, на фронт, к границам родины, которой угрожали армии иностранцев.

«Отечество в опасности!» – подумал я, и сердце бешено заколотилось в моей груди. Расталкивая толпу, я бросился к помосту и закричал:

– Запишите и меня! Да здравствует нация!

Патриот, составляющий список, занес мое имя в свою тетрадь. Я хотел уже сойти с помоста, чтобы стать в строй, но он задержал меня:

– Гражданин! Получи свое жалованье за месяц, как все другие! Здесь три экю!

Затем, пристально поглядев на меня, он добавил:

– Мне кажется, я знаю тебя. Ты живешь в переулке Гемене у доброго патриота Планшо, моего соседа?

– Да, я живу у Планшо, – ответил я.

Неожиданное упоминание имени Планшо взволновало меня, – внезапно передо мной возникли дорогие образы Аделины, Воклера, Лазули, и сразу стыд и отчаяние

овладели мной с прежней силой и слезы навернулись на глаза.

Но я постарался справиться со своим волнением. Не пристало плакать добровольцу революционной армии! Подавив дрожь в голосе, я сказал патриоту:

– Так как ты наш сосед, гражданин, я поручаю тебе передать прощальный привет всем моим домашним и вручить Воклеру эти три экю. Скажи, что Паскале посылает ему деньги в благодарность за все, что Воклер и Лазули для него сделали, что Паскале теперь доброволец революционной армии, что опасность, угрожающая отечеству, заставляет его немедленно выступить на фронт, чтобы защищать революцию...

Опуская три экю в карман патриота, я почувствовал, что с совести моей свалился весь груз стыда и отчаяния.

Рран! рран! рран! – барабан забил поход, и наш отряд тронулся в путь, к северной границе Франции, навстречу иностранным захватчикам.

Ровно два года спустя, 16 фрюктидора II года республики³⁹, я вернулся в Париж вместе со своим отрядом.

Мы сражались на берегах Рейна и в болотах Голландии, пока последний враг не покинул земель республики. Теперь, накануне переброски отряда в итальянскую армию, нам дали несколько дней отпуска и отдыха в Париже.

Но в этот день, 16 фрюктидора, я был назначен в наряд при гильотине, рубившей голову врагам республики.

Держа ружье на-караул, я стоял на эшафоте, возле самой «национальной бритвы». Взгляд мой блуждал по толпе зевак, тесным кольцом обступивших подножие эшафота. Телеги одна за другой подвозили на площадь все новые и новые партии приговоренных к смертной казни врагов народа – аристократов. Некоторые держали себя мужественно, были спокойны и даже веселы, словно их привезли на праздник. Другие были бледны – ни кровинки в лице; они шли, шатаясь, уже сейчас более мертвые, чем живые.

Я обратил внимание на телегу, в которой сидели трое приговоренных: один мужчина и две женщины. Когда эта телега подъехала к эшафоту, мужчина, поглядев на меня, вдруг отвернулся и низко опустил голову. Я пристально посмотрел на него, и внезапно вся кровь бросилась мне в голову: это был Сюрто! А женщины – маркиза д'Амбрен и Жакарас...

Вот приговоренные поднялись по лестнице... Трус Сюрто отступил назад, чтобы не проходить первым. Маркиза дрожала и читала молитвы. Жакарас хриплым голосом изрыгала проклятия. Но палачу некогда. Он схватил Сюрто и швырнул его под нож гильотины.

Я хотел напомнить Сюрто о всех его преступлениях, сказать ему, что он заслужил

³⁹ В 1793 г. в ознаменование провозглашения Французской республики во Франции было упразднено христианское летоисчисление и установлен новый, революционный календарь. Первым днем этой новой эры считался первый день Республики – 22 сентября 1792 г. Месяцы нового календаря получили свое название в соответствии с особенностями времен года. Фрюктидор – месяц плодов (с 18 августа по 16 сентября). Следовательно, Паскале вернулся в Париж 3 сентября 1794 г.

свою кару, но не мог выговорить ни слова. У меня только-только хватило сил указать пальцем на нависший над ним нож.

Все трое – Сюрто, маркиза и Жакарас – одновременно подняли глаза, и вдруг все вместе испустили крик ужаса. Да и сам я, содрогаясь, отступил...

Не вид ножа произвел такое впечатление. На перекладине гильотины черной краской было написано:

«АДЕЛИНА».

Трижды нож скользнул по желобкам вертикальных балок. Три головы с глухим стуком одна за другой упали в корзину...

Скоро меня сменили с караула.

Через несколько дней наш отряд уже присоединился к итальянской армии, которой командовал генерал Бонапарт, будущий император Наполеон I.

